

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2015
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Улунян Ар.А.</i> (Москва). Румыния: 1916 год. Британские оценки и прогнозы	3
<i>Борисенок Е. Ю.</i> (Москва). Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы	17
<i>Билек Я.</i> (Прага). Писатели и сфабрикованные политические процессы в Чехословакии 1950-х годов	29
<i>Шакирова Е.З.</i> (Москва). В поисках целостности: опыт философского и поэтического синтеза в творчестве Агилы Йожефа	39
<i>Кончаревич К.</i> (Белград). Дискуссии о богослужбном языке в Сербской православной церкви (исторический обзор и современное состояние)	52

СООБЩЕНИЯ

<i>Соколовская О.В.</i> (Москва). Порос как военно-морская база России	65
<i>Троев П.С.</i> (Якутск). Руководители польского восстания 1863–1864 годов в якутской ссылке	77
<i>Белюсов С.С.</i> (Элиста). Поляки в этносоциальном пространстве Калмыкии	83
<i>Гром О.А.</i> (Ростов-на-Дону). Молдавский национализм в «публичной сфере» Бессарабии (1906–1908 годы)	89

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Попов К.А.</i> I. Halász. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí	103
<i>Хаванова О.В.</i> Levélben értesítsen engem! Kortársak Széchényi Ferenc könyvtáralapításáról	106
<i>Дмитриев Д.Г.</i> R. Kowalczyk. Rozwój przemysłu ciężkiego w Królestwie Polskim w latach 1877–1914	108
<i>Кретинин С.В.</i> W. Chu. The German Minority in Interwar Poland	110
<i>Майорова О.Н.</i> Н.И. Бухарин. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века	112

<i>Белова О.В., Валенцова М.М.</i> Международная конференция «Народная проза в Словакии в контексте истории славистики».....	117

ЮБИЛЕИ

К юбилею Ритты Петровны Гришиной	122
<i>Белова О.В., Петрухин В.Я.</i> К юбилею Виктории Валентиновны Мочаловой	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2015 г. *Ар. А. УЛУНЯН*

РУМЫНИЯ: 1916 год. БРИТАНСКИЕ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ

В статье исследуется британское видение стратегической роли Румынии в 1916 г., накануне и первый период ее участия в Первой мировой войне. Автор анализирует взгляды, содержащиеся в конфиденциальных документах британского кабинета, излагавшиеся на заседаниях британского парламента и в британской прессе на протяжении 1916 г. по «румынскому вопросу». Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам британских оценок и прогнозов перспектив Румынии как члена Антанты.

The article focuses on the British vision of Romania's strategic role in 1916, that is on the eve and during the initial stage of its participation in World War One. The author analyses views, which found their expression on the pages of British governmental confidential documents, opinions voiced at the sessions of the Parliament and assessments of the British press in 1916 on the Romanian question. Distinct attention is paid to disputable aspects of British assessments and forecasts on the perspectives of Romania's membership in the Entente.

Ключевые слова: Румыния, Первая мировая война, 1916 г., Балканы, Великобритания, Антанта, британский парламент, британская пресса, Военный кабинет, территориальные вопросы.

Мировая война разделила Балканские государства на союзников и противников двух основных мировых блоков – Тройственного союза (Центральные державы) и Антанты. При этом две Балканские страны – Греция и Румыния на начальном этапе войны провозгласили нейтралитет, судьба которого зависела не только от внешних факторов, но и от расстановки внутривнутриполитических сил. Оба государства представляли различный по масштабу стратегический интерес для двух альянсов. Их вовлечение в боевые действия на стороне одного из союзов являлось частью военно-стратегических планов противостоявших блоков. Более того, еще в 1883 г. Бухарест подписал секретный договор о присоединении Румынии к Тройственному союзу – Германии, Австро-Венгрии и Италии, что играло также свою роль при рассмотрении вопроса об изменении внешнеполитического курса и возможном присоединении к Антанте. Британия, как одна из ведущих сил Антанты, имела собственное видение «румынской ситуации». План привлечения Румынии на сторону Антанты в условиях активной фазы боевых действий на Западном и Восточном фронтах заставлял британское правительство, крайне заинтересованное в скорейшем отказе Бухареста от нейтралитета, предпринять шаги, способные убедить румынскую сторону в выгоды проантантовского

Улунян Артем Акопович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

курса и участия на стороне этой коалиции в боевых действиях против Центральных держав. В соответствии с британским видением складывавшейся в мире военно-стратегической ситуации, для Британии существовало пять главных театров военных действий, которые включали несколько основных фронтов: Западный ТВД (германо-франко-бельгийский фронт, с британским, швейцарским, скандинавским и голландским направлениями); Восточный (русско-германский, русско-австрийский и австро-румынский фронты); Южный (австро-итальянский и балканский, включая болгаро-румынский фронты, а также Проливы); Азиатский и Египетский ТВД, куда входил и Кавказский фронт; морской ТВД. Примечательным фактом при этом являлось то, что в соответствии с планами наступления, которые были одобрены британским Военным комитетом 28 декабря 1915 г., для Британии основными фронтами рассматривались Франция и Фландрия. В то же время Британия не имела детальной информации о ситуации в политических и правительственных кругах Румынии, что было обусловлено в немалой степени еще и тем, что британская разведка имела ограниченное количество агентов в Румынии [1. Р. 68].

Лишь к декабрю 1915 г., когда важность Румынии с точки зрения ее геостратегического положения и сырьевых ресурсов, включая развитую нефтяную промышленность, становилась все более очевидной с точки зрения стратегических планов как Центральных держав, так и Антанты, британская разведка смогла активизировать свою деятельность по сбору политической, военной и экономической информации [1. Р. 129, 130].

В начале февраля 1916 г. британской стороной были обнародованы отдельные документы из переписки бывшего военного атташе Германии в США Франца фон Папена. Этот «минисборник» представлял собой 38-страничную брошюру, предназначенную для ознакомления членов обеих палат британского Парламента [2]. 12 февраля 1916 г. британская газета «The Spectator» опубликовала выдержки из ряда документов, касавшихся оценки германскими дипломатами и политиками перспектив участия в войне отдельных балканских государств накануне ее начала. Так, в частности, прогнозировалось присоединение Болгарии к Центральным державам в конце августа 1914 г. и сохранение нейтралитета Румынией [3. 1916. 12 П. Р. 3]. Борьба в британских политических кругах по вопросам оборонной и внешней политики оказалась тесно связана с конкретными вопросами союзничества Британии. В этой связи политика британского правительства на Балканском направлении находилась в центре особого внимания, так как имела прямое отношение к решению одной из важных в то время не только для государств региона, но и великих держав проблем: контроля над черноморскими проливами. В этой связи оценка позиций балканских государств и, в частности, Румынии, приобретала особое значение. Последовавшее 21 февраля 1916 г. в Палате общин британского парламента выступление члена Союза демократического контроля – объединенной группы либералов и лейбористов Дж. Кинга являлось демонстрацией точки зрения сторонников отказа от тайной дипломатии и сокращения влияния военных кругов на политическую жизнь страны. Сославшись на хорошо информированного корреспондента британской газеты «The Daily Telegraph» Эм.Дж. Диллона, который, кстати, на протяжении долгого времени являлся корреспондентом этой газеты в России и был лично знаком со многими представителями российских политических кругов, Кинг привел слова журналиста о том, что «если бы [...] общей целью нашей ближневосточной политики была бы передача Константинополя русским, тогда бы бегство Греции, сопротивление Болгарии и колебания Румынии можно было бы сразу объяснить». Данное утверждение давало основание для вывода Кинга о том, что «будь наша политика понятной и открытой для мира, а также справедливой по отношению к будущему Константинополя, все три балканских государства были бы на нашей стороне, сражаясь против Центральных держав» [4. С. 526]. Публикации Диллона оказали серьезное влияние

на общественно-политическое мнение в Британии именно в контексте взаимосвязи между обнародованным им, хотя в завуалированной и приобретшей форму «аналитического предположения», секретного соглашения о дальнейшей судьбе Константинополя. Близкую по своему содержанию к позициям Дж. Кинга точку зрения высказывал 23 февраля 1916 г. на заседании Палаты общин представитель радикального крыла Либеральной партии Р.Л. Аутвейт, который также обвинил правительство в том, что стремясь обеспечить участие в войне России, оно гарантировало ей передачу в будущем столицы Османской империи, и таким образом, отвратило от себя Болгарию и Грецию, а Румыния заняла нейтралитет [5. С. 771]. Обсуждение результатов возможных действий на Балканском направлении весной 1916 г. приобретало особое значение, так как касалось ситуации на Западном и Восточном фронтах. Обсуждение этой темы в британском парламенте имело не только военное, но и, прежде всего, политическое значение, так как затрагивало формулирование внешнеполитического курса по отношению к конкретным странам региона. Выступавший 15 марта 1916 г. в Палате общин У. Эстор, являвшийся одним из крупнейших в Британии газетных издателей и личным другом либерального политика Дэвида Ллойд Джорджа, многократно занимавшего пост премьер-министра страны, обращал внимание на важность для союзников по Антанте Румынии, которая продолжала сохранять нейтралитет. Перспектива развития ситуации давалась Эстором с учетом геостратегической роли этой страны, и он прогнозировал вероятность реализации двух сценариев. В первом случае, как отмечал он в своей речи, «мы оказываем давление на Западном фронте, а русские давят на Восточном. Если бы мы отступили от Салоник, то первым бы результатом подобных действий стала концентрация болгарских, австрийских, немецких и турецких сил против Румынии и Греции, и принудило бы их отказаться от нейтралитета и выступить против нас». Второй сценарий, являвшийся результатом перехода Румынии на сторону Центральных держав, был способен привести к тому, что выступив против Антанты, Румыния могла бы обеспечить нападение в тыл русских войск «с фланга, через Бессарабию, через Черное море и Кавказ», а Британия «была бы вынуждена напрасно ожидать русского наступления», на которое она «рассчитывала в ближайшем будущем, когда наши доблестные союзники [французы. – *Ар. У.*] окажутся вновь готовы предпринять наступление» [6. С. 2144]. Борьба между пацифистской частью британских политических кругов и теми, кто рассматривал их действия с точки зрения угрозы оборонным возможностям Британии, совершенно неслучайно приобрела весной 1916 г. «румынское измерение», что было обусловлено стремлением как Центральных держав, так и членов Антанты склонить Бухарест на свою сторону. Одним из направлений в пропагандистской деятельности обоих союзов было использование материалов прессы государств – членов противостоявших блоков для достижения собственных целей. Именно поэтому материал из британской социалистической газеты «The Labour Leader», выступавшей против участия Британии в войне и в целом против войны, посвященный методам срыва всеобщей воинской мобилизации и отказу от принятого парламента закона «Military Service Act», переведенный на румынский язык и распространявшийся в Румынии, привлек внимание тех британских парламентариев, в частности Б. Пито, которые видели в этом стремление не только подорвать обороноспособность собственно Великобритании, но и не допустить перехода Бухареста в лагерь Антанты [7. С. 2424, 2425]. Действия русской армии против австро-венгерских войск весной 1916 г. оценивались в британской прессе, в частности газетой «The Spectator», опубликованной в разделе «Военная ситуация» специальный материал, как важный фактор воздействия на позиции Бухареста, в связи с чем отмечалось, что «на Днестре русские нанесли удар австрийцам, которые уже отступили, и если это продвижение будет продолжено, его влияние на политику Румынии будет иметь определенно большое влияние. Звезда германофильской партии в Румынии приближается к закату. Мы еще,

возможно, увидим как это произойдет уже навсегда» [3. 1916. 25 III. P. 5]. Наступление русских войск на Юго-западном фронте в мае 1916 г., вошедшее в историю как «Брусилловский прорыв», начало серьезно влиять на военно-стратегическую ситуацию в «предбалканской» части фронта.

В свою очередь, значимость Румынии не только в военно-стратегическом, но и военно-экономическом отношении для Антанты рассматривалась в британском парламенте с точки зрения имевшегося у этой балканской страны сырьевого потенциала – нефти, добыча которой неуклонно росла, что привлекало внимание в условиях Мировой войны как Центральных держав, так и Антанты. Во многом это объяснялось тем, что Румыния в начале XX в. была единственным в мире экспортером бензина, производство которого достигало 5 тыс. баррелей в день. Деятельность передовой для того времени нефтяной компании «Астра Ромынеэ» (Societatea Astra Română), головное предприятие которой находилось в Плоештах и принадлежавшей совместному англо-голландскому нефтяному трасту «Royal Dutch Shell Group», являлась важным фактором для оценки британскими политическими кругами перспектив участия Румынии в войне на стороне одной из противостоявших военных коалиций. Однако на протяжении «первых двух лет мировой войны, пока Румыния занимала позицию нейтралитета (1914–1916 гг.), произошла переориентация международной торговли нефтью, т.е. после закрытия Проливов основная часть экспорта шла по суше и направлялась в Центральные державы (Германию и Австро-Венгрию)» [8. P. 33].

Поэтому на проходивших в Палате общин британского парламента 20, 24 и 31 июля, а также 14 августа 1916 г. заседаниях тема британского участия в румынской нефтяной промышленности подверглась детальной оценке как с точки зрения выяснения важности «Астра Ромынеэ» для британских экономических интересов, так и проникновения в эту отрасль германского капитала.

Имея в виду, что для многих государств-участниц Мировой войны особое значение приобретала проблема послевоенного территориального устройства, имеющая для Балкан и Центрально-Восточной Европы традиционный характер, британская дипломатия активизировала разработку вопросов, связанных с этой тематикой. 7 августа 1916 г. Военному кабинету был представлен специальный меморандум под названием «Предлагаемые основы территориального урегулирования в Европе». Его авторами являлись кадровые дипломаты, одним из которых был хорошо знакомый с европейскими и балканскими проблемами Р. Паджит, а другим – У. Тиррелл, ставший впоследствии первым главой Департамента политической разведки Форин Оффиса. В преамбуле к этому документу формулировались принципы британской политики по территориальным проблемам Европы, и отмечалось, что британское правительство заявило как об одной из своих целей «в нынешней войне – гарантировать, что все государства Европы, большие и малые, будут иметь в будущем возможность обеспечить национальное развитие в сфере свободы и безопасности. Понятно, однако, что никакой мир не может быть удовлетворительным для этой страны [Британии], если он не обещает быть длительным, и неотъемлемым условием такого мира должно быть то, что он обеспечивает национальные чаяния в полном объеме насколько это практически возможно. Поэтому национальный принцип должен быть руководящим фактором при рассмотрении территориальных изменений после войны [...] Мы должны понимать в дальнейшем, что наши союзники, помимо любых обещаний, которые мы могли им дать, могут выдвинуть требования, находящиеся в противоречии с принципами национальности. В этом случае наше поведение должно определяться общими условиями и британскими интересами в частности. Наконец, мы не должны продвигать национальный принцип настолько, насколько это усилит какое-либо государство, что, скорее всего, станет причиной угрозы европейскому миру в будущем» [9. P. 2]. Региональный балканский аспект послевоенного территориального устройства, занимавший в меморандуме несколько страниц,

с достаточной ясностью свидетельствовал о том, что, как писали сами авторы этого документа, «британские интересы на Балканах, похоже будут заключаться в существовании в будущем некой комбинации Балканских государств, достаточно сильных для того, чтобы выступать в роли противовеса германским государствам, с одной стороны, и наконец, сильно расширившейся России, с другой» [9. Р. 8]. Румыния в данном контексте и, вероятно, в силу того, что продолжала оставаться нейтральной, как и другое балканское государство – Греция, оказалась с последней в том же разделе меморандума и с минимальными, как и Греция, предложениями территориальных изменений в ее пользу, что нашло свое отражение и в фразе документа о том, что «Греция и Румыния заслуживают, но малого внимания со стороны союзников. Если, в том случае, что они будут настаивать на их нынешнем поведении, союзники имеют право учитывать только общие интересы, когда придет время урегулирования границ этих государств» [9. Р. 10]. В документе отмечалось, что «союзники связаны поручительством России, в соответствии с которым Буковина и румынская часть Трансильвании были бы переданы Румынии». При этом авторы меморандума полагали нежелательным расширение Румынии за счет Баната «в общих интересах союзников и поэтому румынская часть Баната, которая не отойдет к Сербии, должна быть оставлена Венгрии [...] Мы рекомендуем преимущественно разделить Банат между Сербией и Венгрией, нежели между Сербией и Румынией, так как Сербия скорее примирится с потерпевшей поражение Венгрией, чем с разочарованной Румынией» [9. Р. 10].

В самой Румынии внутривосточная ситуация накануне Первой мировой войны свидетельствовала о складывании трех основных групп, представители которых принадлежали как собственно к королевской фамилии, так и руководству действовавших в стране политических партий. Странниками военного союза с Центральными державами являлись румынский король Кароль I, лидер консервативной партии, дважды занимавший ранее пост премьер-министр П. Карп, прогермански настроенный член той же партии А. Маргилман, К. Стере. Другая группа румынских политических деятелей в лице премьера И. Брэтиану, Н. Филипеску, Н. Йорга и Т. Ионеску, несмотря на то, что ее члены и проявляли определенные колебания по поводу присоединения к противостоявшим блокам в лице Центральных держав и Антанты, в конечном счете склонялись в пользу союза с последней. Помимо этих двух существовала и третья группа так называемых сторонников румынского нейтралитета, в которую входил один из известных деятелей консерваторов Т. Майореску, а также социал-демократические деятели. Примечательным фактом была тесная связь многих из названных политиков со средствами массовой информации Румынии, прежде всего, газетами, которые нередко тайно финансировались с целью пропаганды соответствующих идей государствам – членами двух противоборствующих блоков [10]. Заинтересованность Британии и Франции в скорейшем присоединении Румынии к Антанте начала реализовываться с подписанием 13 августа 1916 г. военного договора между Британией и Румынией. 17 августа был заключен договор Румынии с членами Антанты. Следует отметить, что Россия без особого желания соглашалась на вовлечение Бухареста в войну, так как еще в начале 1916 г., во время визита в Россию румынского политика проантантовской ориентации Н. Филипеску стало ясно, что Румыния не готова к войне [11]. 27 августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии. К 1 сентября все члены блока Центральных держав уже находились в состоянии войны с Румынией.

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты оказало влияние на взгляды и послевоенные планы британских политических кругов относительно роли этой страны в системе региональных отношений. В отличие от высказывавшихся еще в июле 1916 г. скептических оценок перспектив Румынии после окончания мирового конфликта, уже в начале сентября того же года во влиятельных британских газетах, к числу которых относился «The Spectator»,

заявлялось явно в расчете на румынские политические круги, о том, что в будущем Румынии предстоит сыграть роль основного партнера Британии на Ближнем Востоке, под которым, в данном случае, подразумевались Балканы. В этой связи примечательным становилось во многом пропагандистски звучащее объяснение присоединения Бухареста к Антанте в британской прессе, когда в газете «The Spectator» в материале под названием «Наш новый союзник» заявлялось о том, что «румынские государственные деятели и народ поступили дальновидно и предусмотрительно. Они рассматривали только две альтернативы: либо непоколебимый суверенитет, либо союз с Францией, Британией и Россией с целью получения Трансильвании и окончательного объединения всех румын под единой короной. Мы хорошо понимаем их осторожность при выборе между бесславной, но кажущейся безопасной позицией нейтралитета и политикой войны, которая всегда рискованна. Германская пресса, которая время от времени дразнила их [румын], недавно подчеркнула, что Румыния присоединится только к побеждающей стороне. В то время как противник обратился к Цезарю, он должен принять вердикт Цезаря. Румыния, решив после тщательного изучения вопроса о том, чтобы связать свою судьбу с нами, выразила полную уверенность в том, что мы должны выиграть войну и что этот вопрос нельзя больше откладывать» [3. 1916. 1 IX. P. 6]. В определенной степени оценка действий Румынии при ее присоединении к Антанте, содержащаяся в германской прессе, причудливым образом совпадала с оценкой известного британского публициста С. Брукса, опубликовавшего в одном из влиятельных американских журналов «The North American Review» статью под названием «Влияние решения Румынии» в которой он отмечал, что «не союзники собираются победить, потому что Румыния связала свою судьбу с ними. Наоборот, Румыния связала с ними свою судьбу, потому что она убедилась сама себя в том, что они собирались победить» [12. P. 532]. Примечательным было объяснение, дававшееся в упоминавшейся уже публикации «The Spectator» причинам позднего вступления Румынии в коалицию и роль в этом Италии, в связи с чем заявлялось о готовности румынской стороны выступить на стороне Антанты еще в 1915 г., если бы она чувствовала себя достаточно сильной, а само участие Румынии под влиянием Италии объяснялось ее симпатией в отношении «своей латинской сестры» в «борьбе, которая высвободит несчастную Румынию из-за пределов Карпат, точно так же как освободит итальянцев Триеста и Тренто» [3. 1916. 1 IX P. 6]. В то же время в газетной статье, приводившей краткую историю Румынии, отмечалось, что ее целью было объединение всех румын в рамках единого государства, так как за его пределами их проживало около 5 млн. человек. Однако если в отношении Трансильвании, Баната и Буковины тональность британской газеты свидетельствовала о полной поддержке требований Румынии, то о Бессарабии говорилось вскользь, что свидетельствовало о нежелании породить подозрения у российской стороны относительно поддержки Британией идеи объединения бессарабских земель с Румынией [3. 1916. 1 IX. P. 7]. Хвалебная тональность публиковавшихся в британской прессе статей по поводу вступления Румынии в войну подчеркивала значимость для Лондона присоединения Бухареста к Антанте. В стратегическом плане роль румынской стороны оценивалась с учетом того, что уже в ближайшее время союзники могли рассчитывать на «новую и свежую армию от семисот до восьмисот тысяч солдат», которые должны были усилить левый фланг русских войск и, «таким образом предотвратить любую угрозу для этого фланга во время наступления, которое сейчас витает в воздухе». Более того, отмечалось, что «Румыния не начала войну в изоляции, а в тесной связи с русскими, и, благодаря русскому господству в Черном море, ее порты были гарантированы от турецких устремлений». Одновременно, в публикации того же «The Spectator» подчеркивалось, что Румыния начала действия в наиболее уязвимых для Центральных держав местах, и благодаря географическому положению она способствовала выявлению этих слабых мест австро-гер-

манского блока, в частности юго-восточной части Венгрии. Участие румынских войск в боевых действиях, как об этом заявлялось, было необходимо для того, чтобы нанести удар по Болгарии с двух флангов – из Салоник и Бухареста [3. 1916. 1 IX. P. 7]. Значимость Румынии для Британии получила свое освещение и в специально изданной в 1916 г. брошюре «Румыния и Великобритания», автором которой, как отмечал в предисловии к ней известный британский бизнесмен шотландского происхождения, мэр Глазго Т. Данлоп, был натурализованный в Британии бывший румынский подданный А. Гершович-Херст. Ее содержание имело информативный характер, но, в то же время, было рассчитано на то, чтобы подчеркнуть важность Румынии в военно-стратегическом и экономическом отношении для союзников по Антанте [13].

Однако ситуация, складывавшаяся на румынском фронте в начале сентября 1916 г., была неблагоприятной как для самой Румынии, так и ее новых союзников по Антанте. Первое поражение румынских вооруженных сил произошло в битве при Туртукае, состоявшейся 1–6 сентября 1916 г. Известный румынский военный и политический деятель генерал А. Авереску, командовавший Третьей армией в битве при Туртукае, занимавший на исходе Первой мировой войны пост министра иностранных дел, а затем, после ее окончания, премьер-министра, писал в дневнике: «В войсках распространены семена паники! И с этими войсками необходимо выполнить “план операции” на линии Варна – Шумла – Русчук, и выйти к устью р. Янтры! Туртукай был катастрофой: силы корпуса были частично уничтожены, частично взяты в плен [...] Кто объяснит потерю стольких жизней и этот позор? Кто?» [14. P. 20].

На северном направлении, «в соответствии с оперативной директивой № 1 и приказом Генерального штаба от 13 (26) августа 1916 г. [IV] армии (под командованием генерала К. Пресана. – *Ар. У.*) предписывалось предпринять наступление на фронте протяженностью 270 км с целью ликвидировать сопротивление противника и скорейшим образом достичь верховьев долин рек Муреш и Олт, создав благоприятные условия для наступления на западе, и установить взаимодействие с IX русской армией» [15. P. 270]. Действия этой армии были на отдельных этапах боевых действий осени 1916 г. успешными, но не решающими.

К началу октября 1916 г. в британской прессе начали высказываться опасения о том, что Румыния сталкивается с серьезными трудностями, пытаясь отбить наступление в Добрудже. Опасность, с которой столкнулись румынские войска, была обусловлена тем, что, как отмечалось в газетной статье, «Румыния последовательно и методично стоит перед выбором в Добрудже, при том, что она не ослабляет контроль над Трансильванией, одну треть которой она сейчас оккупировала» [3. 1916. 7 X. P. 5]. Со своей стороны, начальник имперского Генерального штаба генерал У. Робертсон в представленном 1 октября 1916 г. Военному кабинету меморандуме отмечал, обращаясь к «румынскому направлению»: «По моему мнению, решающая кампания против сил противника на Балканах может проводиться этой зимой только с румынского фронта. Преимущества, которые должны быть достигнуты этой кампанией, были уже представлены [Военному] комитету, и мне нет необходимости повторять их. Я обсуждал этот вопрос с генералом Жофром (главнокомандующим французской армией. – *Ар. У.*), и я выяснил, что он, в общем, согласен со мной, но мы оба чувствуем, что это зависит в основном от объема помощи, которую Россия готова предоставить Румынии и [что решит], осуществима ли такая операция или нет» [16. P. 3]. Однако реализация британского плана к началу октября 1916 г. находилась под угрозой. Это было связано с тем, что Флемындская операция, предпринятая румынской армией 29 сентября 1916 г. с целью остановить наступление на южном фланге, развивавшееся под командованием германского генерала Макензена, и форсирование румынскими войсками Дуная, несмотря на сопровождавшее ее наступление русских войск в Добрудже, закончилась 5 октября поражением.

11 октября 1916 г. выступивший в палате общин британского парламента Первый лорд адмиралтейства Э. Карсон отметил, что развитие событий на Балканах, «похоже, дают основания для беспокойства с нашей стороны». Особые опасения вызывала ситуация, складывавшаяся вокруг Румынии, так как Германия развивала свой успех в войне против нее. Более того, мнение Карсона, являвшееся в большой степени отражением общих настроений в британских политических и правительственных кругах, касалось и такого важного для Британии аспекта как послевоенное урегулирование. В этой связи он отметил, что «консолидация Балканских государств под каблуком немцев и их владения в то время, когда могут быть выдвинуты мирные предложения», может создать серьезные проблемы при их рассмотрении и принятии [17. С. 105].

Ход боевых действий на Балканах, в частности на Салоникском (Македонском) фронте, где союзные силы Антанты действовали против болгарских и германских войск, к осени 1916 г. был не в пользу Центральных держав. Однако в октябре 1916 г. ситуация не позволяла считать отступление болгаро-германских войск окончательной победой, а от действий союзников по антантовской коалиции во многом зависело положение дел на «румынском» направлении, где ситуация складывалась не в пользу Антанты. Ее преимущества на македонском фронте были достигнуты лишь в ноябре и с большими потерями, которые составили около 50 тыс. убитыми из числа военнослужащих армий Антанты и около 60 тыс. для болгарской и германской армии. В начале октября 1916 г. эта тема была в центре внимания в британских общественно-политических и журналистских кругах. На заседании Палаты общин британского Парламента 12 октября 1916 г. депутат Дж. Диллон в довольно жесткой форме критиковал позицию британского правительства и Генерального штаба, которые, как он отмечал, «сделали все, что было в их силах, для того, чтобы скомпрометировать экспедицию [посылку британских войск на Македонский (Салоникский) фронт]» [18. С. 264]. Румынский аспект этой проблемы связывался выступавшим, ссылавшимся на обращение в газете «The Times» неназванного им «румынского профессора» (вероятно, известного румынского ученого-историка и политического деятеля Н. Йоргу), «к народу Британии, чтобы вовремя осознать, с его точки зрения, как жизненно и настоятельно важен данный вопрос для судьбы Румынии» [18. С. 264]. Диллон требовал от главы военного министерства четких гарантий в адрес Румынии о готовности Британии и союзников поддержать ее, проведя контрнаступление в Македонии. Примечательным фактом являлась ссылка парламентария на некие неназванные им «по понятным соображениям» источники, предоставившим ему информацию о затягивании британской стороной этой операции, и обращение к авторитету уже упоминавшегося журналиста «The Daily Telegraph» и его однофамильцу Дж. Диллону, лично знакомому со многими политическими деятелями балканских государств. Последний обнародовал эти сведения в очередной статье своей газеты. Суть предупреждений парламентария Диллона сводилась к тому, что поражение Румынии могло нанести непоправимый вред как в целом Антанте, так и, в частности, Британии, поставив под вопрос судьбу послевоенного урегулирования [18. С. 86]. Серьезность положения, в котором оказалась Румыния, стала предметом короткой, но острой дискуссии на заседании палаты общин 19 октября 1916 г., когда депутаты Р. Хант и Э. Карсон обратились к присутствовавшему на заседании государственному секретарю по делам колоний Э. Бонару Лоу с требованием, чтобы премьер-министр дал четкий ответ о том, что делается для того, чтобы не допустить разгрома Румынии, аналогично тому, как потерпела поражение Сербия. Ответ представителя правительства, с одной стороны, содержал уверения в том, что Британия и союзники делают все, что возможно, а, с другой, намеки на то, что не все может быть произнесено публично ввиду секретности предпринимаемых мер [19. Р. 727, 728]. Буквально в это же время британская пресса, внимательно следившая за развитием ситуации на Балканах, все при-

стальнее интересовалась «румынским направлением». Его важность для общестратегической ситуации заключалась в том, что румынская армия оттягивала с Западного фронта германские войска, что было необходимо для британских и французских сил в Европе. От степени готовности румынской стороны продолжать вести боевые действия отчасти зависела судьба операций на европейском театре. Именно поэтому в опубликованной 21 октября 1916 г. газетой «The Spectator» статье под названием «Новости недели» содержалось несколько утверждений, призванных как объяснить сложившуюся ситуацию, так и доказать верность представленного в статье довольно оптимистического прогноза. В этой связи, в частности, отмечалось, что «Румыния, как и другие державы, включая и самих Германию и Австрию, в первые две недели боевых действий, несомненно откусила больше, чем могла прожевать и была вынуждена отступить со своих позиций в Трансильвании, которую она оккупировала на первоначальном этапе стремительного броска [...] Мы вынуждены заявить о том, что ситуация с Румынией, даже когда она считалась самой плохой, никогда не вызывала у нас серьезного беспокойства и нам совершенно не понятно, почему она должна была бы вызвать столь сильное беспокойство среди серьезных знатоков войны, за исключением того, что наши пессимисты похоже считают, что они должны демонстрировать то и дело тревожные предчувствия». Более того, вопреки происходившим событиям и развернувшемуся наступлению германских войск, анализ позиций Румынии и перспектив ее военно-стратегического положения делался с большой долей надежды на то, что Румыния избежит судьбы Сербии в силу боевого настроения армии, географических и инфраструктурно-коммуникационных особенностей страны, а также действий союзников по Антанте на других фронтах [3. 1916. 21 X. P. 1]. Одновременно, как демонстрировала публикация в том же номере «The Spectator», в Британии возлагались надежды на собственно фигуру румынского короля Фердинанда как последовательного сторонника союза с Антантой, отказавшегося от ранее существовавшего договора с Германией, и от династической солидарности с ней, в отличие, как подчеркивалось в статье, от греческого короля Константиноса, занявшего противоположную позицию. В складывавшейся ситуации фигура румынского короля становилась значимой и с точки зрения объединения всех румын в рамках единого государства [20]. Основной тезис публикации содержался в ее первых строках в виде дидактического утверждения: «Урок войны, касаемо общего принципа монархии, заключается в том, что в современных условиях могут выжить конституционный монарх и патриотический король» [3. 1916. 21 X. P. 5]. Столь откровенный панегирик в адрес румынского монарха был призван подчеркнуть помимо личностных особенностей Фердинанда институциональную близость румынской и британской монархий. Одним из первых серьезных военных поражений, способных повлиять на военно-политические позиции Румынии, стал захват 23 октября 1916 г. порта Констанца болгарскими войсками. Спустя два дня после случившегося, на заседании палаты общин британского парламента 25 октября 1916 г., Г. Далзиел – один из лидеров либерального крыла британской политики и активных сторонников Д. Ллойд Джорджа, занимавшего тогда пост министра обороны, обратился к нему с запросом о подлинности сведений относительно падения Констанцы. Глава военного ведомства заявил о том, что союзники сделали все, что возможно и уклонился от обсуждения деталей, сославшись на нежелательность их обнародования [21. С. 1133.]. Попытки минимизировать значение потери Констанцы, предпринятые на публичном уровне, тем не менее, не могли скрыть серьезности складывавшейся в Румынии ситуации, что отмечалось в британских секретных правительственных документах. Сотрудники Форин Оффиса из числа занятых политической и экономической разведкой достаточно отчетливо представляли степень угрозы военного поражения Румынии как в целом для Антанты, так и в частности, для Великобритании. 26 октября 1916 г. высокопоставленный сотруд-

ник британского МИД У. Макс-Мюллер, занимавший в послевоенные годы высокие дипломатические посты, включая должность посла Великобритании в Польше в 20-е годы XX в., а в годы войны работавший в Форин Оффисе на аналитическом направлении с экономической и политической информацией [22], представил Военному кабинету меморандум «Экономическое положение в Центральных империях». В нем недвусмысленно заявлялось о том, что «данный момент выбран в частности неудачно, для обзора экономической ситуации в государствах противника по вопросам, касающимся необходимого снабжения для жизнеобеспечения» [23. Р. 3]. Причина этого, как отмечал автор меморандума, заключалась в том, что в случае успеха действий Германии против Румынии все возможные расчеты окажутся ошибочными. Вероятный захват румынских нефтяных полей противником, рассматривавшейся Макс-Мюллером как катастрофа, предоставлял, по его вполне отвечавшему ситуации прогнозу, возможность Центральным державам решить все свои проблемы с горюче-смазочными материалами, а также получить доступ к продукции сельского хозяйства, столь необходимой им [23. Р. 3]. Серьезность положения, в котором оказалась Румыния, вызвала обеспокоенность и в британском парламенте, где 26 октября 1916 г. член палаты общин Э. Карсон обратился к премьер-министру Г. Асквиту с вопросом о положении в Румынии. Ответ главы правительства о том, что оно вызывает обеспокоенность не только в руководстве Британии, но и у союзников по Антанте, свидетельствовал о явных опасениях Лондона относительно дальнейшей судьбы Румынии как союзника по коалиции. Заявление о готовности оказывать поддержку румынской стороне содержало и достаточно симптоматичные для понимания ситуации слова об участии союзников в деле «поддержки Румынии в ее борьбе за свободу и независимость». Такая характеристика происходившего свидетельствовала фактически о самом худшем предположении: вероятности оккупации страны силами Центральных держав [24. С. 1315]. В этих условиях для британской стороны было важно определить возможный экономический потенциал одного из главных участников антиантантовской коалиции – Германии. Трудность, а точнее – невозможность это сделать, отмечавшаяся упоминавшимся британским экспертом Макс-Мюллером, была подтверждена со ссылкой на него и в секретном меморандуме «Экономическое положение Германии», составленном Отделом разведки проблем торговли в военное время (War Trade Intelligence Department), датированном 30 октября 1916 г. и представленном Комитету имперской обороны. Тем не менее, на уровне серьезных предположений, высказывавшихся осенью 1916 г., экспертами Отдела делался вывод о том, что к концу войны Германия могла столкнуться с тем, «что ведущие отрасли германской промышленности, за исключением угольной, металлургической сталелитейной, будут вконец дезорганизованы и стеснены потребностями в сырье и ликвидности капитала». В то же время, авторы меморандума не соглашались с высказывавшимся У. Макс-Мюллером выводом о том, что захват Румынии Центральными державами нарушил бы все предыдущие расчеты, касающиеся обеспечения провиантом Германии, так как в действительности Румыния не обладала их достаточным объемом, способным удовлетворить германские потребности [25. Р. 2].

Складывавшаяся на фронтах к осени 1916 г. ситуация, оказавшаяся крайне неблагоприятной для Румынии, анализировалась в британских государственных институтах с учетом перспектив окончания войны в целом. В составленном 31 октября 1916 г. аппаратом секретаря Военного комитета М. Хэнки и подписанном им меморандуме «Общий обзор войны» отмечалось, что одной из целей союзников по Антанте в отношении Румынии было ее территориальное расширение в том виде, как это определялось в договорах, обуславливавших ее вступление в войну [26. Р. 2]. Однако реализация этого плана как в отношении собственно Румынии, так и ряда других государств, поддержавших Антанту, становилась невозможной, так как «почти все территории, которые должны получить союз-

ники в результате войны, навязанной нам, продолжают в действительности быть оккупированы врагом», «а с другой стороны, территории, которые противник стремится заполучить в ходе войны, навязанной нам, почти все в данный момент находятся под его оккупацией». В этой связи авторы меморандума делали достаточно пессимистический вывод о заключении мирного договора, так как «если бы союзники были вынуждены по какой-либо причине обсуждать мирные условия в нынешней ситуации, Германия обладала бы всем, или почти всем, что она желает от войны в форме территориальной компенсации и еще чем-то, чтобы торговаться. Союзники, с их стороны, имели бы только территории германских колоний» [26. Р. 3].

Начатое 10 ноября 1916 г. наступление германских частей под командованием Э. фон Фалькенхайна в направлении перевала Вулкан в сочетании с действиями фельдмаршала А. фон Макензена, войска которого неожиданно для румынской армии форсировали Дунай под Свиштовом, создавало реальную угрозу поражения Румынии. Сложное положение, в которое она попала, осознавалось и британской стороной. В то же время, в британской прессе предпринимались попытки минимизировать значение поражений румынской армии и представить ситуацию в благоприятном для Антанты смысле. 11 ноября 1916 г. газета «The Spectator» опубликовала на первой странице материал, в котором заявлялось о том, что «поступающие из Румынии новости улучшаются по своему качеству. Во-первых, союзные войска в Добрудже по меньшей мере не только остановили отступление, но повернули обратно и возобновили наступление. Как сообщалось, в четверг [9 ноября] они совершили наступление на войска под командованием Макензена. На карпатских перевалах продолжаются сражения, и, несмотря на то, что в некоторых местах отмечается успех германских войск, противник не добился серьезных результатов в деле реализации своих масштабных планов быстрого и полного разгрома Румынского королевства. На северо-западных границах Румынии и в Буковине русские также продвигаются и уже сегодня, как говорят, вошли вглубь на пять миль (около 8 км – *Ap. V.*) территории Трансильвании» [3. 11 XI. Р. 1]. Более того, критики были подвергнуты неназванные лица, «подготовленные в военном отношении», которые оценивают положение Румынии, демонстрируя «изумление на грани ужаса». Одновременно, автор статьи защищал в достаточно пафосных выражениях вступление Румынии в войну на стороне Антанты, рассматривая его как важное с точки зрения оказания помощи ее членам. Последний тезис был призван выступить контраргументом в споре о том, что Румыния не смогла выполнить предназначенную миссию и, более того, осложнила положение Антанты. Ситуация на «румынском направлении» имела не только военно-стратегическое значение. Расширение оккупации Центральными державами румынской территории, а также Западной Галиции приобретали в ноябре 1916 г. уже стратегическое значение с военно-экономической точки зрения. 15 ноября депутат палаты общин А. Уильямсон обратился с запросом к заместителю главы Форин Оффиса лорду Р. Сесилю по поводу производственных мощностей нефтяной промышленности в Галиции и Румынии. Последний сообщил, что в 1912 г. производство нефти Галиции составляло 1 млн 130 тыс. 425 тонн в год, а в Румынии, соответственно, 1 млн 806 тыс. 942 тонн и 1 млн 885 тыс. 384 тонн в 1913 г. [27. С. 821W]. Уже по характеру самого вопроса становилось ясно, что в британских политических кругах существовали серьезные опасения относительно возможного перехода под контроль Центральных держав нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий, что могло серьезно повлиять как на ситуацию в балканском регионе, так и в целом на весь ход войны. В первом случае, несмотря на то, что именно Греция, а не Румыния рассматривалась в политических кругах, как ключом к ситуации на Балканах, и кампания на Балканах докажет, что является при всех вероятностях, решающим фактором в этой войне», румынской ситуации

придавалось не меньшее значение. Так, в частности, Линч достаточно четко определил последствия для Антанты возможного поражения Румынии, заявив о том, что «немцы, выполняя дерзкий и хорошо продуманный план, предпринимают исключительно решительные и энергичные усилия для того, чтобы обеспечить себе в Румынии того, что более всего необходимо для них – житницы и нефтяные поля в Валахии. По последним сообщениям они уже у ворот Крайовы, огромные силы русских находятся на большом расстоянии, их движение затруднено по многим причинам и они были не в состоянии таким образом оказать помощь румынам на этом направлении, и силы союзников в Салониках не могут реализовать планы одного из величайших командующих союзников, генерала Сарая, так как движение вперед всех сил союзников окажется незащищенным и без защиты тылов» [28. С. 1383]. Обсуждение складывавшегося положения на «румынском направлении» происходило в британском парламенте в контексте как общебалканской ситуации, так и в тесной связи с положением в Греции, где оппозиционный политик Э. Венизелос сформировал параллельное королевскому Временное правительство в Салониках и поддержал Антанту. Выступивший 27 ноября 1916 г., т.е. буквально на второй день после начала сражения за Бухарест, который находился в осаде германских и болгарских войск, на заседании палаты общин и принадлежавший к либеральной партии Э. Гиффит, поставив вопрос о том, что «не правительство ли на протяжении двух лет оказывало давление на Грецию и Румынию, чтобы они заняли нейтральную позицию» [29. С. 104], отметил недостаточную поддержку выступившему на стороне союзников Венизелосу. В определенной степени оценка действий в отношении Греции имела тесную связь с румынской ситуацией. Выступивший затем депутат Дж. Диллон, еще ранее критиковавший правительство за нерешительность и затягивание посылок британских сил на Македонский (Салоникский) фронт, подверг сомнению делавшиеся утверждения о том, что «в случае с Сербией и Румынией мы [Британия] были не в состоянии оказать им помощь» [29. С. 106]. Упоминание разгромленной в октябре 1915 г. Сербии в одном ряду с терпящей уже очевидное поражение Румынией не оставляло сомнений относительно вероятной судьбы последней. Имея в виду ситуацию в Греции, где подконтрольная королевскому правительству, ориентировавшемуся на Центральные правительства, армия не позволяла силам Антанты вести наступление, выступивший в дебатах депутат К. Билейрс настаивал на оказании максимально возможной помощи Румынии. Тесная взаимосвязь ситуации в Греции, которая была расколота на два лагеря – прогерманский, во главе с королем Константином I и проантантовский во главе с бывшим премьером и главой Временного правительства Э. Венизелосом – с военно-стратегическим положением Румынии, столица которой, как отмечал депутат палаты общин Линч, находилась под угрозой [29. С. 143], становилась все очевидней для британских политических и военных кругов.

Угрожающее положение, в котором оказалась Румыния, становилось в конце ноября 1916 г. предметом острых дебатов в британском парламенте. Упомянутый уже Дж. Кинг – член Союза демократического контроля, объединявшего либеральных и лейбористских политиков, критиковавший и ранее правительство за проведение «тайной дипломатии», выступил 28 ноября с требованием ответить на вопрос о том, составлялся ли Отделом разведки Министерства обороны какой-либо доклад до конца августа текущего года относительно военной и политической ситуации в Восточной Европе, а также содержались ли в нем сведения о нуждах румынской армии, с тем, чтобы она могла отбить наступление противника. Более того, Кинг потребовал назвать имя офицера, который составлял такой документ, если он был вообще подготовлен. Столь однозначно резкая формулировка вопроса, обращенного к министру обороны Д. Ллойд Джорджу, была призвана подчеркнуть, во-первых, неспособность правительства прогнозировать развитие ситуации, во-вторых, слабость военных, которые ошибочно планировали опе-

рации, и, наконец, в-третьих, отсутствие связи между политическим и военным руководством страны. Сам глава оборонного ведомства постарался избежать ответа, сославшись на нежелательность разглашения подобной информации. Однако это не остановило обсуждение этого вопроса, на чем настаивал другой представитель либералов – Э. Корнволл, который потребовал сообщить парламенту дату принятия решения Военным советом о предоставлении как можно большей помощи Румынии. Как и его коллега Кинг, Корнволл, таким образом, фактически обвинил правительство в безответственном отношении к Румынии, на участии которой в войне на стороне Антанты оно настаивало. Однако и этот вопрос остался без ответа, в связи с чем другой представитель либералов – У. Прингл предложил провести закрытое обсуждение, явно намереваясь заставить Ллойд Джоржа признать ошибочность действий правительства [30. С. 143].

Падение Бухареста, оккупированного 6 декабря 1916 г. болгарскими и германскими войсками, отступление румынской армии на восток, в провинцию Молдова и переезд правительства в Яссы были восприняты в британских политических и военных кругах как серьезное поражение Антанты и срыв ее наступательных планов на Салоникском направлении. Накануне отступления британская сторона, опасавшаяся попадания в руки противника румынских нефтяных полей, предприняла шаги, направленные на то, чтобы вывести из строя все оборудование нефтяных предприятий и вообще не допустить добычу румынской нефти. 18 декабря 1916 г. британский Военный кабинет, после того как получил доклад начальника Генерального штаба о выведенных из строя скважинах на нефтяных полях в Румынии, принял решение о согласии озвучить эту информацию на заседании британского парламента [31. Р. 3]. Положение, складывавшееся в Румынии в военно-стратегическом плане, лишь подтверждало невозможность серьезного сопротивления германским войскам со стороны румынских сил. Для оказания помощи румынской стороне русские союзники создали так называемый Южный, впоследствии переименованный в Румынский, фронт, объединивший русские войска и остатки румынских вооруженных сил. В то же время, анализ сложившейся на «румынском направлении» ситуации, содержащийся в публикациях британской прессы в двадцатых числах декабря 1916 г., свидетельствовал о том, что отступление румынской армии и захват большей части ее предвоенной территории силами Центральных держав рассматривалось как временная неудача, способствовавшая одновременно усложнению позиций собственно Германии, вынужденной держать на этом театре значительные силы, отвлекая их от Западного фронта, а также не получившей ни провианта, ни доступа к нефтяным полям. В британской прессе высказывались предположения о действиях Германии, оккупировавшей большую часть Румынии, как о предвещающих ее попытки заключить, в конечном счете, мир, о чем свидетельствовала, в частности, опубликованная 23 декабря в «The Spectator» статья под названием «Франция и Румыния» [3. 1916. 23 XII. Р. 6].

Парадокс складывавшегося для Румынии в 1916 г. положения, когда после непродолжительного периода побед после вступления страны в Первую мировую войну, она потерпела спустя три месяца поражение, заключался в том, что в британских оценках и прогнозах оно имело так называемое контекстное измерение. Самостоятельная роль Румынии как вероятного сильного партнера по коалиции Антанты в Британии фактически не рассматривалась, а ее участие в войне придавалось значение союзника, отвлекающего на себя, при поддержке России, армии Центральных держав с целью ослабления их позиций на Западном фронте, и обеспечения плана наступления на Македонском (Салоникском) фронте. Именно поэтому в парламентских дискуссиях, представленных различными политическими силами, среди которых наиболее активными были критики подобной тактики, высказывались тезисы, явно противоречившие расчетам, содержавшимся в официальных правительственных документах и публикациях британской прессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jeffery K.* MI6: The History of the Secret Intelligence Service 1909–1949. Bloomsbury Publishing. New York; London, 2010.
2. Miscellaneous N 6. (1916). Selection From Papers Found in the Possession of Captain Von Papen, Late German Military Attachè At Washington. Falmouth, January 2&3, 1916. Presented to both Houses of the parliament by Command of His majesty February 1916. London, 1916.
3. The Spectator.
4. Hansard. House of Commons (HC). Debates. (Deb). Statement by the Prime Minister. 21 February 1916. Vol. 80.
5. Hansard. HC. Consolidated Fund (№. 1) Bill. Deb 23 February 1916. Vol. 80.
6. Hansard. House of Commons (HC). Deb. Army estimates, 1916–17. 15 March 1916. Vol. 80.
7. Hansard. House of Commons (HC). Deb. Army estimates, 1916–17. 16 March 1916. Vol. 80.
8. *Buzatu Gh.* O istorie a petrolului românesc. Ediția a II-a revăzută și adăugită. Iași, 2009.
9. Cabinet Memorandum: Suggested Basis for a Territorial Settlement in Europe. 7 August 1916// The National Archives, CAB 24/2/32 .
10. *Șeicaru P.* Istoria presei. Pitești, 2007.
11. *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Виноградов В.Н.* Вступление Румынии в войну; *Виноградов В.Н.* Несчастливая кампания 1916 г. в Румынии // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 248–257; 261–269.
12. *Brooks S.* The Effects of Roumania's Decision // The North American Review. 1916. Vol. 204. № 731.
13. *Herșcovici Hurst A.* Roumania and Great Britain. London, 1916.
14. *Averescu A.* Notițe zilnice din război 1916–1918. București, 1937. V. 1.
15. *Ciobanu N., Șerban M.* Operația ofensivă a Armatei de Nord (15/18 august – 13 septembrie/ 10 octombrie 1916) // Studii și comunicări/DIS. 2011. Vol. IV.
16. Cabinet Memorandum: A General Review of the Situation in all Theatres of War, together with a Comparison of the Military resources of the Entente and of the Central Powers. 1 October 1916 // The National Archives, CAB 24/2/39.
17. Hansard. HC. Deb. Statement by Prime Minister. 11 October 1916. Vol. 86.
18. Hansard. HC Deb. War Administration. 12 October 1916. Vol. 86.
19. Hansard. HC Deb Roumania 19 October 1916. Vol. 86. P. 727, 728.
20. *Stan C. I.* Regele Ferdinand I «Întregitorul» (1914–1927). București, 2003.
21. Hansard. HC Deb Roumania (Fall of Constanza) 25 October 1916. Vol. 86.
22. *Gross St.* Confidence and Gold: German War Finance 1914–1918// Central European History. 2009. Vol. 42. Issue 2.
23. Memorandum «The Economic Position in the Central Empires»//The National Archives, CAB 24/2/43. 26 October 1916.
24. Hansard.HC Deb. Roumania. 26 October 1916. Vol/ 86.
25. Cabinet Memorandum: The Economic Position of Germany. 30 October 1916 // The National Archives, CAB 24/2/44.
26. Cabinet Memorandum: The General Review of the War. 31 October 1916 // The National Archives, CAB 24/2/46. P. 2.
27. Hansard. HC Deb Galicia and Roumania (oil production). 15 November 1916. Vol. 87.
28. Hansard. HC Deb. Greece 21 November 1916. Vol. 87.
29. Hansard. HC Deb Greece. 27 November 1916. Vol. 88.
30. Hansard. HC Deb Roumania 28 November 1916. Vol. 88.
31. Cabinet Conclusion: Minutes and Papers. 18 December 1916 // The National Archives, CAB 23/1/10.

© 2015 г. Е.Ю. БОРИСЕНОК

УКРАИНИЗАЦИЯ СЛУЖАЩИХ В УССР В 1920–1930-е годы

В статье освещается процесс украинизации советских государственных органов в УССР в 1920–1930-е годы, позиция партийных и советских властей, а также отношение к введению украинского языка в делопроизводство самих служащих.

The article highlights the process of Ukrainisation of the Soviet administrative bodies in the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s, the position held by the party and Soviet leadership and the attitude towards the introduction of the Ukrainian language in the office-work of the civil servants themselves

Ключевые слова: украинизация, национальная политика УССР, служащие, советский государственный аппарат

Украинизация представляет собой один из интереснейших общественно-политических и культурных феноменов XX в. В УССР украинизация проводилась в рамках провозглашенной на XII съезде РКП(б) в 1923 г. политики коренизации, которая должна была обеспечить национальный облик советским республикам путем поддержки местных языков, культуры, выдвижения представителей коренных национальностей для работы в государственных, общественных, хозяйственных и культурных организациях. В современной историографии, особенно украинской, появилось немало работ, посвященных данной теме (см., например [1]), однако отдельные аспекты украинизации исследованы недостаточно, как, например, украинизация советских государственных учреждений. Законодательные и исполнительные органы власти, аппараты наркоматов и различных ведомств постоянно были в центре внимания общества, и партийные власти республики много внимания уделяли переводу их деятельности на украинский язык и пополнению их кадрами этнических украинцев.

Между тем, проводя политику украинизации, большевистское руководство столкнулось с рядом трудностей, обусловленных особенностями социальной и этнической структуры населения УССР. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Среди населения правого и левого берегов Днепра и степной Украины преобладали малороссы – 73%, великороссов насчитывалось 12%, евреев – 8%, немцев, поляков, белорусов – всего около 7% [2. С. 20]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения [2. С. 27]. Подавляющее большинство малороссов было крестьянами (93%). Среди городского населения в целом малороссы составляли всего 30% [2. С. 25, 40], при этом в небольших городах (от 2 000 до 15 000 жителей) малороссы составляли около 50%, а в крупных (свыше 100 000) – только 17% [2. С. 28]. Более того, по данным 1897 г., три четверти малороссов, профес-

Борисенок Елена Юрьевна – канд. ист. наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

сия которых была связана с интеллектуальным трудом, проживали в сельских районах. Если рассматривать род занятий населения этих земель, то в государственной администрации, судах, полиции, гуманитарных профессиях малороссы составляли около 31%, на военной службе – 30,5%, торговле и коммерции – 13%, промышленности, строительстве, транспорте – 37%, среди поденных работников и слуг – 52% и, наконец, в сельском хозяйстве – 85% [2.С. 58–59].

Не удивительно, что после того, как партия большевиков взяла курс на коренизацию и заявила о необходимости изменить национальный состав государственного аппарата, увеличив в нем долю «коренного населения», перед руководством УССР встала не простая задача: большинство чиновников были или русскими, или русскоязычными, и не знали украинского языка. Между тем грамотность украинского населения оставляла желать лучшего, и заменить имевшихся служащих украинцами было нелегко. На IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей глава украинского совнаркома Х.Г. Раковский пожаловался: «У нас в центральных органах, т.е. в комиссариатах, в правлениях трестов, в кооперации, исключая сельскохозяйственную, – число украинцев, знающих и понимающих по-украински, чрезвычайно мало. Может быть 1/5, 1/8 и даже иногда 1/10 всех служащих» [3. С. 107–108].

Выполняя решения партии, принятые на XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г., украинское руководство приняло решение украинизировать аппарат госучреждений. На пленуме 20–22 июня 1923 г. лидер КП(б)У Э.И. Квиринг заявил, что «неравенство культур украинской и русской на Украине в смысле отсталости украинской, поставили в необходимость ЦК считать на первое время культуру украинскую привилегированной» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24]. Квиринг признал необходимость перехода «от пассивности к активному введению украинского языка», причем «более резкий курс» предполагался как раз «в области делопроизводства» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24–25]. 1 августа 1923 г. было принято постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», согласно которому для официального общения был выбран украинский язык, а вновь поступающие на государственную службу должны были в течение шести месяцев изучить украинский язык (для других – «тех, кто уже находится на службе» – был определен срок в один год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык. При этом постановление предусматривало ограничение по языковому признаку при приеме на работу: «С введением в действие настоящего декрета никто из граждан, не владеющих обоими наиболее распространенными языками, не может быть принят на службу в госучреждение» [5. Т. 1. С. 242–243].

Осуществить на практике установки украинского руководства по коренизации было чрезвычайно не просто. Украинизация государственных учреждений и партийного аппарата на Украине зачастую шла не так, как планировали в Харькове. Темпы преобразований оказались значительно ниже предполагаемых: кадров, знающих украинский язык, катастрофически не хватало, а чиновники отнюдь не горели желанием его изучать.

На пленуме ЦК КП(б)У 6–8 октября 1924 г. глава украинского совнаркома В.Я. Чубарь заявил, что «большинство учреждений живет на переводчиках, не имея достаточно работников, знающих украинский язык». Он также подчеркнул недостаток подготовленных кадров «для внедрения украинского языка»: «Словари – дефективные, учителя, которые обучают украинскому языку – несовершенно, учебников мало, вообще обучение украинскому языку встречает целый ряд затруднений [...] Нам необходимо пересмотреть сроки обучения украинскому языку и обеспечить твердое партийное руководство работой по украинизации» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 199]. Были разработаны новые планы украинизации госаппарата. 26 февраля 1925 г. политбюро ЦК КП(б)У признало необходимым продлить срок украинизации госучреждений до 1 января 1926 г. Было предло-

жено смягчить формулировку в отношении увольнения служащих за незнание украинского языка, они получали право восстановиться на службе после того, как в достаточной степени выучат язык. Однако президиум Всероссийского центрального совета профсоюзов в письме к Сталину от 11 марта 1925 г. выразил обеспокоенность, что принятие нового декрета о полной украинизации госучреждений создаст угрозу одновременного увольнения большого числа служащих и работников. Руководству КП(б)У пришлось оправдываться перед генеральным секретарем ЦК ВКП(б), обещая переработать документ в сторону смягчения требований к госслужащим [6. С. 73].

Однако при Э.И. Квиринге сдвинуть с места дело украинизации госаппарата так и не удалось. Ситуация изменилась только после того, как главой украинских коммунистов был избран «верный сталинец» Л.М. Каганович. Лазарь Моисеевич прибыл в Харьков в апреле 1925 г. к пленуму ЦК КП(б)У и сразу же продемонстрировал решимость интенсифицировать украинизационные процессы в республике. После пленума была создана Комиссия политбюро по украинизации со специальными подкомиссиями (по украинизации партии, народного просвещения, государственного аппарата, печати, профсоюзов, армии), а также Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией советского аппарата при СНК УССР [6. С. 70–78].

После пленума украинское руководство сразу же продемонстрировало готовность жестко проводить украинизацию. 30 апреля 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР приняли постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство в государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях надлежало не позднее 1 января 1926 г. При этом специальный, 15-й, пункт постановления гласил: «Сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия». На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок состояния украинизации [7. Вид. 1. № 26. Арт. 202].

Однако одним этим постановлением дело не ограничилось. 16 июля 1925 г. Совнарком принял постановление «О практических мерах по украинизации советского аппарата», согласно которому руководство украинизацией служащих возлагалась на Центральную всеукраинскую комиссию при Совнаркоме, а при всех учреждениях в центре и на местах организовывались специальные ведомственные комиссии, которые должны были проводить проверки знания украинского языка у сотрудников учреждений и организаций, организовать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончания. Выпускникам присваивалась одна из трех категорий в зависимости от знания украинского языка: «знающие язык и могущие свободно проводить работу в учреждениях», «нуждающиеся в усовершенствовании знаний», «не знающие языка» [7. Вид. 1. № 56. Арт. 332]. Центральную всеукраинскую комиссию возглавил председатель украинского Совнаркома В.Я. Чубарь.

Центральная комиссия политбюро по украинизации предложила Наркоматам и центральным учреждениям республики немедленно провести «точный подсчет личного состава сотрудников Наркоматов и подведомственных им учреждений с целью выяснения степени знания ими украинского языка». На общих собраниях надлежало ознакомить служащих с декретом ВУЦИК, «разъяснить общественное значение этого вопроса и предупредить их, что после окончательной проверки те из служащих, которые своевременно не выучат украинский язык, будут [...] уволены со службы» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 97]. Одновременно на партсоб-

раниях и со страниц партийной печати предлагалось вести пропагандистскую работу, чтобы «преодолеть существующую инертность и напоминать о важности дела украинизации» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 99].

Украинское партийное руководство убеждало чиновников, что на этот раз поблажек не будет. В газете «Коммунист» 6 июня 1925 г. была помещена статья М. Перваченко под заголовком «Украинизация советского аппарата должна быть закончена», в которой речь шла о недопустимой пассивности «некоторых ответственных работников центральных советских учреждений и высших хозяйственных органов», о необходимости «призвать к порядку по партийной линии» руководителей учреждений, игнорирующих постановления об украинизации, и о необходимости уволить непокорных чиновников [8].

Через несколько дней в «Коммунисте» появилась еще одна статья на ту же тему. Ее автор, Ю. Бодняк, был менее категоричен и считал вопрос об украинизации более сложным, нежели полагал Перваченко. По мнению Бодняка, украинизация в течение 5–6 месяцев возможна, если речь идет «об упрощенной советской работе: составление протокола, текущего краткого отношения, записки и т.п., а не о сложной работе (составление докладов, тезисов и пр.), которую приходится выполнять ответственным работникам». Кроме того, не так просто заменить «неответственных работников», поскольку соответствующего «резерва как будто и не предвидится ни на периферии, ни в городах».

В конце статьи было размещено мнение редакции, согласной с Бодняком, что «в системе проведения украинизации видное место должны занять меры общественно-воспитательного воздействия». Однако редакция считала позицию автора статьи слишком осторожной. «Но автор ошибается, когда говорит, что невозможно украинизировать соваппарат в 5–6 месяцев, – утверждала редакция. – Работа по украинизации соваппарата идет уж 6-й год и затяжной характер ее отчасти объясняется наличием противодействия внутри советского аппарата. Это противодействие требует наряду с общественно-воспитательной работой также и мер административного свойства для ускорения украинизации» [9].

Появление такой статьи, видимо, должно было показать чиновникам, что за украинизацию советского аппарата взялись решительно. 23 сентября 1925 г. Совнарком УССР потребовал от подчиненных отслеживать процесс изучения украинского языка советскими служащими. Округным исполнительным комитетам, народным комиссариатам, центральным учреждениям предлагалось «на основе постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. “О мерах срочного проведения полной украинизации соваппарата” уволить с должностей сотрудников, которые до настоящего времени не овладели украинским языком». Впрочем, проверку знаний специалистов и ответственных работников предлагалось провести позднее, а пока Центральная комиссия по украинизации советского аппарата и окружные исполкомы должны были следить за тем, чтобы «в учреждениях, в которых принимаются лица без знания украинского языка в нарушение постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 года, виновных в этом привлекать к ответственности в надлежащем порядке» [10. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 26–26об].

После грозных указаний «сверху» кампания по украинизации госаппарата начала медленно набирать обороты. 30 сентября 1925 г. заместитель заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б) В.Ф. Черный обратился в ЦК РКП(б) с запиской «О советском строительстве в национальных республиках и областях», в которой отметил низкий темп украинизации партийного советского аппарата в УССР: «На Украине наибольшее достижение в области украинизации имеется на Полтавщине, где делопроизводство всех губернских и окружных учреждений, кроме Кременчуга, переведено на украинский язык. Слабо проведена украинизация в промышленных губерниях и окраинах». Кроме того, чиновника возмутило, что «среди ответственных работников-националов имеется значительный процент не владеющих родным языком». Например, «в

Киеве проверка работников 13 учреждений показала, что 13% украинцев не знает своего языка» [11. С. 320].

Действительно, на 1 января 1926 г. только 22,2% сотрудников наркоматов хорошо знали украинский язык, при этом совершенно не знали – 41,8%. В округах в соваппарате хорошо знали язык 22,4%, и не знали – 31,8%. Плохо знали украинский язык и сотрудники центрального аппарата хозяйственных органов – только 9,6% (не знали – 43,8%) [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 7]. 30 декабря 1925 г. Центральная комиссия по украинизации советского аппарата приняла решение провести несколько показательных увольнений – уволить тех служащих из третьей категории, кто «враждебно» относился к изучению украинского языка. Впрочем, 1 февраля 1926 г. комиссия решила ограничиться «условным увольнением» с должности служащих, не владеющих украинским языком, т.е. «условно оставить» их на службе [6. С. 83]. Украинские историки полагают, что такое решение было принято потому, что комиссия «испугалась собственной смелости» [6. С. 83]. Однако дело обстояло несколько иначе: подобные случаи увольнения должны были быть оформлены в соответствии с принятым законодательством, поэтому необходимо было выяснить, насколько статья 15 постановления от 30 апреля 1925 г. соотносится с существующим Кодексом законов о труде. 15 февраля комиссия по украинизации постановила: «Считать, что увольнение с должности сотрудников, проявивших неуважительное или враждебное отношение к украинизации, а также проявивших недостаточное знание украинского языка, соответствует постановлению Правительства УССР по украинизации соваппарата, при этом означенное постановление является также и предупреждением об увольнении в случае не изучения украинского языка». Одновременно комиссия предложила Наркомтруду УССР «издать по своей линии соответствующий разъяснительный циркуляр» [10. Ф. 2. Оп. 5. Д. 243. Л. 21].

Чиновники же далеко не всегда приветствовали нововведения. В сохранившемся в архиве письме XIII съезду РКП(б) («Мысли о национальном вопросе в связи с декретами правительства УССР об украинизации») приведены примеры следующих высказываний об украинском языке: «Потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком», «Разве мы для того Украину завоевали, чтобы и корявый этот украинский язык изучать», «Что это вы предлагаете нам газету на этом собачьем языке». В документе констатировалось, что часто встречались и откровенно русофобские высказывания [12. С. 37]. Особенно ярко антиукраинизационные настроения ощущались в крупных промышленных центрах востока и юга республики. Комиссия по украинизации в 1926 г. отмечала: «Вообще же впечатление таково, что Одесса не хочет украинизироваться. Везде (учреждения, трамвай, магазины, милиция, суд, клубы) раздается русский язык». Трудности украинизации чиновники объясняли так: «Затруднительно что-то вообще проводить к жизни, опираясь на широкие массы, когда эти массы сами не сочувствуют работе». Комиссия отмечала, что «в Одессе можно часто встретить служащего, который не верит в украинизацию», а «из 787 ответственных рабочих языка вовсе не знает – 602». Не лучше обстояло дело в других городах юга УССР. Например, судя по отчетам, «украинские курсы в г. Мелитополе срываются, благодаря отрицательному отношению к ним партийцев, которое переносится и на беспартийные массы». Заведующий Одесским окружным отделом народного образования Кутузов заявил: «Язык не знаю, изучать его не желаю, но могу пропеть украинскую песню». Как следствие, «рядовые служащие язык учат, но подход к украинизации формален. Учат язык страха ради» [12. С. 38]. Литературный критик, историк литературы, вице-президент ВУАН С.А. Ефремов 19 марта 1926 г. записал в дневнике следующий анекдот на тему украинизации. Беседуют двое «украинизованных»: «Ну и трудное это наречие малороссийское!» – «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы» [13. С. 355].

Курсы, которые должны были научить служащих украинскому языку, далеко не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Ефремов приводит такие «украинизационные курьезы» (запись от 16 июня 1926 г.): «“Прошу дайте мені пів фунта телячої мови”. Друга пише до зав[ідуючого] господарством: “Шафа, що дали мені, попсована. Пришліть слюсаря, нехай зробить мені джерело”» [13. С. 386]. В первом случае покупательница перепутала два слова: «язык» (язык, орган в полости рта) и «мова» (язык, речь). Во втором случае слесарь должен был починить шкаф, однако девушка попросила сделать к шкафу не ключ, а источник, родник.

Следует заметить, что сеть курсов украиноведения была довольно обширна и призвана охватить большое количество слушателей. Так, в июне 1926 г. от одного только железнодорожного ведомства на курсы украиноведения было направлено 45 096 служащих, в том же году Одесский окружком сообщал, что украинский язык выучили 15 000 служащих [14. С. 133]. Однако качество обучения далеко не всегда было высоким.

Как работали такие курсы, показывает докладная записка о состоянии днепропетровских областных курсов украиноведения от сентября 1933 г. Например, на заводах создавались комиссии для проверки состояния украинизации, причем членами этих комиссий были сами преподаватели курсов. По результатам проверки создавались группы по изучению языка. Весьма примечательной была оплата труда преподавателей: «Система оплаты преподавателей строилась таким образом, что за каждого проверенного курсы получали ранее 1% зарплаты проверенного, а потом 2% (распоряжение Наркомпроса). Преподаватель в первом случае получал 50% от общей суммы, а во втором – 25% [...] Товарищи, записанные в группы, должны были платить за обучение от 3 до 5 руб.». В результате «преподаватели, проводившие проверку, ставились в такие условия, что они материально были заинтересованы пропускать как можно больше людей и создавать как можно большее количество групп (подчеркнуто в тексте. – Е.Б.). Все это приводило к тому, что комиссии курсов, работающие на местах, требовали от заводоуправлений издание приказов о проведении проверки, составление списков работников с обозначением их зарплат, требовали проведение проверки в рабочее время (“вечером мы заняты на лекциях”), проявляли придирчивость при проверках». При этом «в последний год массово привлекались к украинизации лица, которые в прошлом году окончили курс украиноведения, у них отбирали свидетельства об окончании этих курсов и принуждали вновь украинизовываться, мотивируя это тем, что они уже все забыли, что проходили ранее, что они обязаны знать литературу. Группы формировались искусственно из людей, которые не один раз уже обучались и имели необходимый запас знания. Сами преподаватели курсов указывают на то, что они в соответствии с указаниями дирекции неверно зачисляли для прохождения курса. Поэтому среди тех, кто подлежит украинизации, есть такие, кто обучаются подряд 3–4 года, а 2 года – обычное явление. Например: САМОХВАЛОВ из 8-го Стройтреста – счетовод, обучается 4 года; ЧЕСАНОВА – ЗРК Петровского, продавщица, обучается 3 года; СМОЛЯК – управление железных дорог – 3 года и др. Кроме того, вопреки существующим положениям, зачислялись на курсы студенты (студенты по правилам должны быть освобождены от обучения на курсах)» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6214. Л. 72].

Впрочем, помимо требований начальства, у русскоязычных чиновников был еще один существенный мотив для изучения украинского языка. Партийное руководство стремилось не только заставить уже работающих чиновников выучить украинский язык, но и активно выдвигало на работу в советские органы этнических украинцев. С января 1925 г. по январь 1926 г. численность украинцев на номенклатурных должностях возросла, так в ВУЦИК украинцы составили 56,5%, в окружных исполкомах – 60,0%, в райисполкомах – 79,2%, сельсоветах – 88,5% [14. С. 130–131]. Социальная конкуренция была неплохим стимулом для посе-

щения курсов украиноведения и использования на работе украинского языка, тем более что в Харькове пристально следили за национальным составом кадров и периодически проводились соответствующие подсчеты. Так, сохранилась «Ведомость о национальном составе кадров по центру и периферии на 15 сентября 1926 г.», согласно которой в наркоматах и центральных учреждениях, приравненных к наркоматам, работали 26,9% украинцев, 30,4% русских, 26,9% евреев, 9,4% прочих; в трестах – 10,7% украинцев, 33,9% русских, 25% евреев; в кооперации – 43,3% украинцев, 28,3% русских, 19,4% евреев, 6,7% прочих; в банках – 20,5% украинцев, 21,7% русских, 49,4% евреев, 5,4% прочих [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2249. Л. 15–16].

ЦК КП(б)У не был удовлетворен полученными результатами и демонстрировал готовность применять жесткие меры к чиновникам. 20 декабря 1926 г. Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации приняла решение, касающееся «украинизации ответственных работников советских учреждений УССР». Комиссия констатировала, что «неусвоение украинского языка ответственными работниками и квалифицированными работниками негативно влияет на украинизацию в целом, особенно на украинизацию низшего служебного персонала, который до сих пор еще не целиком украинизован». Кроме того, руководители и ответственные работники советских учреждений не полностью выполняют декреты и распоряжения правительства УССР по украинизации. Поскольку это «нарушает директивы партии», следовало привлекать таких работников «к надлежащей ответственности, как по партийной, так и по советской линиям». Кроме того, Всеукраинская центральная комиссия по украинизации соваппарата должна была «представить список ответственных и квалифицированных работников, не знающих украинский язык и негативно относящихся к украинизации, на обсуждение комиссии ПБ по украинизации».

Комиссия Политбюро обращала также внимание Центральной всеукраинской комиссии по украинизации соваппарата при СНК на то, «что ею мало уволено квалифицированных работников за то, что они не выучили украинский язык», и предлагала «через окркомиссии украинизации соваппарата уволить ответственных и квалифицированных работников учреждений, которые до этого времени не овладели украинским языком и вообще невнимательно относятся к украинизации, согласовав увольнение с окружками КП(б)У». В ряды советского аппарата, особенно на ответственные должности, следовало привлекать украинцев [15. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216].

11 марта 1927 г. Центральная комиссия по украинизации при Совнаркоме УССР постановила, что «все государственные учреждения и управления предприятий УССР могут принимать на службу лишь тех служащих, которые имеют удостоверение о знании украинского языка по 1 или 2 категориям». Это требование не относилось лишь к тем, кто «по роду своей работы не имеет отношения к делопроизводству», а также к приглашенным «из других союзных республик или из-за границы на временную работу», последние приглашались на постоянную работу «при условии изучения ими украинского языка» [16. Від. 2. № 11. Арт. 57]. Ограничение при приеме на работу людей, не знающих украинского языка, сохранилось и в новом постановлении ВУЦИК и СНК УССР «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры», принятом 6 июля 1927 г. и кодифицировавшим все законодательство в этой сфере. Документ гласил: «Принятие на работу в государственные организации служащих, не знающих украинского языка, а в национально-территориальные административные единицы, кроме того, и языка большинства местного населения, не допускается» [17. Ч. 2. С. 142].

Важной проблемой стала угроза выезда части специалистов, особенно тех, кто работал в хозяйственных учреждениях, за пределы УССР. По данным РКИ, с их стороны звучали угрозы, что в случае давления они оставят работу на Украине и

переедут в Москву, где и зарплата выше и не нужно изучать украинский язык. Например, в Николаеве заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков (беспартийный) заявил: «Украинский язык – собачий язык и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 17].

На заседании комиссии политбюро по украинизации еще в мае 1925 г. было признано необходимым, чтобы в докладах по украинизации госаппарата были представлены данные о количестве спецов, выехавших в связи с украинизацией. В переписке между Центральной комиссией по украинизации при СНК и Комиссией по украинизации политбюро и в следующем, 1926 г., достаточно часто поднимался вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву. Впрочем, массового выезда так и не случилось [6. С. 82].

В одном из отчетов, подготовленном по заданию ЦКК КП(б)У, говорилось, что «со стороны партийных работников замечалась известная пассивность и безразличие», а «со стороны спецов нередко случаи пренебрежительного, враждебного даже отношения к украинизации и упорное нежелание изучать язык (в Донбассе со стороны спецов бывали замечания по поводу украинизации, как о “тарабарщине”, “китайщине” и т.д., запугивание, что уедут в РСФСР, если будут нажимать на них и пр.)». На местах жаловались, что «из центра и вообще из вышестоящих учреждений поступают отношения, циркуляры и другие официальные распоряжения по-русски. В учреждениях со стороны ответственных работников слышится только русская речь (за исключением органов НКПроса и школьных учреждений, главным образом, Соцвоса)». Что же касалось качества украинизации, то проверяющие отмечали: «Украинизация делопроизводства в госучреждениях носит характер узко формальный. Язык украинизированной корреспонденции – дубовый [...] Это, в свою очередь, часто вызывает со стороны “коренных” украинцев пренебрежительное отношение к “украинизированным” наскоро сотрудникам. В губернских учреждениях по-украински пишутся главным образом небольшие отношения, более серьезные и обширные доклады поручается писать по-русски, особенно, если это предназначено для центра» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 53–54].

Все же усилия партийного руководства стали приносить определенные успехи. Так, в резолюции политбюро ЦК КП(б)У от 30 ноября 1927 г. о руководящих кадрах КП(б)У отмечалось «повышение удельного веса группы украинцев в кадрах, возросшей на 1.1.27 по сравнению с 1.1.23 на 15% и составляющей в настоящий момент до 39% всех кадров [...] По отраслям работы в наиболее удовлетворительном состоянии по степени вовлечения украинцев, находятся: культпросветительная (50%), советско-административная (44,3%), плано-регулирующая (43,2%), партаппарат (37,9%) и профсоюзы (36,6%) [...], среди секретарей ОПК процент украинцев составляет 46 [...] Среди председателей ОИК – 51,4% украинцев, среди наркомов 58,3% [...] Наряду с этим политбюро считает необходимым отметить недостаточное вовлечение украинцев в руководящую работу по таким отраслям, как торговля (20%), промышленность (28,3%), финансово-банковская (26,4%), транспорт и связь (26,2%)» [15. Ф. 17. Оп. 26. Д. 8. Л. 268–269].

Однако опыт показывал, что «давить» на нежелающих изучать язык или заменить их новыми работниками, знающими украинский язык или украинцами по происхождению, можно было далеко не всегда. Такой подход в отношении высококвалифицированных специалистов не оправдывал себя. В связи с этим Всеукраинская центральная комиссия по украинизации 24 июля 1928 г. вынуждена была смягчить требования по отношению к учреждениям и предприятиям СССР, действовавшим на территории УССР, и временно допустить ведение там делопроизводства и счетоводства «вместе с украинским и на русском языке». Такое послабление комиссия объясняла трудностями с подбором высококвалифициро-

ванных сотрудников, знающих украинский язык. Кроме того, дабы «облегчить прием на работу в государственные учреждения и предприятия высококвалифицированных специалистов», комиссия разрешила принимать на работу в государственные учреждения и предприятия работников, не владеющих украинским языком, однако «с тем, чтобы они в течение года со дня поступления на службу выучили украинский язык». Также оговаривалось, что «для отдельных лиц и категорий лиц Всеукраинская центральная комиссия украинизации при СНК УССР может устанавливать специальные сроки для усвоения украинского языка либо языка большинства местного населения» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5]. Таким образом, с одной стороны, чиновников заставляли бояться увольнения, но с другой – допускались некоторые послабления, да и сроки завершения аппаратной украинизации были перенесены сначала на 1 января 1927 г., а потом на 1 июня 1929 г. [6. С. 83].

Смягчение требований к чиновникам привело к снижению темпов украинизации, на что советские лидеры не замедлили обратить внимание. 26 февраля 1929 г. Совнарком УССР, заслушав на заседании доклад центральной комиссии по украинизации, вынужден был констатировать «значительное ослабление работы как со стороны окружных и местных комиссий по украинизации, так и со стороны администраторов – руководителей учреждений». Он предложил всем наркоматам и центральным учреждениям «предпринять решительные меры к ускорению процесса украинизации аппарата». Украинское правительство насторожили факты «значительных рецидивов украинской неграмотности и увеличение процента служащих, совсем не знающих украинского языка», в связи с чем было решено, чтобы «экзамены по украинскому языку были распространены на всех служащих и были закончены до 1 июня 1929 г.». При этом всех, кто не сдал экзамены – а это приравнивалась к невыполнению директив правительства в области украинизации – следовало уволить со службы [10. Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 13].

Органы, отвечавшие за украинизацию, держали в постоянном напряжении руководство советских учреждений, угрожали строгими мерами, вплоть до увольнений, неукраинизованным чиновникам. Центральная комиссия украинизации на заседании 12 мая 1930 г. слушала доклад о состоянии украинизации правительственных учреждений УССР. Комиссия констатировала, что «общее состояние украинизации служебного аппарата и служащих является неудовлетворительным» и «большое количество служащих советских учреждений совсем не владеют украинским языком», а «качество делопроизводства на украинском языке в учреждениях очень плохое». В очередной раз было решено провести проверку всех служащих, и, «в случае выявления злостного или небрежного отношения к исполнению заданий украинизации использовать решительные меры по привлечению виновных, начиная с руководителей учреждений, к надлежащей ответственности». При этом «Прокуратура республики по своей линии должна обеспечить, через свои окружные органы, чтобы в отношении лиц, которые враждебно относятся к делу украинизации либо злостно не исполняют соответствующие постановления правительства, были применены меры, предусмотренные действующим законом (увольнение с должности, привлечение к ответственности)» [10. Ф. 1. Оп. 4. Д. 57. Л. 142, 143].

Периодические проверки служащих показали, что численность знающих украинский язык неуклонно росла, однако отнюдь не так быстро, как рассчитывало руководство. Так, на 1 января 1927 г. чиновников, хорошо знающих язык, т.е. 1-й категории, значилось 16%, 2-й категории – 39%, 3-й категории – 16%. К 1 января 1930 г. к 1-й категории были причислено 21,3% чиновников, ко 2-й – 32,4%, к 3-й – 10,8%. При этом число опрошенных было довольно велико: к 1927 г. остались не проверенными только 29% работников, а к 1930 г. – 30%. Не подлежали проверке технический персонал (курьеры, уборщицы и т.п.) и служащие старше 50 лет [10. Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 132–133].

Начавшаяся после постановления от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» борьба с украинским буржуазным национализмом на время затормозила украинизацию в учреждениях. Впрочем, партийное руководство УССР стремилось показать, что борьба с «украинским национализмом» и «чистки» отнюдь не означали прекращения политики украинизации. 24 января 1934 г. в «Правде» под заголовком «Советская Украина на новом подъеме» был опубликован доклад П.П. Постышева на XII съезде КП(б)У, призванный убедить общественность в высоких показателях украинизации в УССР. Разъясняя задачи, стоящие перед КП(б)У, помимо указаний на «большевистскую бдительность в отношении националистической контрреволюции» и «разоблачения до конца националистического уклона Скрыпника», Постышев указывал не только на необходимость воспитания КП(б)У и широких рабочих и колхозных масс в духе пролетарского интернационализма, но и широкого развертывания созидательной работы «в области строительства советской украинской культуры». Под последней задачей понималась «подготовка и воспитание большевистских украинских кадров и продвижение их на все участки социалистического строительства», «поднятие на новую, качественно более высокую ступень театра, кино, печати, радио», а также «развертывание работы по культурному обслуживанию на родном языке национальных меньшинств Украины», что особенно было важно ввиду активизации «разных немецких, польских, еврейских и др. националистических организаций» [18].

Партийные власти были обеспокоены попытками деукраинизации, особенно на востоке УССР. 10 сентября 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «Об украинизации в областях». ЦК КП(б)У считало, что Донецкий, Днепропетровский, Одесский обкомы «занимаются делом украинизации недостаточно», а «в ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации». Политбюро организовало специальное обследование этих областей и проверку советского аппарата: на каком языке ведется переписка, принимаются постановления, какой употребляется язык, на каком языке ведутся заседания. Во время проверки также изучалась работа по украинизации исполкомов, горсоветов, обкомов, райкомов и горкомов партии, комсомольских и пионерских организаций, школ, профсоюзов, культурных учреждений [4. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 182].

Обследование выявило «несомненно недостаточную работу по выдвижению украинских кадров на руководящую партийную работу» в указанных областях [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 19–38, 93–124]. В результате началась очередная «выдвиженческая» кампания. 26 февраля 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление, в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в секретариат ЦК список не менее чем из 120–150 человек (украинцев) для выдвижения на посты секретарей РПК и 120 человек – для выдвижения на посты глав РИК. Одновременно из состава секретарей РПК и глав РИК (украинцев) должен был быть составлен «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «просмотреть вместе с обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек – украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи» [15. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102].

Оргбюро и секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 г. – апреле 1936 г. несколько раз рассматривал вопросы о выдвижении украинских кадров на руководящую работу в различных ведомствах [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 74; Д. 385. Л. 19, 20, 27; 75; Д. 421. Л. 165–166; Д. 422. Л. 41, 58]. Создавались специальные комиссии, ко-

торые должны были в кратчайших срок (обычно речь шла об одном месяце) представить соответствующие предложения по украинским кадрам. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93], в наркоматы и областные отделы на должности начальников управления, заведующих отделов и руководителей групп (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь) [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93], в центральный аппарат и руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрава [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 165–166], наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 58].

Таким образом, чиновники госаппарата и советских учреждений оказались в зоне пристального внимания партийного руководства Украинской ССР в период коренизации. Обучение их украинскому языку шло с переменным успехом, темпы часто вызвали недовольство республиканского руководства. Компенсировать такую ситуацию украинский ЦК стремился за счет выдвижения на должности этнических украинцев. Глава КП(б)У С.В. Косиор на XIII съезде партии 27 мая – 3 июня 1937 г. с гордостью заявил о полученных результатах украинизации: «Среди всех рабочих и служащих промышленности Украины в 1929 г. было 47,9% украинцев, а в 1934 г. уже 59,7% [...] По переписи 1926 г. среди инженеров было 14,3% украинцев, в 1930 г. было уже 40%, а в 1934 г. среди инженерно-технического персонала промышленности и строительства было 48,8% украинцев [...] Среди ответственных работников наркоматов Украины украинцев 52,7% [...] Среди глав райисполкомов и горсоветов – украинцев 70%. В партии, в КП(б)У, у нас теперь 57% украинцев» [15. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 22об.–23об.].

Конечно, добиться полной украинизации государственного аппарата республиканскому руководству не удалось. В то же время, несмотря на все трудности, категория лиц, осуществлявшая управление обществом, подверглась изменениям. Номенклатурный принцип отбора кадров с его жесткой регламентацией карьерного продвижения, последовательностью иерархических ступеней и тому подобное сочетался с национальным подходом, и знание украинского языка, а в идеале – принадлежность к украинской нации, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков, стали одним из условий успешной карьеры.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Політика українізації в радянській Україні (1920–1930-ті рр.). Науково-довідниковий бібліографічний покажчик. Київ, 2003.
2. *Кравченко Б.* Соціалізм і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997.
3. Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений Украины).
5. Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр. 36. докум. В 2 т. Київ, 1959.
6. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.
7. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925.
8. *Перваченко М.* Украинизация советского аппарата должна быть закончена // Коммунист. 1925. 6 VI.
9. *Бодняк Ю.* Об украинизации советского аппарата (Ответ т. Перваченко) // Коммунист. 1925. 20 VI.
10. Центральний державний архів вищих органів влади України (Центральный государственный архив высших органов власти Украины).
11. ЦК РКП(б) – ВКП(б) і національний вопрос. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933.

12. *Юріс Н.* Антиукраїнська настрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. XX ст. // Мандрівець. 2010. № 5.
13. *Єфремов С.О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.
14. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
15. Российский государственный архив социально-политической истории.
16. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927.
17. Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Київ, 1997.
18. Советская Украина на новом подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У на XII съезде КП(б)У. Доклад тов. П.П. Постышева // Правда. 1934. 24 І.

ПИСАТЕЛИ И СФАБРИКОВАННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ 1950-х ГОДОВ

В статье анализируется связь писателей с политическими процессами в «сталинской» Чехословакии. Часть их выступала на стороне брошенных в тюрьмы или казненных жертв, а часть – на стороне соавторов пропагандистских кампаний, сопровождавших эти процессы. Данная узкая тема затрагивает широкий культурно-политический чешский контекст 1948–1956 гг. и долгосрочные явления и тенденции национального бытия.

The article analyses how writers were related to the political trials in the «Stalin's» Czechoslovakia. Some of them took the side of the imprisoned or prosecuted victims; others joined the co-authors of the propagandist campaigns. This narrowly defined topic correlates nevertheless with a wide cultural and political Czech context of 1948–1956 and long-term phenomena and tendencies of the national being.

Ключевые слова: Чехословакия, 1950-е годы, политические процессы, писатели.

Центральноевропейское пространство, где живут чехи, сформировавшиеся как современная нация после Французской революции и во время национального возрождения первой трети XIX в., – не место для беззаботного существования¹. Постепенно набиравший силу народ добился суверенности и государственной самостоятельности только в 1918 г., в подходящий момент мирового кризиса в результате первого современного глобального конфликта. Он вмешался в него как политической репрезентацией, так и с оружием в руках – чехословацкими легионами. Однако давний и кардинальный чешский вопрос, связанный с геополитическим положением малого народа между могущественными государствами – Германией и Россией, продолжал иметь место. Межвоенная многонациональная Чехословацкая республика по сути оставалась единственным демократическим государством Центральной Европы с системой представительного плюралистического парламентаризма и гражданскими правами и свободами для людей. Усилия к сохранению ее внешнеполитической безопасности, гарантированной Лигой наций и двусторонними договорами с великими державами, были, благодаря постепенной эрозии версальской системы, сведены на нет в 1938 г. предательским Мюнхенским соглашением, которое выдало чешский народ нацистской Герма-

Билек Ян – научный сотрудник Института Масарика АН Чешской республики, преподаватель Университета г. Градец Кралове, архивариус Музея национальной письменности.

¹ Вместо подтверждающих это положение цитат, назову имена крупных ученых, чье творчество ярко демонстрирует результаты отечественных исследований чешской истории. С национальным возрождением связано имя Мирослава Гроха, концепцию истории «длинного» XIX в. создали Отто Урбан, Иржи Коржалка, Милан Главачка, вклад в изучение периода Чехословацкой республики внесли Роберт Квачек, Антонин Климек, Зденек Карник, Вера Оливова. Второй мировой войне посвятили свои труды отец и сын Зукликовы, Ян Гебхарт, Ян Немечек, исследованием коммунистического периода государства занимался Карел Каплан, незаменимы биографические справочники энциклопедиста Йозефа Томеша.

нии. Шокированное чешское общество, чье нравственное здоровье оказалось под угрозой, поднялось у себя на родине и за рубежом на сопротивление врагу и за обновление своего государства, попав одновременно в сферу влияния Советского Союза.

После совместной победы над нацизмом в 1945 г. началось соперничество бывших союзников, вновь разделившихся на два идеологических блока. Чехословакия оставалась единственным из предопределенных советских сателлитов, где у власти стояли не коммунисты. Политическое противоборство уже было ограничено замкнутой системой партий и организаций Народного фронта, и коммунисты набирали силу постепенно, прибирая к рукам силовые структуры и средства массовой информации. Решение проблемы довершило в феврале 1948 г. использование непарламентских методов, к которым другие политики готовы не были, захват коммунистами абсолютной власти в стране. Советский Союз предлагал чешским большевикам танки, западные дипломаты обещали демократическим силам моральную поддержку. Ради внешних приличий коммунисты сохранили другие, по сути марионеточные, политические партии. Они строили систему советского типа с господством идеологии, основанной на теории марксизма-ленинизма, классовой борьбы, запрета свободного самовыражения, на трудовой повинности и социальной нивелировке. С помощью пропаганды власть стремилась изменить образ мыслей каждого гражданина. Часть населения в связи с собственными интересами или убеждениями и в надежде на перемены к лучшему новый режим поддерживала, часть пыталась с ним сосуществовать и жить дальше в новых условиях. Некоторые угрожали ему восстанием и сопротивлением. Режим, контролирующий все общество, требовал от всех послушания. Часть граждан, целые семьи были подвергнуты разным формам репрессий, многие эмигрировали. Жертвой финансовой реформы стала значительная часть населения. Оружие тоталитаризма – устрашение и насилие.

Начальный этап коммунистического тоталитарного режима в Чехословакии кардинально изменил общество, активно вмешиваясь во все сферы политической, экономической, социальной и культурной жизни всех слоев населения, всех граждан. Некоторые модели воздействия были повторением приемов, с которыми чехи встречались уже с осени 1938 г., в созданной по принципам авторитаризма так называемой Второй республике и в период нацистского протектората с весны 1939 г. Речь, к примеру, шла о власти крепкой руки, о единстве политических, профессиональных и творческих общественных организаций, об установлении мест выборов и конкурсов, о чистках и исключениях из общественной или профессиональной жизни, об антисемитизме, о сети информаторов и доносчиков, об ограничении свободы передвижений, о выселениях, о трудовых лагерях, об атмосфере страха и опасений за свою жизнь, об автоцензуре, о жесткой цензуре и запретах на публикации, о масштабных культурных проектах, о выбрасывании книг из библиотек. Даже политические судебные процессы не были в новинку для чешского общества.

После Второй мировой войны дела предателей и коллаборационистов были рассмотрены еще в относительно независимых судах. В тюрьмы были посажены и некоторые члены правительства протектората и некоторые довоенные политики-оппозиционеры, активные в период Второй республики, однако пытавшиеся не компрометировать себя связью с нацистским оккупационным режимом. Демократическое и правовое сознание чешского общества уже тогда вступало в конфронтацию с попытками политических злоупотреблений теоретически независимой системой безопасности и юстиции. Еще до февраля 1948 г. коммунисты в ходе борьбы за власть попытались сфабриковать антигосударственный заговор в самой сильной политической партии Словакии, чей представитель был смещен с поста заместителя председателя правительства; подобным образом они атаковали и другие политические партии. Правовые нарушения во время взятия власти

были задним числом легализованы, рамки законов и юстиции были изменены по воле новых властей.

Сфабрикованные политические процессы и репрессии не были спецификой коммунистической Чехословакии², они проходили по советскому образцу в ряде стран советского блока и отражали международную ситуацию: холодной войны, великодержавной политики Советского Союза, послушания подчиненных государств. Коммунистический режим в Чехословакии прошел в первой половине 1950-х годов классический революционный этап установления и укрепления власти через фазы поиска врага в своем отечестве и вредителя в рядах своей же партии. Враг мешал достижению предложенной, скопированной из телеологии исторической концепции привлекательной для всех цели – земного рая, иллюзорной утопии коммунизма, завершающего историческое развитие. Обе фазы олицетворяют два сфабрикованных процесса. Первый, затронувший целые слои населения, был инсценирован и проведен как бы в рамках обостряющейся классовой борьбы в 1950 г. над бывшим социальным работником и политическим деятелем главной соперничающей с коммунистами Национально-социалистической партии Миладой Гораковой (1901–1950). Второй, в котором были осуждены многие из принимавших (на стороне обвинения) участие в процессе первом, был проведен в 1952 г. над бывшим Генеральным секретарем коммунистической партии Рудольфом Сланским (1901–1952).

Они представляют собой лишь кульминацию насилий, развернутых партийно-государственной системой, органами госбезопасности в чешском обществе, что повлекло за собой целый ряд жертв. Насилия, устрашения, поддержание атмосферы страха были составной частью установленного режима, его существования и функционирования. Его основополагающий этап завершается между 1953–1956 гг. Террор 1950-х годов был гораздо более жестким, чем репрессии режима нормализации, установленного в 1970-е годы после либеральных 1960-х годов, с попытками Пражской весны реформировать государственную систему, задушенными в 1968 г. прямой оккупацией Чехословакии другими странами советского блока. И тогда проходили политические процессы, к примеру, в тюрьму были посажены поэт Иван Йироус (1944–2011), прозаик Ева Кантуркова (р. 1930). Символичным стал судебный приговор драматургу Вацлаву Гавелу (1936–2011). Можно сказать, что он стал узником тогдашнего президента и Генерального секретаря коммунистической партии, который сам был когда-то политическим заключенным, осужденным в 1950-е годы, т.е. узником Густава Гусака (1913–1991). Число пострадавших в период диктатуры коммунистической партии за период 1948–1989 гг. из-за разнообразия исполнительных органов (суды, национальные комитеты) и характера дел (политические, экономические) установить невозможно.

В драмы абсурдных театрализованных представлений были вовлечены и писатели, причем по обе стороны судебного зала – и как жертвы, и как соорганизаторы процессов (см. [1; 2]). Очевидно, что и область культуры, включая литературное творчество, претерпела после февраля 1948 г. существенные изменения. Сказались ликвидация старых и установление новых порядков, утверждение доктрины социалистической культуры, идейно-эстетической теории социалистического

² Эта проблематика привлекает внимание историков с 1960-х годов. После 1989 г. были созданы два соответствующих центра: в 1990 г. Институт современной истории АН ЧР, а в 2007 г. Институт изучения тоталитарных режимов (установивший связи с возникшей в 1995 г. при Министерстве внутренних дел и до сих пор существующей Канцелярией документации и расследований преступлений коммунизма, связанной в свою очередь с учреждениями, появившимися после 1989 г.). Оба центра занимаются издательской деятельностью. Публикации опираются на документы, находящиеся в основном в Национальном архиве в Праге (включая главные фонды Коммунистической партии Чехословакии), в Архиве органов безопасности (включая бывший Архив Министерства внутренних дел), Военном историческом архиве, Архиве Канцелярии Президента республики и т.д.

реализма. Искусство, политизированное и управляемое сверху, призвано было выполнять воспитательную функцию и настраивать общество на коллективное строительство социализма. Литература должна была быть ангажированной и оптимистичной, воздействовать на читателя, однако смотрелась она при этом в созданное ею же обманчивое зеркало. Слово было важным инструментом системы, оружием, которое вмещивается в жизнь. Внеэстетическая, политическая роль не была чем-то новым для чешской литературы. Она обладала опытом давних традиций добровольного выполнения этой роли в жизни своего народа. Чешская литература и ее творцы зависели от общественных интересов и политических целей, писателя отличало трепетное отношение к родному языку, одному из основополагающих факторов национальной идентичности. Забота о своей литературе способствовала развитию народа и компенсировала отсутствие собственной государственности. В период достижения национальной зрелости творцы переходили на другие позиции. Писатели могли занимать престижное и привилегированное положение граждански ангажированных политических «спичрайтеров» и моральных авторитетов, заботящихся об экзистенции, самосознании и совести нации. Порой они прямо вступали в политику, наиболее эффективно в мае 1917 г. своим манифестом с призывом к чешским депутатам Венского парламента отстаивать право чешского народа на суверенность. Некоторые из них сами становились депутатами или сенаторами. Так, еще до 1918 г. в парламенте имперского совета заседал поэт и драматург Ярослав Врхлицкий (1853–1912), а в чешский земский сейм была выбрана писательница Божена Викова Кунетицка (1862–1934), в период Чехословацкой республики поэт и драматург Виктор Дык (1877–1931) и беллетрист Алоис Ирасек (1851–1930).

Однако в конце 1940-х годов директивы проводились властью под политическим руководством и контролем. Другой альтернативы не было. Культура служила идеологической борьбе и пропаганде. Огромное внимание уделялось молодежи. Составлялись списки канонических литературных произведений, издававшихся большими тиражами. Историческое сознание и культурные традиции прошлого формировало упрощенное, согласно коммунистической интерпретации, толкование творчества чешского классика Алоиса Ирасека. Чешская литература XIX в. замещала собой подавленные авангардные или, напротив, консервативные течения. Нормативным стал труд коммунистического идеолога Ладислава Штоллы (1902–1981) «Тридцать лет борьбы за чешскую социалистическую поэзию» (1950). Литературную жизнь определяли идеологические кампании, мотивированные борьбой их инициаторов за властные полномочия. Шел поиск талантов среди трудящихся. Подходящие творческие силы вступили на путь ожидаемого и желаемого единения, придя к созданию в 1949 г. официального, финансово обеспеченного, централизованного Союза чехословацких писателей. Он был не только профессиональной организацией, но и идеологически надежным инструментом достижения целей и выполнения директив режима.

Многие творцы национальной литературы были после февраля 1948 г. вытеснены из официальной общественной жизни. Некоторые эмигрировали: поэт Иван Блатный (1919–1990), прозаики Ян Чеп (1902–1974), Эгон Гостовский (1908–1973). Другие подчинились тягостной атмосфере. Кто-то подвергся травле: поэт Константин Библ (1898–1951), теоретик искусств, критик и художник Карел Тейге (1900–1951). Иные оказались в тюрьмах после инсценированных судебных процессов. Потенциальной жертвой мог стать кто угодно, но в первую очередь человек других идейных или политических взглядов, демократ, верующий, человек неправильного классового происхождения, бывший коммунист, новоиспеченный коммунист, гражданин, вступивший в контакт с иностранцами, участник антифашистского сопротивления, еврей. Остановимся на пострадавших деятелях культуры. В сфабрикованном процессе над брненскими деятелями высшего образования был в 1949 г. осужден на смертную казнь с последующим изме-

нением приговора на пожизненное заключение католический поэт и публицист Зденек Ротрелк (1920–2013). Приговорен к тюремному сроку был и представитель знатной мещанской семьи журналист, писатель и переводчик Владимир Сис (1889–1958). В показательный, тщательно проработанный процесс над Миладой Гораковой, который одновременно с осуждением конкретных лиц расправлялся с целой группой людей, был вовлечен и казнен левый публицист и историк, протестовавший против советских сталинских репрессий, Завиш Каландра (1902–1950) [3]. В тюрьме с 1949 г. сидел дипломат, поэт и переводчик Йозеф Паливец (1886–1975) [4], зять братьев Чапек. Он был осужден в ходе судебного разбирательства, отпочковавшегося от процесса над Миладой Гораковой, в котором выступал свидетелем. В 1954 г. в процессе над Густавом Гусаком был осужден как буржуазный националист Лапо Новоместский (1904–1976), политик-коммунист и поэт, арестованный еще в 1951 г. Одним из последних был процесс, связанный с долго скрывавшимся священником и поэтом Яном Докулилом (1910–1974).

Попутно упомянем и «монстрпроцесс» с политическими деятелями бывших влиятельных партий. Он касался самой мощной Аграрной партии, буржуазной Национально-демократической партии, а также, в дополнение, партии Мелких промышленников и Народной (крестьянской) партии. К нему был привлечен и ряд «идейных вождей», среди них писатели-католики и рураллисты (чешские писатели-почвенники. – *Прим. переводчика*) (см. [5]). Он был подготовлен в 1952 г., главным образом для Праги и моравской метрополии – Брно. Речь шла о группе, среди которой были воинствующие католики, однако не являвшиеся нацистскими коллаборантами. Из критиков большевизма, многих сторон демократической Первой республики и послевоенной Третьей республики была искусственно составлена клерофашистская группировка, якобы связанная с так называемым Зеленым интернационалом, Соединенными штатами Америки и Ватиканом. Смыслом судебной акции было устранение противников, нейтрализация сильного крестьянского сословия, сельских середняков, ликвидация так называемых деревенских богачей – кулаков и обеспечение власти, перераспределявшей конфискованную собственность. К пожизненному сроку был приговорен член народной партии, школьный учитель, чиновник и поэт Йозеф Костогрыз (1907–1987). Был арестован литературный критик и известный издатель Бедржих Фучик (1900–1984) [6], член народной партии, пресс-секретарь министра Прохазки, супруг племянницы братьев Чапек Елены Кожелуговой. Кроме них были арестованы: публицист, редактор, работник издательства Ладислав Егличка (1916–1996) [7]; поэт левых взглядов, позже историк католической ориентации, университетский преподаватель Зденек Калиста (1900–1982) [8]; беллетрист и историк Йозеф Кнап (1900–1973) [9]; поэт и прозаик, учитель Франтишек Кршелина (1903–1976); национальный социалист, бывший коммунист и аграрник, функционер одной из распущенных писательских организаций и директор ее кооператива, прозаик и редактор Вацлав Прокупек (1902–1974); член народной партии, поэт и драматург Вацлав Ренч (1911–1973); поэт и редактор Ян Заградничек (1905–1960), зять Яна Докулила. Судьба Заградничека была особенно трагичной (см. [10–11]). Когда после 1956 г. он ждал условно-досрочного освобождения, с его семьей произошло несчастье, она отравилась грибами. Прежде чем он успел, прервав по разрешению тюремный срок, приехать в больницу, две его малолетние дочери скончались. После нескольких дней, проведенных в больнице и дома, с женой и сыном, он должен был опять вернуться в тюрьму, поскольку в освобождении ему было отказано.

Проходившие процессы сопровождалась пропагандой в СМИ, тщательно подготовленными демагогическими и манипуляционными кампаниями. В них вовлекались и писатели, поддерживавшие новую государственную систему, ею признанные «инженеры человеческих душ», которые своим участием в этих кампаниях выражали свою лояльность режиму. Контроль за освещением процесса

Милады Гораковой осуществлялся по решению секретариата ЦК КПЧ. Для процесса Рудольфа Сланского секретариат Центрального комитета Коммунистической партии создал специальный печатный орган [12; 13].

Чешские расстояния, разделяющие людей, – географические, профессиональные и персональные величиной не отличаются. Многие действующие лица политических процессов были знакомы друг с другом и вне зала суда. Одних связывала Прага, других профессия, третьих общие интересы и т.д. Например, писательница и дипломат с опытом работы в Москве Ярмила Глазарова (1901–1977) знала Миладу Горакову по работе в женских организациях, Вавру Гайду (1913–1978) и Евжена Лебла (1907–1987) [14], которых судили вместе со Сланским, – со времен своей дипломатической деятельности.

Большинство писателей, современников процессов, набирались жизненного опыта во время Первой мировой войны, в годы экономического кризиса и в период Второй мировой войны, переживая горечь уничтожения и унижения личности, разрушения традиционных ценностей, тяжесть социальной ситуации, апокалиптического распада существующего общественного порядка. Одни освобождались от старых взглядов и пускались в самокритику, декларируя прозрение, отказ от ошибок и лояльность. Другие были слепо верящими фанатичными коммунистами, готовыми, руководствуясь идеологемами или служебным положением, заниматься селекцией и улучшением реальности, считая ее недостатки незначительными и временными. Одни убежденно отстаивали новые отношения и новый режим. Другие были прагматиками, конъюнктурщиками, карьеристами. Третьи старались хотя бы в минимальной степени выполнять то, что от них требовалось. Их тенденциозные публикации имели общественный резонанс, непреодолимые последствия, и они до конца жизни несли за них ответственность, справляясь с этим каждый по-своему. Тем не менее, их выступления в условиях недопустимости плюрализма взглядов не поддавались коррекции. Некоторые убедились, как легко соскользнуть к передергиванию и лжи, укрепляющим преступную политику и власть, и пытались вранья и ошибок не повторять. О многом говорит их поведение после 1968 г. И пережившие это время жертвы своих ошибок и их семьи очень долго не могли справиться с их последствиями. Каждый из вовлеченных в орбиту процессов является личностью, единственной в своем роде, и требует к себе индивидуального подхода.

Исследователи, изучавшие типологию собрания текстов, связанных с процессом Милады Гораковой и другими, считают, что они дают возможность дешифровать авторский облик их создателей. Критерий личной дистанции определяет степень неконкретности (элиминация имен, личных оскорблений и высказываний). К примеру, так определяют текст олимпийского чемпиона Эмиля Затопека (1922–2000) [13. S. 90–91]. В этом плане среди авторов текстов, включенных в данное издание, минимальной степенью понимания отличался бы Ян Мукаржовский. А разве могли ждать заказчики чего-то другого от писателя по профессии? До сих пор не был обработан корпус текстов с анализом всех главных выступлений писателей, принимавших участие в связанных с процессами кампаниях, что дало бы возможность получить на основе сравнительного материала конкретные и правдивые сведения. Все тексты отвечали режиссуре и стилизации процессов, выполняли не информационную, а пропагандистскую функцию. Возникали они по заказу. Помимо общих директив определялось содержание и конкретных пунктов. Именно такие инструкции получила Ярмила Глазарова [15. S. 255–256]. На ее примере было показано, как правилась ее текст перед публикацией финального авторского варианта [15. S. 236–239]. Выявленное исключает, что сам автор написал совершенно другой или сильно отличающийся от опубликованного текст. Исправления не противоречили духу оригинала, речь шла прежде всего об обычной корректуре, кроме того, об уменьшении объема статьи за счет сокращения фактов, не отвечавших либо задачам статьи, либо режиссуре процесса и сопровождении

тельной кампании. Третий тип изменения текста касался стилистической правки в сторону усиления экспрессивности слов, легкости восприятия, прояснения признаков агитационно-публицистического жанра. Последняя группа вмешательств затрагивала понятия, термины, которые должны были обеспечить идеологически верное звучание и восприятие текста. В общем и целом все исправления преследовали цель сделать текст понятным, содержательным, идейным. С помощью качественного стиля важно было добиться эмоционального воздействия.

Пропагандистская кампания охватила всю печать, проникла и в детский журнал «Рiонуг». Тексты были похожими друг на друга, однако можно уловить различия в зависимости от направленности периодического издания (к примеру, адресованность к молодежи газеты «Mladá fronta», центрального органа Союза молодежи; декларация якобы желанной эволюции покоровившейся политической партии в органе марионеточных национальных социалистов «Svobodné slovo» и т.д.) [13. S. 80–97]. Писатели внесли свой вклад в государственные издания, включая центральный орган КПЧ газету «Rudé právo». Опубликованным там текстам придавалось особое значение. Статьи деятелей литературы и культуры помещались и в ведомственных периодических изданиях писательской организации «Lidové noviny», позже в газете «Literární noviny», в ежемесячном журнале «Nový život». Ожидалась и допускалась лишь тематика в определенных установленных рамках. Литературовед Петр Штайнер видит в марксистско-ленинской идеологической концепции «условность романтического жанра» [2. S. 332]. Наиболее распространенными были фактографическая литература и публицистика, пограничная между актуальным репортажем и комментарием. Документальное свидетельство – актуальное, оперативное, непосредственное – может обладать достоинствами личного свидетельства, аутентичной субъективностью, эмоциональным весом. На практике же литература давала свидетельства не о жизни, не о реальности, а о своем участии в конструкции псевдореальности, манипуляциях с читателями и в сеянии лжи. Этим задачам отвечали стилевые приемы литературы и языка, предопределенные общеупотребительным языком эпохи. «Если язык процесса недостаточно удобоваримый, эссе, письма и резолюции [...] становятся, грешным делом, занимательным чтением с избытком метафор, гипербола, намеков и более или менее образными описаниями смертной казни» [2. S. 207]. Мера натурализма, лиризма, пафоса и т.д. – всегда индивидуальна. Можно лишь выявить стереотипные мотивации фашизма, эмиграции, шпионажа, опасности и бдительности, икон коммунистической партии и др.

Использовались и другие жанры. Процесс Милады Гораковой нашел отклик в пьесе-памфлете «Парник» драматурга Эмиля Франтишка Буриана (1904–1959), где разоблачалась фигура отрицательного представителя интеллигенции, врага, троцкиста, под которым подразумевался Завиш Каландра (см. [16. S. 40–52, 71–78]). Процесс технической интеллигенции в центре тяжелой промышленности республики – Острове предвосхитила, на несколько дней опередив его на театральных подмостках, Яромира Коларова (1919–2006) [17] пьесой «Ошибка инженера Матуль» (1952). В пьесе была выведена и отрицательная фигура коммунистического функционера (отсылка к процессу Сланского).

Мимо процессов не прошла и поэзия. Однако в большей мере к ней прибегали осужденные, для которых политическое судилище и пребывание в тюрьме послужили источниками вдохновения. Так, например, сборник стихов написал в заключении экономист, журналист и писатель Иржи Гейда (1895–1985), осужденный в процессе Милады Гораковой. Речь идет о венке сонетов («Сонеты, нашептанные в тени виселицы», 1993). Опыт политического узника он воплотил в романе «Бегство» (1969) и в мемуарах «Жил я зря» (1991) (см. [18])³.

³ Избранное из стихов З. Ротрелка, В. Ренча, Я. Заградничека и И. Сухего, в основном возникших в заключении, вышло как Приложение к сборнику Literatura určená k likvidaci (Brno, 2006. Sv. III).

Против смертного приговора Миладе Гораковой выступили некоторые мужественные соотечественники, например врач и публицист Власта Калалова (1896–1971) (см. [19]). Не остались равнодушными и многие зарубежные писатели. Среди них – поэт Андре Бретон (1896–1971), прозаик Альберт Камю (1913–1960), поэт Поль Клодель (1868–1955), прозаик Жан-Поль Сартр (1905–1980) [20].

Со временем политические процессы превратились из стабилизационного фактора режима в дестабилизационный. Власти никогда не пытались объяснить с писателями, просто не могли. Открытая дискуссия развернулась при послаблениях режима в 1968 г. Только тогда и потом, уже после 1989 г., сложилась подходящая атмосфера для общественных оценок, равно как и для публичных извинений. Они не были такими монструозными как сами процессы. Некоторые из репрессированных получили государственные награды. Наказание одних организаторов процессов ограничивалось, еще в рамках коммунистического режима, увольнением с работы, другие вообще остались без наказаний, ведь они проводили линию партии, и режим не мог расправиться сам с собой. Чувство вины, закончившееся самоубийством, испытали всего несколько человек из партийного аппарата и органов безопасности. Суды после 1989 г. над организаторами процессов вынесли всего лишь одно символически правомочное судебное решение, приговорив в 2008 г. к тюремному заключению сроком на несколько лет прокурора Людмилу Брозову (р. 1921), досрочно выпущенную по амнистии [21].

Многие пострадавшие требовали после изменения политического климата в 1956 г. нового рассмотрения их дел – некоторым были снижены сроки наказания – и условно-досрочного освобождения. Большинство вышли на свободу по амнистии 1960 г., некоторые раньше, а кое-то еще позднее. Реабилитации добились на протяжении 1960-х годов, либо после 1989 г. Открытое обсуждение проблемы было калькой с общественного развития. В 1956 г. этого вопроса коснулся перед II съездом писателей поэт Витезслав Незвал (1900–1958), а в ходе съезда – поэт, осуждавший сталинские репрессии 1930-х годов, Ярослав Сейферт (1901–1986), который возглавил реабилитационную комиссию писательского союза (см. [22]). После 1989 г. за реабилитацию осужденных также выступила ведущая профессиональная организация – Община писателей (Obec spisovatelů). Литературное творчество запрещенных авторов стало возвращаться к читателям в конце 1960-х годов и после 1989 г., причем порой в самиздате или в эмигрантских изданиях. Одновременно в историю литературы возвращались и их имена. Тема политических процессов вошла после 1989 г. в чешский кинематограф, вступила на сценические подмостки, проникла в оперу. Недавно их актуализации в чешском историческом сознании поспособствовала реконструкция процесса Милады Гораковой, созданная на основе аутентичных кино- и радиозаписей, в документальном телесериале, который в 2009 г. несколько вечеров подряд показывало чешское телевидение.

Пока еще не написан обобщающий труд о писателях и сфабрикованных политических процессах в Чехословакии 1950-х годов. На эту тему есть много разнонаправленной литературы, однако нет хотя бы одной серьезной биографии репрессированных лиц. Не странно ли это? Что живет в национальном сознании? Наверное то, что мир и жизнь полны сложностей, что новые идеологии, столь убедительно и научно рассуждающие о смысле жизни, о новой эпохе, решении проблем, об осуждении предыдущей системы и надежде на более справедливое общественное устройство, себя не оправдали, ввели в заблуждение, распались. Оптимизм чередуется с пессимизмом, иллюзией и воодушевлением – с разочарованием. То, что было ясным, оказалось неоднозначным, противоречивым. Боль и страдания не покинули мир. Никакая новая эпоха не наступает, мечты не осуществляются. Но есть повседневность с самоутверждением личностей, защитой своих интересов, стремлением выделиться, руководить, бороться за власть и средства к существованию. Нельзя ни во что верить, ценности меняются, для

того, чтобы выжить, надо приспособливаться, не иметь, либо менять, либо скрывать свои взгляды.

Смыслом жизни чешского народа давно считается лишь выживание и сохранение нации, чья элита ослаблена периодическими волнами репрессий, изгнаний, эмиграций. Личная ответственность сводится порой к плебейскому согбенному бытию с лицемерием и фальшью, малодушием и угодничеством, расхождением между словом и делом, циничным отношением к высоким идеалам и целям и с отстраненным отношением к своему государству.

Действия и поступки, проявление характера, героизм – обременительны, создают трудности, не приносят удовлетворения, не оцениваются по достоинству. Система жизни, в которой много вранья – и все об этом знают, – имеет место и сегодня, так же, как она повторялась в XX столетии не раз. Житель престижной Центральной Европы все время переживает «великую историю», которая заграгивает и видоизменяет «историю малую, личную». Вспоминается такой анекдот, в котором одна женщина рассказывает, что она жила в Австро-Венгрии, Чехословацкой Республике, Чешско-Словацкой Республике, в Протекторате Чехия и Моравия, в Чехословацкой Социалистической Республике, в Чешской и Словацкой Федеративных Республиках и в Чешской Республике. Другая на это говорит: «Как же вы много путешествуете». «Да что вы, – замечает первая, – я и шагу не ступала из своих родных мест». Процессы 1950-х годов разоблачили самообман – миф о глубине чешской демократии, показали ее хрупкость. Они дискредитировали роль литературной культуры, которую та играла многие десятилетия.

Чешская Республика в настоящее время представляет собой фрагментарно зрелое, индивидуализированное и весьма дифференцированное сообщество. Ее современный политический и экономический климат отражает кризис социального государства и консенсуса в происходящем формировании общества как такового. Чешская государственность, как и в других странах Европейской унии (Европейского союза), находится в неравном соперничестве с неолиберальным глобальным капиталом и обслуживающим его классом. Уменьшение средств, выделяемых на науку (в частности на изучение чешской истории или литературы), выработка бессмысленных критериев качества научной продукции, ее качество ликвидирующих, борьба за иссякающие финансовые истоки разрушают стабильность институций и их долгосрочные проекты, межкорпоративное и межчеловеческое сотрудничество и толерантность. Набирают силу эгоизм и критерии личной материальной выгоды, которые прикрываются риторикой и рекламной презентацией достижений, сплошь и рядом сомнительных. Борьба за национальную экзистенцию продолжается.

Перевод Л. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Knapík J.* Kdo byl kdo v naší kulturní politice 1948–1953. Praha, 2002; *Hrubý P.* Osudové iluze : čeští spisovatelé a komunismus 1917–1987. Rychnov nad Kněžnou, 2000; *Kratochvíl A.* Procesy s českými spisovateli / Rok 1947: česká literatura, kultura a společnost v období 1945–1948. Praha, 1998; *Med J.* Spisovatelé ve stínu. Praha, 2004; *Literatura určená k likvidaci.* Brno, 2004–2006. Sv. I–III; *Macura V.* Šťastný věk (a jiné studie o socialistické kultuře). Praha, 2008.
2. *Steiner P.* Poetika politického procesu: dělný lid kontra Rudolf Slánský a spoluspiklenci / Lustrování literatury: česká fikce v politickém kontextu. Praha, 2002.
3. *Bouček J.* 27. 6. 1950. Poprava Závaše Kalandry. Praha, 2006.
4. *Palivec J.* Básně, eseje, překlady. Praha, 1993; *Palivec J.* Prózy, listy z vězení, pozdravy přátel. Praha, 1996.
5. *Dvořáková Z.* Navzdory nenávisti a mstě. Z politických procesů 1952 a 1953. Praha, 2002; *Ruralismus, jeho kořeny a dědictví : osobnosti – díla – ideje.* Sborník referátů z vědecké konference konané ve dnech 22.–23. dubna 2005 v Sedmihorkách. Z Českého ráje a Podkrkonoší – supplementum 10. Semily, 2005.
6. *Fučík B.* Čtrnáctero zastavení. Praha, 1992.
7. *Jehlička L.* Křik koruny svatováclavské. Praha, 2010.

8. *Kalista Z.* Po proudu života. Brno, 1996.
9. *Knap J.* Bez poslední kapitoly. Praha, 1997.
10. *Bauer M.* Žádost o vyšetřování Jana Zahradníčka na svobodě v roce 1952 / Tvar. 2000. Č. 8.
11. *Будагова Л.Н.* Ян Заградничек: песнь отчаяния и надежды // Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. М., 2006.
12. *Kaplan K.* Největší politický proces «M. Horáková a spol». Praha, 1995. S. 155; *Kaplan K.* Zpráva o zavraždění generálního tajemníka. Praha, 1992. S. 241.
13. *Formánková P., Koura P.* Žádáme trest smrti! Propagandistická kampaň provázející proces s Miladou Horákovou a spol. (historická studie a edice dokumentů). Praha, 2008. Dok. č. 1–9.
14. *Löbl E.* Svedectvo o procese s vedením protištátného sprisahaneckého centra na čele s Rudolfom Slánským. Bratislava, 1968.
15. *Bílek J.* Spisovatelka J. Glazarová v procesech s M. Horákovou a R. Slánským // Politické procesy v Československu po roce 1945 a «Případ Slánský». Praha;Brno, 2005.
16. *Šormová E.* E.F. Burian: Pařeniště // Divadelní revue. 1993. Č. 2.
17. *Kolářová J.* Divný čas, divná láska. [Praha], 2006.
18. *Lukeš J.* Stalinské spirituály: zkušenost politických vězňů 50. let v české próze : Jiří Hejda, Jiří Mucha, Karel Pecka, Jiří Stránský, Jan Beneš. Praha, 1995.
19. *Borská I.* Doktorka z domu trubačů. Praha, 1987.
20. *Bouček J.* Trubaduři nenávisti. Praha, 1952.
21. *Zidek P.* Příběh herečky. Ludmila Brožová a její svět. Praha, 2010.
22. II. sjezd Svazu československých spisovatelů 22.–29. 4. 1956. Praha, 2001. Sv. I–II.

© 2015 г. Е.З. ШАКИРОВА

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В ТВОРЧЕСТВЕ АТТИЛЫ ЙОЖЕФА

В статье рассматриваются художественное творчество и философско-эстетические искания Аттилы Йожефа (1905–1937), одного из наиболее значительных венгерских поэтов XX в. Исследуется характер поэтического новаторства А. Йожефа, анализируются такие аспекты его поэзии, как формотворчество, философская направленность и исповедальность. Творчество поэта представлено в широком контексте европейской культуры XX ст.

The article deals with the work and philosophical-aesthetical search of Attila József (1905–1937), one of the most significant Hungarian poets in the twentieth century. It explores the innovative character of his poetry, analyses such aspects of his poesy as form-making, philosophical trends and confessionary character. The work of the poet is presented against a wider background of the European culture of the twentieth century.

Ключевые слова: Аттила Йожеф, венгерская поэзия XX в., поэтический авангардизм, фольклорные традиции в поэзии, политическая борьба и литература, психоанализ и литература.

11 апреля – в день рождения Аттилы Йожефа – в Венгрии празднуется День поэзии. Это признание особого места, которое занимают творчество поэта, его судьба, сам его образ в современной венгерской культуре. Венгрия во все времена была богата выдающимися стихотворцами, но поэтическое наследие многих из них со временем перестало быть живым явлением культуры, приобрело «музейный» оттенок или продолжило бытовать главным образом в школьных хрестоматиях. Этого нельзя сказать о поэзии Аттилы Йожефа. Ее интеллектуальная насыщенность и эмоциональный накал столь велики, что у всякого, кто открывает книгу его стихов, неизбежно возникает обжигающее и тревожное чувство «присутствия» автора как живой, реальной личности, не таящейся под маской лирического героя. Мы едва ли не физически ощущаем безысходное одиночество этой личности, ее отчаянное стремление прорваться из глубин своего «я» к Человечеству, к Миру. В трагической исповедальности Аттиле Йожефу, наверное, не найдется равных среди венгерских поэтов. Но стихи Йожефа провоцируют читателя не только на непосредственный эмоциональный отклик: они поражают и совершенством своей формы – то иллюзорной простотой, то усложненностью, загадочностью, зашифрованностью. Будто в каждом его произведении – не только в крупных, композиционно сложных произведениях, но и в поэтических миниатюрах и даже фрагментах – заключен целый мир, космос. Каждое его стихотворение – итог кропотливой творческой работы, каждое – многослойно, многогранно, несет огромную смысловую нагрузку. В лирике Аттилы Йожефа получили своеобразное преломление и развитие главные направления философской

и эстетической мысли XX в.: от марксизма до экзистенциализма. Стихи Йожефа призывают читателя не только к интуитивному «вчувствованию», но одновременно – и к напряженному умственному труду, интеллектуальной дисциплинированности. Пример тому – идеи фрейдовского психоанализа, отраженные сквозь призму острых личных переживаний поэта и превратившиеся в один из важнейших смысловых центров его художественного мира.

Стихотворения, статьи, эссе и письма Йожефа свидетельствуют о его беспощадной требовательности к самому себе и к собственному творчеству. Столь же высокие требования предъявляет его поэзия и к читателю. Отчасти именно поэтому лирика Йожефа не нашла признания у широкой читательской аудитории (да и у многих критиков) при жизни поэта. Судьба его творческого наследия также была не лишена превратностей. После 1949 г., когда в Венгрии установился коммунистический режим, Йожеф (в 1930–1933 гг. бывший членом нелегальной Венгерской коммунистической партии и опубликовавший ряд стихов агитационного содержания, призывавших рабочий класс на борьбу с капиталом) был официально объявлен «пролетарским поэтом» и те из его стихотворений, которые показались чиновникам от культуры «идейно близкими», были превращены в орудие пропаганды. Прошли десятилетия, прежде чем творчество Аттилы Йожефа было оценено в Венгрии по достоинству – как одна из вершин венгерской лирики XX в. Памяти Йожефа посвящали стихи выдающиеся поэты Венгрии, в том числе Янош Пилински, Дюла Ййеш, Шандор Вёреш, Ласло Надь, Ференц Юхас, Дёрдь Фалуди. Университет города Сегед в 1962–2000 гг. носил его имя. Велико и международное признание его поэзии: стихи Аттилы Йожефа изданы на многих иностранных языках (в частности на французский его переводили Поль Элюар и Гильвик, а в числе русских переводчиков поэзии Йожефа были Леонид Мартынов и Давид Самойлов¹). 2005 год был объявлен ЮНЕСКО годом Аттилы Йожефа. Историки литературы отмечают всемирную, универсальную направленность его творчества; особый их интерес вызывают переклички поэзии Йожефа с европейской и мировой литературой (см., например, [1]).

Выдающиеся поэты трагической судьбы, рано ушедшие из жизни, часто становятся легендарными фигурами. Их образы мифологизируются, окружаются атмосферой культа. В Венгрии подобный культ сложился вокруг личности Шандора Петёфи (1823–1849), поэта-революционера, который в двадцатилетнем возрасте героически погиб в одном из последних сражений национально-освободительной войны. Короткий жизненный путь Аттилы Йожефа (а прожил он всего тридцать два года) был полон невзгод: поэту пришлось перенести нищету, сиротство, безответную любовь, неприятие современников, политическую травлю, душевную болезнь. Страшную точку в его жизни поставил вечер 3 декабря 1937 г.: поэт погиб под колесами поезда на станции курортного городка Балатонсарсо, куда приехал поправить здоровье после долгих месяцев, проведенных в психиатрической лечебнице. Был ли это несчастный случай или самоубийство – навсегда останется тайной. Но образ Йожефа, запечатлевшийся в венгерском культурном сознании XX в. – это образ мученика, «гения боли» (как назвал поэта после его смерти известный венгерский критик Дёрдь Балинт).

Родился Аттила Йожеф в Будапеште, в семье рабочего и прачки. Отец рано оставил семью, и мать, чтобы прокормить троих детей, работала с утра до ночи, стирая горы белья, убирая квартиры в богатых домах. Но денег все равно не хватало, и ей пришлось на несколько лет отдать Аттилу и его младшую сестру Этель

¹ На русском языке поэзия А. Йожефа издавалась неоднократно (см., например: *Аттила Йожеф. Стихотворения*. Москва, 1962; *Владимир Маяковский. Аттила Йожеф. Стихи*. Москва; Будапешт, 1983). В 2005 г. в России увидело свет самое полное на сегодняшний день издание произведений Аттилы Йожефа в русских переводах (*Аттила Йожеф. На ветке пустоты. Стихи, письма, документы*. М., 2005), а также был издан сборник эстетических и критических работ поэта (*Аттила Йожеф. Край заброшенных наделов. Избранные эссе и статьи*. М., 2005).

на воспитание в чужую семью. Мать умерла от рака, когда Аттиле было четырнадцать лет. Мальчик с раннего детства проводил целые дни на пештских улицах. Он, как мог, пытался зарабатывать на жизнь, помогать семье. Продавал воду и газеты, разносил хлеб и даже, как признавался поэт в «Curriculum vitae» – коротенькой автобиографии, которую составил в 1937 г., пытаясь устроиться на работу, подворовывал дрова и уголь на вокзале. Подростком он трудился на речных буксирах, сторожил на полях кукурузу. При всем при том Аттиле удалось выдержать экзамен на аттестат зрелости – благодаря помощи старшей сестры Йолан и ее супруга, адвоката Эдена Макаи, взявшего над мальчиком опеку.

Учился Аттила неровно, но очень рано стал проявлять блестящие литературные способности. «Многие считали меня вундеркиндом – я же был всего-навсего сиротой», – пишет он в «Curriculum vitae» [4. С. 349]. Уже семнадцатилетним гимназистом – в 1922 г. – Йозеф опубликовал первую свою книгу стихов «Попрошайка красоты» («Szépség koldusa»)². Сборник вышел с предисловием видного поэта Дюлы Юхаса, который предрек начинающему стихотворцу большое будущее. А вскоре стихи Йозефа появились и в журнале «Nyugat», бывшем в те годы самым авторитетным литературно-критическим форумом Венгрии. Сборник «Попрошайка красоты» свидетельствует о том, что юный Аттила Йозеф, по выражению литературоведа А. Гёрёмбеи, «принял вызов» всех значительных поэтов круга «Nyugat», своих старших современников – Эндре Ади, Дежё Костолани, Дюлы Юхаса, Михая Бабица и в совершенстве освоил формальный инструментарий декадентско-символистской лирики начала XX в. [5. 125.о.]. Пробовал он силы и в «свободном стихе», верлибре – вслед за Лайошем Кашшаком и другими венгерскими поэтами-авангардистами.

Осенью 1924 г. Йозеф поступил в Сегедский университет, чтобы изучать венгерскую и французскую филологию, а также философию. Он готовился получить диплом учителя, всерьез заняться наукой. Но на преподавательской карьере пришлось поставить крест из-за одной скандальной публикации. Весной 1925 г. литературный журнал «Szeged» напечатал стихотворение Йозефа «С чистою душой» («Tiszta szívvel»). Бунтарское по содержанию, оно оказалось поистине революционным в плане эстетическом.

Вот я – круглый сирота,
За душою ни черта,
ни святыни, ни жены,
ни любви, ни родины.

Третий день не пью, не ем,
и живу не знаю чем, –
двадцать лет – хотите, вам
эти двадцать лет продам?

Если нет купцов на них,
сатана путь купит их,
на убийство, на разбой
выйду с чистою душой.

Кончу жизнь в тугой петле
и найду покой в земле,
сердце ж пустит там с тоски
смертоносные ростки.

(Перевод С. Кирсанова)

² Помимо сборника «Попрошайка красоты», при жизни А. Йозефа увидели свет следующие сборники его стихотворений: «Не я кричу» («Nem én kiáltok», 1925), «Нет у меня ни отца, ни матери» («Nincsen apám, se anyám», 1929), «Не скули, круши устои» («Döntsd a tőkét ne siránozz», 1931), «Ночь городской окраины» («Külvárosi éj», 1932), «Медвежий танец» («Medvetánc», 1934), «Очень больно!» («Nagyon fáj», 1936).

В Венгрии двадцатых годов, в атмосфере насаждавшейся властями консервативной, христианско-националистической идеологии, публикация подобных стихов приравнивалась к преступлению против нравственности. И, само собой разумеется, их автор не мог больше оставаться студентом Королевского Сегедского университета. Сам профессор Антал Хоргер, именитый языковед, лично вызвал его в свой кабинет и при свидетелях заявил, что, пока он жив, Йожефу не быть учителем средней школы, ибо человеку, сочиняющему такие стихи, нельзя «доверить воспитание будущих поколений» (см. [4. С. 351]). Однако именно эти стихи заставили серьезных ценителей литературы заговорить об Аттиле Йожефе уже не как о молодом, подающем надежды поэте, но как о выдающемся лирике новой эпохи, выразившем мироощущение целого послевоенного поколения. Первым и наиболее авторитетным из них стал знаменитый Игнотус (Хуго Вейгельсберг), главный редактор журнала «Nyugat» и близкий друг Эндре Ади: «Есть у нас один скромный поэт, по-моему, лет двадцати, – Аттила Йожеф. Одно из его стихотворений мне полюбилось, я ласкаю его и глажу, бормочу и напеваю про себя [...] Прекрасные стихи – но они не возникли бы, не могли бы возникнуть, не будь до этого народной песни и экспрессии, стихотворной поэзии и поэзии вербально-декларативной. Итак, возвращения поэтического стиха не нужно и дожидаться, ибо стоило мне предсказать его, как оно уже стало реальностью» [6. 94–95.о.].

Говоря о «возвращении поэтического стиха», Игнотус имел в виду одну из главных тенденций венгерской и европейской поэзии 20–30-х годов XX в. – возрождение традиционных форм. Свободный стих, свободное течение образов, присущие «вербально-декларативной» (читай: авангардистской) поэзии, быстро завели ее в тупик. Лишившись рифмы, стихотворных размеров и жанровых признаков, поэзия авангарда утратила и поэтичность. На смену экспрессионистам, дадаистам, сюрреалистам пришло новое поколение, вновь ощутившее силу, заключенную в древних правилах «плетения словес». Важнейшим источником вдохновения для венгерской лирики 20–30-х XX в. – в том числе и для поэзии Аттилы Йожефа – стало устное народное творчество³. Вслед за своим современником, поэтом Йожефом Эрдейи (1896–1978), чьи стихи, проникнутые духом народных песен, вновь пробудили у венгерской публики интерес к фольклору, Йожеф уже в первой половине двадцатых годов – одновременно с экспрессионистскими верлибрами – создает и произведения совсем иного рода: стихи со строгой, простой и ясной формой, рифмованные, чья ритмическая структура напоминает о венгерских народных балладах. В таких стихотворениях, как «Бедняка окружают воры» («Lopók között szegényember», 1924), «Баллада бедняка» («Szegényember balladája», 1924), «Тот, кто беден...» («Aki szegény, az a legszegényebb», 1924) он использует не только фольклорные мотивы, но и поэтические приемы, типичные для фольклора: повтор, параллелизм, антитезу. А главное – в этих стихах поэт создает столь созвучный его собственному духовному миру образ человека из народа, обездоленного, «нагого и сирого», но сильного духом.

В стихотворении «С чистою душой» лирический герой обездолен в абсолютном смысле слова. У него отнято все, чем жив человек: нет «ни отца, ни матери, ни бога, ни родины, ни поцелуя, ни возлюбленной, ни колыбели, ни савана» (цитирую стихотворение в дословном переводе. – *Е.Ш.*). В изображении этого персонажа использованы фольклорные краски: традиционные мотивы сиротства, несчастной судьбы, преступления и казни. Но по сути этот лирический герой, ровесник поэта – человек поколения двадцатых годов, послевоенного, «потерянного» поколения, которое попало в условия обесценивания всех ценностей и духовного вакуума. «Чистота» его – это внутренняя пустота. Абсолютное одиночество,

³ Народная, крестьянская тематика в период между двумя мировыми войнами занимала важнейшее место не только в венгерской поэзии, но и во всей венгерской литературе. В конце двадцатых годов сформировалось влиятельное движение писателей-народников (в дословном переводе с венгерского – «народных писателей»). К этому движению недолгое время примыкал и Аттила Йожеф.

отсутствие любых человеческих связей и нравственных ограничений. Сродни он и персонажу романа Альбера Камю «Посторонний» – Мерсо, который ни с того ни с сего, без всяких видимых причин убивает человека – и не желает раскаиваться в своем преступлении. «С чистой душой» – это стихотворение-манифест, которое не случайно стало рубежом в творческой и личной биографии поэта.

Позже, в двадцатые и тридцатые годы, интерес Аггилы Йожефа к фольклору не ослабевал. Но влияние народной поэзии на его творчество приобрело иные формы. Фольклорные темы, мотивы, приемы стали сочетаться в его стихах с элементами авангардистской поэтики. Новой ступенью в творчестве Йожефа стал период 1925–1927 гг., когда молодой поэт учился в Венском университете, а затем в парижской Сорбонне. В Вене он не только посещал университетские лекции, но и участвовал в литературной жизни венгерской эмиграции. Он познакомился с выдающимися представителями венгерской культуры, оказавшимися за пределами Венгрии, в том числе с поэтами-авангардистами Лайошем Кашшаком, Тибором Дери, философом Дёрдем (Георгом) Лукачем, литератором и теоретиком кинематографа Белой Балажем. Все они придерживались социалистических убеждений, и под их влиянием Йожеф начал изучать марксизм. Позже, в Париже, поэт усиленно штудировал труды Гегеля, Маркса, Ленина. Другим его страстным увлечением в эти годы стала французская поэзия. Йожеф переводил на венгерский язык баллады Франсуа Вийона, стихи Гийома Аполлинера и Жана Кокто, пробовал и сам сочинять стихи по-французски. Поэзия французского сюрреализма, с ее причудливыми и непостижимыми образами, заорожила его, вдохновила на собственные поэтические эксперименты. В сюрреализме он увидел возможность абсолютной поэзии, подчиненной одним лишь эстетическим целям и принципам. В своих опытах «чистой поэзии» Аггилы Йожеф сумел достичь почти невозможного: сплавить воедино сюрреалистическую суггестивность и строгую упорядоченность стихотворной формы. Самый примечательный из таких опытов – цикл «Медальоны» («Medáliák», 1928), в котором, по словам А. Гёрёмбеи, «таинственность предчувствий, сказок, мифов сочетается с ритмическими элементами народных песен или заговоров» [5. 127.о.]. Приведу два стихотворения из этого цикла (четвертое и одиннадцатое) в переводе К. Ситникова:

Ты – словно пенка в сладком молоке,
ты – словно лязг в полночном далеке,
ты – словно нож среди оловянных вод,
ты – пуговка, что упадет вот-вот –
служанка над квашней ревет навзрыд,
что поцелуй! – этот дом сгорит,
сыщи домой дорогу как-нибудь:
пылают очи, озаряя путь.

Вот короли – их двадцать три,
венцы из яшмы дорогой,
все дыньку пробуют на вкус,
а в шуйце – месяц молодой.
Вот пареньки – их двадцать три,
колпак заломят и гурьбой
идут, неся большой арбуз,
как солнце, правую рукой.

Историки литературы не раз отмечали, что в этих попытках осуществить синтез современной и фольклорной поэзии Йожеф не был одинок среди современников: в европейской и мировой поэзии примером такого синтеза стало творчество Федерико Гарсии Лорки (см. например, его книгу стихов «Цыганское романсеро», 1928), других испанских и латиноамериканских поэтов XX в., румынского поэта Лучиана Благи (см. [2. С. 184]). По словам видного венгерского литературоведа Миклоша Саболчи, с начала XX в. в европейской культуре «заметно сильное

стремление: обратиться к кажущимся архаичными глубинам собственной народной жизни или к представляющемуся более чистым, более естественным искусству далеких континентов – это стремление можно проследить и в негритянских скульптурах Пикассо, и в музыке к «Замку герцога Синяя борода» Бартока, и в «Венгерском псалме» Кодая или в более ранних художественных устремлениях – от «Хованщины» до лирики Есенина» [2. С. 183–184]⁴.

Однако обращение к традиции не ограничивалось в творчестве Аттилы Йожефа тяготением к фольклорным корням. В конце двадцатых и в тридцатые годы XX в. в его поэзии (как и в целом в венгерской и европейской поэзии этого периода) получили новую жизнь классические, в том числе античные, размеры и жанры. Поэт давал своим произведениям названия или подзаголовки, содержащие жанровые определения: «Ода», «Элегия». Встречаются в его зрелом творчестве и стихи, написанные гекзаметром, элегическим дистихом, асклепиадовой строфой. Он вдохновлялся и венгерской стихотворной традицией XIX в.: поэзией Петёфи, Яноша Араня, Михая Чоконаи Витеза.

Обостренное внимание к стихотворной форме – важная примета европейской поэзии в период между двумя мировыми войнами. Вспомним произведения таких поэтов, как Мандельштам, Пастернак, Т.С. Элиот: их стихи и поэмы сродни изысканным архитектурным строениям, они обладают сложной композиционной структурой, насыщены литературными и культурологическими аллюзиями. При этом зачастую невозможно вычленить «идею», «смысл» стихотворения – оно не поддается содержательному анализу, оставаясь как бы «вещью в себе».

Размышляя о метафизике искусства, Аттила Йожеф представлял себе поэтическое произведение именно как такую «вещь в себе». «Сущность художественного произведения есть форма», – утверждал он в 1928 г. в трактате по философии искусства, который остался незавершенным и был издан лишь после смерти поэта. Развивая впоследствии этот тезис в статье «Литература и социализм» (1931), поэт писал, что художественное произведение – это и есть целостная форма, неразложимая на составные элементы. Благодаря своей целостности произведение искусства – в отличие от всех остальных вещей мира – обладает одним уникальным свойством: оно замещает собою «конечное мировое целое», которое недоступно созерцанию человека. Произведение искусства есть «конечное *созерцаемое* целое», иными словами, это аналог всего мироздания, мир в миниатюре (курсив мой. – *Е.Ш.*) (см. [7. С. 100]). По словам Д. Твердоты, «за такой эстетико-философской концепцией стояли огромные амбиции, направленные на создание произведений, способных заместить собой целый мир, закрыть своей тенью Солнце, утолить неизбежную жажду человека вместить в себя все мироздание, ту жажду, которую Аттила Йожеф называл “недостачей реальности”» [3. С. 496].

Идея «формы» вообще занимает одно из главных мест в мировоззрении Йожефа. Вот что он писал в 1935 г. в письме, адресованном Габору Халасу: «Мне и пролетариат видится формой – как в стихах, так и в общественной жизни; в таком смысле я и пользуюсь его мотивами. Например, у меня очень часто появляется чувство безотрадности, и моему выражающему намерению, моей жажде разрушения и формирования “подстать” один лишь тот край заброшенных наделов, который в наше время осмысляет собственное безотрадное состояние с помощью понятия капитализма – хотя меня, поэта, интересует лишь облечение в форму собственного чувства безотрадности. Поэтому – к сожалению – как поэт я не нахожу себе места и среди левых: они [...] рассматривают как содержание то, что я, со все более тягостным сознанием собственной безродности, набрасываю на бумаге в виде формы» [8. С. 9].

⁴ Проводя параллели между поэзией А. Йожефа и музыкой Б. Бартока, М. Саболчи называет лирику Йожефа подлинным воплощением «модели Бартока» в венгерской литературе.

Эти слова как нельзя лучше характеризуют отношение Аттилы Йожефа к социалистическим и коммунистическим идеям, организованному рабочему движению. Его союз с коммунистами (напомним, что в 1930 г. Йожеф вступил в нелегальную Коммунистическую партию Венгрии (КПВ)) был недолог и непрочен. Уже в 1931 г. издававшийся в Москве журнал венгерских писателей-коммунистов «Sarló és kalapács» («Серп и молот») опубликовал «Проект платформы пролетарской литературы», в котором Аттила Йожеф был охарактеризован коротким словом «фашист». Это до крайности возмутило поэта – ведь он словом и делом поддерживал КПВ и только что попал под суд за книгу стихов «Не скули, круши устои» (и, в частности, за стихотворение «Социалисты») по обвинению в политическом подстрекательстве.

Как же случилось, что поклонник «чистой поэзии» совершил столь резкий поворот и превратился (пусть и на короткое время) в поэта – агитатора, певца классовой борьбы, защитника угнетенных пролетариев и крестьян?

Социальные потрясения рубежа 1920–1930-х годов (а ведь именно в 1929 г. разразился мировой экономический кризис) не оставили равнодушным никого из литераторов Европы и Америки. В этот период на историческую арену в очередной раз ворвались народные массы, и тема народных движений, социальной и политической борьбы приобрела невиданно важное значение в западной культуре. Хосе Ортега-и-Гассет в 1930 г. выступил с философским эссе «Восстание масс», в котором противопоставил «массы» «элите», страстно защищая «высокую», элитарную культуру от «омассовления», превращающего человека в обезличенного индивида, представителя толпы, враждебной высоким духовным ценностям. С другой стороны, в эти же годы в западной философии культуры приобрела огромную роль идея внеличного, сверхсубъективного начала, стремление к «тотальности», распространилось мифомышление. Карл Густав Юнг говорил о «коллективном бессознательном» как высшем источнике творчества, Мартин Хайдеггер призывал к воскрешению архаического мироощущения, к переживанию магической стихии Бытия. В стремлении приобщиться к коллективным (классовым, народным) ценностям немало деятелей культуры заявляли о солидарности с левыми – или, напротив, крайне правыми, националистическими – политическими силами. В ряды коммунистов вступили лидеры французского сюрреализма – Бретон, Арагон, Элюар, сторонником марксизма объявил себя и Сартр; М. Хайдеггер, как известно, открыто встал на сторону германского национал-социализма. Литература, культура в целом тяготеет к политической ангажированности, политической поляризации. В литературе Венгрии 1920–1930-х годов, как уже отмечалось выше, особую остроту приобрела тема социального противостояния, складывалось движение писателей – «народников», защищающих интересы крестьянства. И Аттила Йожеф, как и большинство поэтов и писателей того времени, сделал свой политический выбор – выбор, единственно возможный для выходца из городской бедноты, ощущающего сродство со всеми, чье состояние «безотрадн».

Создавая стихи, адресованные рабочим массам, Аттила Йожеф вновь взялся за труднейшую задачу: он попытался объединить принципы «чистой поэзии» с требованиями поэзии политической. По словам Д. Твердоты, поэт не видел противоречия между ними: ведь, как он полагал, «чистая поэзия» – это наследница магической поэзии древних, а значит – «поэзия действия, непосредственного вмешательства в состояние мира, поэтическая программа влияния на естественные и сверхъестественные силы» [3. С. 500]. Отождествляя поэзию и магию, он обращался к традиции архаичного мифопоэтического мышления, для которого не существовало различия между словом и деянием.

Так называемые «агитационные» стихи Йожефа не нашли дорогу к адресату – широким пролетарским массам – и не встретили понимания среди собрать-

ев – литераторов. Они остались рискованным поэтическим экспериментом⁵, но экспериментом крайне важным. Поэт стремился найти собственный путь примирения и синтеза острейших противоречий венгерской и европейской культуры межвоенного периода: противоречий между индивидуальным и коллективным началами, элитарной культурой и культурой «низовой», рациональностью и иррациональной, магической стихией.

Он продолжал искать этот путь и в тридцатые годы – годы своего творческого расцвета. В 1932–1934 гг. Аттила Йожеф создал свои вершинные, программные произведения, в числе которых – так называемые пейзажные стихотворения «Ночь городской окраины» («Külvárosi éj»), «Зимняя ночь» («Téli éjszaka»), «На окраине» («A város peremén»), «Элегия» («Elégia»), а также композиционно близкие им произведения: «Ода» («Óda»), «Раздумье» («Eszmélet»). На новом этапе своего творчества от «поэзии действия» Йожеф переходит к поэзии созерцательной, от политических деклараций – к самопознанию и философским размышлениям.

Этот поворот был связан не только с разочарованием поэта в революционной деятельности и с отходом от коммунистического движения. В 1931 г. в жизни и творчестве Аттилы Йожефа произошло очень важное событие: поэт открыл для себя мир психоанализа. Он познакомился с учением Фрейда не только в теории, но и на практике – как пациент психоаналитика. Знакомый психолог предложил Йожефу пройти курс психоанализа в качестве гонорара за литературную правку его научного труда по заболеваниям неврологического происхождения. И поэт, надеясь на излечение уже сильно беспокоившего его нервного расстройства, согласился. Так начались отношения Аттилы Йожефа с психоаналитической теорией и практикой, продолжавшиеся до самой его смерти и оказавшие огромное влияние и на его жизнь, и на его философско-эстетические воззрения, и на его поэзию.

В психоанализе Фрейда Йожефу чрезвычайно близкой оказалась идея о том, что человеческий разум способен бороться с темными, разрушительными силами хаоса, обитающими в подсознании, и обуздывать их, направлять в благотворное русло посредством облечения их в рациональную форму. Механизм такой борьбы разумного «Я» с подсознательными инстинктами Фрейд называл «сублимацией». Одним из наиболее совершенных инструментов сублимации, выработанных человеческой культурой, он считал художественное творчество. Именно это понятие – понятие сублимации – в тридцатые годы приобретает ключевую роль в эстетике Аттилы Йожефа. В одном из последних своих стихотворений – «Поэт и его Эпоха» («Költőnk és Kora», 1937) – Йожеф писал:

...не я'ви, не сну учусь,
а сублимации чувств
тайных... (Перевод Г. Ефремова)

«Сублимировать» собственные «тайные чувства» – гнетущую тревогу, безысходность – значит очистить их, подобно тому, как алхимики древности производили возгонку природных веществ, пытаясь добыть благородные металлы или философский камень. Возможность такой «возгонки» Аттила Йожеф видел в создании совершенной поэтической формы. Так в учении Фрейда поэт нашел подтверждение собственной теории «чистой поэзии».

«Пейзажные» стихотворения Йожефа тридцатых годов – пример того, как в поэтическую форму облекается грубая материя. Кажется, это о них могли бы быть сказаны знаменитые слова Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...».

Произведения эти с полным правом можно причислить к величайшим мировым образцам философской лирики. Они созданы в традиционном жанре эле-

⁵ Пример одного из таких произведений – стихотворение «Диалог» («Párbeszéd», 1931), в котором разговор капиталиста с рабочим-забастовщиком, завершающийся призывом «навек покончить с буржуйской эксплуатацией», облечен в поэтическую форму... гекзаметров!

гии. В каждом из них движение поэтической мысли начинается с образа, который «пейзажным» можно назвать лишь условно. Это фрагмент материального мира, унылого и беспросветного: рабочие предместья с коптящими трубами и прогнившими крышами, свалки, фабричные пустыри, дремлющие в пустых цехах машины, нависшее свинцовое небо.

Фонарь с соседнего двора
лучи напрасно тянет к нам:
на кухне нашей до утра
тьма от двери и до окна.
Тишь... Лишь шевелится во сне,
ползет куда-то швабры тень:
ждет штукатурка на стене:
и надо бы упасть, и лень.
В промасленном тряпье висит в зените,
вздыхает тяжело ночь;
ей тоже нечем нам помочь.
Вот разве что собрать немного лунных нитей:
пускай горят, пока вы спите.
(«Ночь городской окраины», перевод Ю. Гусева)
Будь начеку!
Сожжено
лето давно.
Обгорелый комок жмется к комку.
Пепел лежит, нагоняя тоску.
Земля замерла.
Поскребла
острой нитки игла
воздуха тоненькое стекло.
Чары безлюдья. Лишь серебрится
ленты обрывок – ткани тряпица, –
мертвую хваткой вцепившись в куст.
(«Зимняя ночь», перевод Н. Горской)
Я на окраине живу,
Где рушится закат крутой...
Там копоть налетает, как
нетопырей мельчайших рой,
и оседает, как помет,
как удобренья тучный слой.
(«На окраине», перевод С. Кирсанова)

Однако далее поэт развивает эти образы, возвращается к ним вновь и вновь, показывает все с новых точек зрения, все в новой перспективе. Читатель словно поднимается вместе с лирическим героем по горной дороге-серпантину и обозревает один и тот же пейзаж все с большей высоты. В итоге создается сложная, многоуровневая образная структура, где явления материального мира одновременно служат для воплощения личного, социального, национального и философского содержания. Так, в «Ночи городской окраины» автор сплетает в единую сеть мотивов антитезы света и тени, движения и неподвижности, живой и мертвой материи. Застывшему пейзажу придают динамичность человеческие образы, внезапно возникающие из тьмы и снова растворяющиеся во мраке. Поэт чередует картины, изображенные крупным планом, с масштабными, панорамными образами, и в финальной части стихотворения ночной пейзаж вырастает в символическое видение – образ всего мироздания. Холодная и сырая ночь рабочего предместья – это и есть мир, та суровая и тяжелая жизнь, которая дана лирическому герою. В последних строфах он отождествляется с нею, черпает в ней силы, а образы холодной, мертвой материи (железо, молот, лезвие клинка) насыщаются

новым смыслом, становятся символами радостного творческого труда, дарящего надежду на лучшее будущее:

Ночь бедняков! Быть бы тебе углем,
чтоб в сердце, как в печи, гореть моим,
чтоб из руды железо выплавлять:
и наковальню, серп на ней ковать,
и молот, чтобы песнь его была звонка, легка,
и тонкий блеск победного клинка, –
о, ночь!

В «Зимней ночи» – возможно, лучшим из «пейзажных» стихотворений Аттилы Йожефа – этот композиционный принцип движения от крупного плана к панорамному образу явлен еще более отчетливо.

С волной колокольного звона льется
ночь в синеве стальной.
В сердце сбой-перебой, как будто бы бьется
нечто иное в клетке грудной –
не бранный комок, а простор ледяной.
И мнится: зимняя ночь, зимняя даль,
зимняя сталь
колоколом гудят,
и стал языком литой расшатавшийся
шар земной.

Ночной пейзаж зимней равнины – со столбами дыма, поднимающегося над деревенскими крышами, со стаями воронья над замерзшими полями, с ползущим по железной дороге поездом – приобретает космический, философский масштаб, расширяется до бесконечности благодаря головокружительным переходам между контрастными образами макрокосма и микрокосма:

Ворон мелькнул над стужей пустыни.
Чуют ли кости, как стынет космос?
Как с хрустом молекулы кружат в стыни...
Увидишь ли зимнюю ночь такую –
Где, на какой картине?

В стихотворении «Элегия» пейзажный образ наделен сразу несколькими, просвечивающими друг сквозь друга смыслами: это и неприглядная, натуралистичная картина заросшего сорняками городского пустыря, и метафорический образ родного края, и портрет «темного сознания», которое дремлет, еще не пробужденное творческим разумом, и образ мироздания – реальности, связь человека с которой нерасторжима.

Как под свинцовым небом клочья дыма –
над пустырями, крышами худыми,
над площадями пыльными витают
клубки моих нелегких дум.
Висят, не улетают.
Не дай, чтобы тебя увлек отсюда праздный ум!
Не торопись избавиться от тягостных оков
реальности; взгляни: ведь ты и сам таков,
отсюда родом ты!
Ты вырос тут, где, под унылым небосводом,
брандмауэров черные персты
подъемлют ввысь, с укором и мольбою,
воплъ безысходной нищеты.
Внимая тишине, те, кто отсюда родом,
отождествляют мир с собою.

(Перевод Ю. Гусева)

Еще одна особенность «пейзажных» стихотворений Йозефа 1932–1934 гг.: в их последних строфах поэтическая мысль, проделав путь от запечатленного образа внешней реальности к философскому обобщению, возвращается к своему источнику – творящему сознанию. На авансцену выступает сам поэт; он напрямую обращается к людям – читателям, собратьям – или наедине с собой подытоживает полученный художественный опыт, как в стихотворении «Зимняя ночь»:

Среди ржаволистных деревьев,
где сумрак слегка поредел,
зимнюю ночь мерю взглядом я,
эта ночь – моя,
мой исконный надел.

Такая концовка – знак всевластия поэтического сознания, которое «из сора» создает собственный универсум, «умозримый аналог мироздания» по законам «чистой поэзии».

Повторяющиеся из стихотворения в стихотворение мотивы зимы, мороза, сырости, тьмы, холодной пустоты, поезда, мчащегося в ночи, передают состояние души лирического «я» – одиночество, неприютность – и вместе с тем служат метафорическими образами человеческого удела в мире. Лирический герой стихотворений «Зимняя ночь» и «Раздумье» – это и человеческое сознание, оказавшееся лицом к лицу со вселенской пустотой, уstraшенное и подавленное конечностью существования, холодом мирового пространства. Аттила Йозеф нередко вплетает в художественную ткань произведений термины из философского лексикона («случайность», «закономерность», «порядок», «детерминизм», «свобода», «самосознание», «материя», «бесконечность» и т.д.). Однако они не ощущаются как нечто чужеродное, но, напротив, еще более усиливают художественное воздействие стихотворений.

В «Раздумье» – одном из самых сложных и глубоких стихотворений, которое многие считают вершинным достижением Аттилы Йозефа и всей венгерской поэзии XX в. – поэт подводит горький итог прожитой жизни и своим философским исканиям. В невероятно концентрированной художественной форме он выражает собственную мировоззренческую концепцию, которая обнаруживает несомненную близость экзистенциалистскому мировосприятию.

Йозеф убежден, что бытие человека в мире трагично, а жизнь дается ему «довеском к смерти». Человеческий дух рвется к свободе, но лишь натывается на прутья решетки «железного мира» – мира, где царит «порядок», где все «детерминировано», предопределено. Мир этот – мир без Бога, он уподобляется гигантскому механизму: в ночном небе поэту видятся «звездчатые шестерни». Бунтовать против законов вселенной – бессмысленно:

Страданье – вот оно, внутри,
причина – там она, снаружи.
Весь мир – свищи и волдыри,
испепеляющие душу.
Ты восстаёшь, круша и руша,
но подневольны бунтари;
что новый дом? возвел – и тут же
чужому двери отвори.

(Здесь и далее перевод Г. Ефремова)

Стремиться к счастью – недостойно человека разумного: Йозеф – в духе фрейдизма – отождествляет счастье с удовлетворением низменных, животных инстинктов («Я видел чудную картину: / бродило счастье не таясь, – / восьмипудовую скотину / живая привлекала грязь»). Не восставать против миропорядка, не забываться в бездумном поиске наслаждений, но стоически принимать неизбежность

смерти, жить осознанно, без привязанностей и без иллюзий, с бескорыстной любовью к людям – такой выбор делает поэт:

На свете взрослый тот, кто смог
Забить родительскую руку,
Кто жизнь не запасает впрок
и смертью меряет разлуку,
и кто себя, пройдя по кругу,
вернет во тьму – вот весь итог,
он тот, кто ни себе, ни другу
и не священник, и не бог.

При этом лирический герой поэзии Йожефа вовсе не стремится к саморазрушению, растворению в Целом – вселенной, человеческом коллективе. Личность в его художественном мире всегда остается суверенной. Его лирическое «я» ощущает глубокую сопричастность родной земле, народу, вселенной – и в то же время роковую отъединенность от мира, сиротство.

В 1935–1937 гг. – последние годы жизни – Аттила Йожеф, несмотря на усиливающееся душевное расстройство, сохранил всю силу своего поэтического таланта. В этот период он создал выдающиеся образцы интеллектуальной поэзии, в которых затрагивается социальная, политическая проблематика: «Воздуха!» («Levegőt!», 1935), «Приветствие Томасу Манну» («Thomas Mann üdvözlése», 1937), «Родина моя» («Hazám», 1937). В некоторых стихотворениях последних лет поэт ищет последнего прибежища, «спасительного тайника» в любви или жалуется на жестокосердие возлюбленной: «Очень больно!» («Nagyon fáj», 1936), «Флора» («Flóra», 1937), «Флоре» («Flórának», 1937). Появляются у него и стихи, свидетельствующие об отчаянных поисках веры в Бога: «Воспряну ли?» («Nem emel föl», 1937), «Всплыви внезапно из потока» («Bukj föl az árból», 1937). Однако большинство стихотворений Аттилы Йожефа этих лет – «Поздний плач» («Kései sirató», 1935), «В глазах – перекос...» («Ki-be ugrál», 1936), «Два гекзаметра» («Két hexameter», 1936), «В конечном счете» («Kész a leltár», 1936), «Ты знаешь: нет прощенья...» («Tudod, hogy nincs bocsánat», 1937), «Я побежден» («Le vagyok győzve», 1937), «С колом пришел ты...» («Karóval jöttél», 1937), «Как зверя след...» («Talán eltűnök hirtelen», 1937), «Вот край, где я совсем как дома...» («Íme, hát megteletem hazámat», 1937) – посвящены одной и той же теме: окончательному сведению счетов с самим собой, с родными, любимыми, друзьями, с эпохой, с самой жизнью... Они проникнуты ощущением безнадежности, предчувствием надвигающегося конца.

Как зверя след в лесу густом,
так я исчезну, может статься.
Увы, растрчено все, в чем
я был обязан рассчитаться.

(«Как зверя след...», перевод Л. Мартынова)

При этом, по словам Д. Твердоты, «чем больше испытываемое поэтом душевное смятение, тем строже дисциплина, с которой он komponует свои стихи, тем безупречнее чувство формы, в которую он облакает вырывающиеся из души эмоции» [З. С. 150]. В последний период творчества Аттилы Йожеф возвращается к лаконичным, концентрированным стихотворным формам с четкой рифмой и жесткой ритмической структурой; он создает новую разновидность песенной формы, густо насыщенную сложными образами, передающую невероятный драматизм обуревающих его мыслей и чувств. До самых последних дней его поэзия продолжает выражать страстное стремление к поиску смысла и порядка, объективность и точность творческого видения, синтезирующего рациональное осмысление и вдохновенное переживание.

Лирика Атилы Йожефа, как и творчество его великого предшественника Эндре Ади, не вмещается в рамки литературных школ и направлений. Она остается непревзойденным воплощением поэтического синтеза, объединяя в себе такие разнородные тенденции венгерской и европейской поэзии, как авангардизм и фольклоризм, стремление к чистому формотворчеству и философскую наполненность. Именно благодаря этому творчество Йожефа стало одной из вершин венгерской поэзии XX столетия и выдающимся явлением современной мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фодор А.* Атила Йожеф // Писатели Венгрии: очерки, статьи, эссе. Сборник. М., 1989.
2. *Саболчи М.* Атила Йожеф в мировой литературе // Писатели Венгрии: очерки, статьи, эссе. Сборник. М., 1989.
3. *Твердота Д.* Модернистский классицизм // *Йожеф А.* На ветке пустоты. Стихи, письма, документы. М., 2005.
4. *Йожеф А.* На ветке пустоты. Стихи, письма, документы. М., 2005.
5. *Görömbei A.* A magyar irodalom rövid története. Helsinki, 1992.
6. *Ignotus.* Vers és verselés // *Kortársak József Attiláról.* Budapest, 1987.
7. *Йожеф А.* Литература и социализм // *Йожеф А.* Край заброшенных наделов. Избранные эссе и статьи. М., 2005.
8. *Йожеф А.* Край заброшенных наделов. Избранные эссе и статьи. М., 2005.

© 2015 г. К. КОНЧАРЕВИЧ

ДИСКУССИИ О БОГОСЛУЖЕБНОМ ЯЗЫКЕ В СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (исторический обзор и современное состояние)

В работе предлагается обзор инициатив о введении сербского языка в богослужение Сербской православной церкви с 70-х годов XIX в. до постановления Священного Синода 1964 г., на основании которого клиру предоставлена возможность совершения служб на современном языке. Указывается на то, что параллельное употребление двух богослужбных языков в СПЦ имеет свои положительные стороны, однако, в нем кроется и опасность стихийной маргинализации традиционного богослужбного языка.

The essay surveys the initiatives of introducing the Serbian language in the liturgical service of the Serbian Orthodox Church starting from the 1870s until the decision of the Holy Synod of Bishops in 1964, which allowed the liturgical service in the modern language. The essay points to the fact that the parallel use of two liturgical languages in the Serbian Orthodox Church has its positive effects, but it also conceals the danger of erratic marginalization of the traditional liturgical expression.

Ключевые слова: богослужбный язык, перевод богослужбных текстов, Сербская православная церковь, церковнославянский язык, современный сербский язык.

Изучение представлений о языках, под которыми подразумеваются «соответствующие оценочные реакции на определенные языки и языковые различия, а посредством их обычно и на носителей данных языков» [1. С. 103], является одним из важных разделов социолингвистики, а также социальной психологии языка. Эти реакции, которые могут быть аффективными, когнитивными или поведенческими, выполняют различные функции: они содействуют когнитивному устроению и индикации общественной среды, в которой живут члены определенной языковой общности, положительно влияют на осознание их групповой идентичности, облегчают достижение намеченных целей членов данной общности и т.д. [2. Р. 189]. Формирование представлений о языках, как правило, является результатом воздействия ряда общественных, культурных и политических факторов [2. Р. 164–172]. Их исследование имеет немаловажное значение для языковой политики и языкового планирования; более того, по мнению некоторых авторов, учет взглядов на язык является необходимым элементом проведения языковой политики и условием успешности языкового планирования, особенно в случаях языков, которые борются за выживание [3. Р. 5].

В предлагаемой работе предпринята попытка рассмотреть эволюцию взглядов на вопрос о богослужбном языке в Сербской православной церкви. Имеются в виду, во-первых, дискуссии о предпочтении одного из трех богослужбных

Кончаревич Ксения – сотрудник Православного богословского факультета Белградского университета (Сербия).

языков – сербско-славянского¹, церковнославянского языка русской редакции² и современного сербского литературного языка, которые интенсивно велись с 60-х годов XIX столетия до седьмого десятилетия XX в., когда было принято официальное решение о параллельном функционировании церковнославянского языка русской редакции и сербского литературного языка в богослужебной практике СПЦ. Второй нашей задачей было, учитывая уже сорокалетнюю практику сосуществования двух богослужебных языков СПЦ, объективными социолингвистическими методами выявить взгляды, свойственные сегодняшнему поколению верующих. Поскольку тема богослужебного языка за последние несколько лет была одной из самых дискутируемых и острых в церковной жизни Русской православной церкви, думаем, что наше исследование будет представлять интерес для русского читателя.

В истории сербского литературного языка судьба сакрального языка в период после языковой реформы В.Ст. Караджича почти не привлекала внимания исследователей. Несмотря на наличие множества статей, связанных с проблемой предпочтения сербско-славянского, русско-славянского или сербского литературного языков в качестве богослужебного языка СПЦ, публиковавшихся в отечественной церковной и культурной периодике на протяжении минувших ста тридцати с лишним лет, научные труды, в которых данная проблематика рассматривалась бы с позиций филологии, были весьма немногочисленны [6–8]. В двух статьях, опубликованных на сербском языке [9–10], мы попытались дать теоретическое обоснование проблемы выбора богослужебного языка СПЦ в историческом аспекте (эволюция взглядов на выбор богослужебного языка и изменения в самой богослужебной практике) и в аспекте современности (языковая проблематика в нынешней литургической теории и богослужебной практике). В предлагаемой статье преимущественное внимание будет уделено историческому аспекту анализируемого вопроса, поскольку знакомство с данной проблематикой является необходимым условием критического переосмысления и переоценки аргументов, которые выдвигались с конца 60-х годов XIX ст. до наших дней.

В связи с проблемой богослужебного языка СПЦ написано немало число работ³. В жанровом отношении эти тексты разнообразны – есть среди них официальные заявления, прошения, постановления, популярные газетные и журнальные статьи, заметки, комментарии, а также серьезные научные труды. На основании подхода к рассматриваемой проблематике их можно разделить на работы, в которых проблематика богослужебного языка анализируется в контексте усилий, направленных на повышение уровня церковно-приходской жизни и на активизацию участия мирян в богослужении, потом работы, которые данный вопрос связывают с более широким политическим, историческим и культурным контекстом, и, наконец, работы, ограничивающиеся преимущественно филологическим аспектом данного вопроса. Тексты о богослужебном языке публиковались на страницах официальных органов церкви, в богословской и культурно-политической периодике, в монографиях и брошюрах.

¹ Сербская редакция старославянского языка, сложившаяся в XII в. и находившаяся в богослужебном употреблении вплоть до XVIII ст. Помимо богослужебной функции, данный язык являлся и литературно-письменным языком средневековых сербских земель. Подробнее об этом языке см. [4] и др.

² Переход к церковнославянскому языку русской редакции проводился в СПЦ сознательно и организовано, по инициативе церковной иерархии, с 1726 г. до середины XVIII в. Важнейшая роль в этом принадлежала воспитанникам знаменитого карловацкого Славянского училища М. Суворова (1726–1731) и Славяно-латинского училища (1733–1737) Э. Козачинского. Этот язык употреблялся, в отличие от сербско-славянского, лишь в богослужебной и церковно-административной сферах. Подробнее см. [5].

³ В двухтомной библиографии протоиерея Б. Цисаржа «Један век периодичне штампе СПЦ (1869–1969)» мы находим почти 100 работ, так или иначе связанных с интересующей нас проблемой.

Актуализация проблемы богослужебного языка всегда теснейшим образом соотносилась с политическими и культурными обстоятельствами, со взглядами, преобладающими в общественном мнении (особенно по вопросам о национальном пробуждении и об отношении к России как «освободительнице славян», где настроения колебались от русофилии и даже русомании до разочарования и подчеркнутого дистанцирования), а также с тенденциями в церковной жизни (процветание или упадок духовности, положительное или отрицательное отношение к церковным реформам, в частности к идеям литургического обновления). Так, инициативы, направленные на замену русско-славянского языка сербско-славянским или сербским литературным языком в православном богослужении отнюдь не случайно выдвигаются сначала на территории Карловацкой митрополии, в конце 60-х и начале 70-х годов XIX ст.: несомненно, такие явления, как разочарование вследствие потери автономии Сербской Воеводины, усиление борьбы за церковную и просветительную автономию, конфликты представителей народа, собранных вокруг С. Милетича и Й. Суботича с приверженцами патриарха Самуила (Маширевича) и высшей церковной иерархией в связи с вопросом об участии мирян в управлении жизнью церкви [11. С. 168–196], рост неприязни к русским после подавления польского восстания 1863 г. и, не на последнем месте, воздействие духовных, культурных, политических и общественных стремлений, появившихся на Западе, не могли не сказаться на взглядах карловацких клириков и мирян на многие вопросы жизни церкви, в том числе и на выбор богослужебного языка. В Сербии проблема богослужебного языка актуализируется в конце 80-х годов XIX в., в атмосфере национального подъема после получения полной автокефалии Сербской церкви в Сербии (1879), но вместе с тем и в атмосфере церковного кризиса, вызванного конфликтами между славянофильски настроенным митрополитом Михаилом (Йовановичем) и тогдашним «прогрессистским» правительством, ориентированным на Австро-Венгрию, что закончилось свержением митрополита и неканоническим, нелегальным установлением «новой иерархии», лояльной властям, которая управлялась церковью с 1883 по 1889 г. [11. С. 312–324, 381–415]. Поэтому не удивительно то, что инициативу о замене богослужебного языка (о возврате к сербской редакции старославянского языка) выдвигает тогдашний министр просвещения и церковных дел М. Куюнджич в открытом письме архиепископу белградскому, митрополиту Сербии Феодосию (Мраовичу) [12. С. 418–419], выступая за проведение широкомасштабных реформ в Церкви, рассчитанных прежде всего на подчеркивание национального элемента (так, Куюнджич предлагал повторно критически рассмотреть празднование святых, просиявших в других поместных церквях и особое значение придать национальным святым). Церковнославянский язык русской редакции министр, не без влияния тогдашнего отрицательного настроения правительства к России, старается в кратчайшие сроки вытеснить из богослужебного употребления, предлагая и некоторые ограничительные меры – запрет пользования богослужебными книгами на церковнославянском языке русской редакции и их распространения. Инициатива министра вызвала живые отклики в церковной и культурной общности; началась бурная полемика за и против сербско-славянского богослужебного языка, причем идеи о введении современного литературного языка в богослужение в Сербии, в отличие от Воеводины, появятся значительно позднее.

Начало XX в. характеризуется некоторым спадом интереса к данной проблематике. Однако в этот период клирики и верующие предпринимают первые конкретные шаги, рассчитанные на «сербизацию» богослужения, а церковная иерархия принимает первые положительные решения по данному вопросу (постановления о введении сербского языка в Тимишоарской епархии Карловацкой митрополии 1905 и 1906 г., постановление Священного собора Сербской церкви в Сербии о принципиальной допустимости совершения богослужений на сербском языке 1903 г.) [13. С. 292; 14. С. 264]. Новый импульс к его оживлению дали изменив-

шие условия деятельности объединенной СПЦ (1920) в новом государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Третье и четвертое десятилетия XX в. характеризовались, с одной стороны, процветанием духовной жизни, оживлением монашества, размахом деятельности православных братств под руководством епископа Николая (Велимировича), внедрением идей литургического движения в богослужебную жизнь Сербской церкви, открытием Богословского факультета, небывалым подъемом сербской богословской мысли, появлением множества духовных и научно-богословских журналов и с другой – возникновением острых проблем между государством и церковью. Идеология югославянства, в свою очередь, также наложила свой отпечаток на проблематику богослужебного языка, что заметно, к примеру, в брошюре Д. Катича [15]. В данный период в периодических публикациях появилось множество статей на тему богослужебного языка, интерес к которой проявили также авторы монографических трудов о литургических и церковных реформах. Тогда же публикуются и первые переводы церковных служб на сербский язык (архим. Иустин Попович, прот. Л. Миркович, еп. Ириной Чирич и др.), вносятся изменения в богослужебную практику.

В период после Второй мировой войны и победы социалистической революции данный вопрос актуализируется с 1960-х годов, когда начинается консолидация церкви после тяжких ударов, нанесенных ей в кампании агрессивной атеизации и денационализации общества, и когда прилагаются интенсивные усилия к оживлению духовной жизни (рост издательской деятельности СПЦ, подъем богословского образования и т.д.). Принимаются первые конкретные решения высших законодательных органов церкви о возможностях и ограничениях во введении современного сербского литературного языка в богослужебную практику. Претворение их в жизнь обеспечено предварительной работой над переводом обширного корпуса богослужебных текстов с церковнославянского и греческого языков.

Сначала рассмотрим аргументы, которые в сербской богословской традиции выдвигались в пользу выведения из богослужебного употребления в СПЦ церковнославянского языка русской редакции.

Непонятность богослужебного языка пастве. «Горе нам от того, что молиться как следует мы не умеем! И это относится не только к юношам. Не обинуясь скажу, что и нам, взрослым, молитва не дается», – писал еще в 1869 г. д-р К. Пеичич, председатель церковной общины г. Панчево (Карловацкая митрополия). «Для того, чтобы молитва наша не оставалась бесплодной, мы должны понимать ее слова, ее смысл [...] Следовательно, молитва должна быть понятой и прочувствованной» [16. С. 12]. После приведения примеров чтения церковнославянских молитв «без должного понимания и благоговейного чувства», с одной стороны, и, с другой – примеров сердечного утешения от молитвы, произнесенной на своем языке и своими словами (!), Пеичич знакомит благочестивого читателя со своим опытом составления молитв на разные случаи для домашнего чтения, предлагая и тексты некоторых молитв. Молитвы на народном языке, по наблюдениям составителя, дали заметные результаты: «Как только ребенок начнет молиться на своем языке, у него все лицо вмиг преобразуется, серьезность и благочестие проявляются в его взгляде, в каждом его жесте» [16. С. 13]. Однако беспристрастный читатель не может не заметить, что в текстах молитв, составленных К. Пеичичем, осталась немалая доля церковнославянизмов.

Непонятность церковнославянского богослужения выдвигает в качестве аргумента и ряд новейших авторов. Прот. М. Анджелкович исходит из положения, что «любое богослужение, совершаемое не на народном языке, не добивается своей цели»; он считает, что «только человек, не знающий ни сути, ни характера, ни цели богослужения мог бы утверждать, что службу Божию следует совершать на каком-то мертвом, непонятном языке» [17. С. 129]. У того же автора читаем: «Живой Сербской церкви необходимо живое слово! Богослужение и молитва серб-

ского народа должны совершаться на его живом языке» [17. С. 132]. Думаем, что данный аргумент имел в виду и Д. Катич, писавший, что «потребность в молитве и богослужении на народном языке столь очевидна, что ее не надо подробно обосновывать» [15. С. 9]. «Нынешний язык Сербской церкви остается далеким и непонятным народу», – пишет П. Каралич. «Непонятность церковного языка для широких масс проявляется в необыкновенной и необъяснимой антиномии между сознанием и словом» [18. С. 19]. Подробно об этом говорит в своем обстоятельном докладе Священному собору СПЦ и высокопреосвященный Дамаскин (Грданичкий). Исходя из факта типологической отдаленности церковнославянского и современного сербского языков, несмотря на их близкую родственность, он констатирует «полную непонятность теперешнего богослужебного языка простому народу, а отчасти и самим священнослужителям [...] Как таковой, он не в состоянии ответить своей задаче, т.е. служить средством приобщения современного человека к православной вере и способствовать выражению его религиозных чувств и мыслей» [14. С. 259].

Необходимость подъема духовной жизни среди широких масс верующих, причем предполагалось, что перемена богослужебного языка является одним из средств, при помощи которых можно добиться данной цели. Безотрадную картину состояния духовности в простом народе рисует ревнитель сербизации богослужения, д-р К. Пеичич: «Церкви наши, как всем нам, к сожалению, заметно, остались полупустыми [...] молитва имеет лишь механический, какой-то парадный характер, на богослужениях все присутствующие скучают и посещают их только от нечего делать» [16. С. 16–17]. Он считает, что одной из основных причин поверхностного подхода к участию в богослужениях является именно языковой барьер. Священник Б. Кузманович в брошюре, целиком посвященной аргументации предложения заменить церковнославянский язык сербским, пишет: «В сознательной части народа уже наступает отчаяние при виде того, как Церковь застыла в мертвых, непонятных народу формах, которые препятствуют любому духовному подъему. Поэтому народ остается рабом всякого рода суеверий и безнравственности, он гибнет и в моральном, и в духовном, и даже в физическом отношении» [19. С. 4]. Прот. М. Анджелкович, автор множества богословских статей и редактор нескольких церковных журналов в межвоенный период, считает перемену богослужебного языка надежнейшим средством духовного возрождения сербского народа: «Каким образом нам удастся возродить в нашем народе религиозность, преданность Церкви и любовь к богослужению? Из всех средств, которые могут содействовать осуществлению этой задачи, наиболее надежным является богослужение на живом народном языке» [17. С. 130]. Ученый архимандрит, игумен Шишатавацкого монастыря и один из ведущих поборников идеи литургического обновления в сербской среде д-р Петроний Трбоевич главу книги «О церковных реформах» посвящает проблеме богослужебного языка. Между прочим, он подчеркивает, что если современный язык станет богослужебным, «народная душа снова разгорится молитвенностью и восплает любовью к святой вере православной. Церкви снова будут полны, а на лицах присутствующих, вместо выражения уныния и скуки, появится оптимизм, заинтересованность в содержании службы, молитвенность, ревность» [20. С. 27].

Церковь должна проповедовать слово Божие каждому народу на его языке, а предложенная перемена богослужебного языка не касается догматических основ церковного учения. «Бог хочет, чтобы на каждом языке возносилась хвала непостижимому величеству Божию, и чтобы каждый верующий слышал чтение и пение в Церкви на своем родном языке», – пишет свящ. Б. Кузманович [19. С. 6]. «То, что в Церкви установлено Самим Господом (вероучение и нравственность) неподвластно времени и поэтому чуждо любому человеческому вмешательству. Однако формальная сторона церковной жизни – плод деятельности человеческой, несовершенный, конечно, и поэтому в него могут вноситься коррективы», –

считает Д. Катич, относя к последнему, среди прочего, и язык богослужения [15. С. 17]. Недогматический характер данного вопроса подчеркивает и прот. М. Вуич [21. С. 9]. Потребность обращаться к любому народу с проповедью на его языке высокопреосвященный Дамаскин доказывает на основании новозаветных текстов, что послужило очередным аргументом в пользу введения народного языка в богослужение [14. С. 260].

Требования к изменению богослужебного языка нередко рассматривались и в контексте *проведения более широких церковных реформ*, неодинаковых по степени радикальности. Д. Катич выступает за «переустройство народной Церкви в соответствии с реальными потребностями народа», причем в его концепции переустройства важное место отводится замене богослужебного языка [15]. Прот. М. Анджелкович, в духе литургического движения, предлагает обратить внимание на два плана – языковой и собственно литургический [17. С. 135]. «О ненужности реформ в нашей Церкви не может быть и речи, – пишет Н.М. Трбоевич, – причем одной из основных задач реформы должен быть переход с непонятного народу церковнославянского на современный язык» [22. С. 278]. Архимандрит Петроний также выступает за реформу богослужебного языка в рамках комплексных церковных реформ, которые, по его мнению, призваны «внести духовность и жизненность, содействовать установлению живого контакта между Церковью и народом, преодолению нынешней индифферентности и апатии, усилению миссионерской деятельности» [20. С. 3].

Некоторые авторы видят в церковнославянском языке «окаменелый след прошлого» и препятствие укреплению веры в современном поколении христиан. «Мы томимся в цепях ложного византизма с его стариковским холодом, с его мертвенностью, препятствующей любому движению жизни в Церкви», – замечает Н. Трбоевич [22. С. 287]; критическую оценку «формализма и обрядоверия» мы находим и у Д. Катича [21. С. 21].

Опыт совершения богослужения на народном языке в других поместных церквях также является аргументом, на который ссылаются многие участники дискуссии в сербской церковной печати [19. С. 10; 13. С. 297; 20. С. 35]. В статью, написанной в год проведения II Ватиканского собора, преосвященный Дамаскин ссылается, между прочим, и на актуальные тенденции и практику богослужения в римско-католической церкви, хорошо знакомую православным сербам в областях со смешанным составом населения [14. С. 262].

Наличие определенной традиции богослужения на сербском литературном языке. Из материалов печати мы узнаем, что еще с 1916 г. в Вершацкой епархии на народном языке читают молитвы перед причастием и после причастия и поют Херувимскую песнь, что в г. Бечкерек и Нови Сад в 1925 г. на нем читают молитвы в день Пятидесятницы, что в Орловате песнопения воскресного канона уже годами регулярно исполняют также по-сербски, в удачном переводе С. Качанского, и что в храмах Белграда, Сербии и Боснии уже давно молитвы перед причастием произносят на живом народном языке [13. С. 291–292]. Архимандрит Петроний оставил свидетельство о том, что многие верующие просили его читать по-сербски Символ веры, Молитву Господню, Сподоби, Господи, Свете тихий и некоторые иные молитвы, текст которых в переводе на сербский они уже записали в своих блокнотах [20. С. 25]. Митрополит Дамаскин знакомит читателя с тем, что на сербском языке в период между двумя войнами уже служили некоторые видные архиереи – Гавриил (Змеянович), Георгий (Летич) и Иринаей (Чирич), и что сам патриарх Варнава (Росич) иногда вводил сербский язык в богослужение. Во многих храмах по-сербски служили литургию в Великий Четверток и в праздник Пасхи Господней. Немаловажен и тот факт, что епископ Николай (Велимирович), причисленный в 2003 г. к лику святых, писал духовные стихи, предназначенные для богослужебного исполнения, именно на народном языке [14. С. 264]. Древнейшее свидетельство присутствия сербского языка в богослужении мы находим

у видного филолога и государственного деятеля С. Новаковича, который вспоминает, что еще в 1865 г. блаженнопочивший епископ Шабачский Гавриил предлагал ему перевести церковные книги на сербский язык, и что он приказывал читать Евангелие в переводе В.С. Караджича – шаг, который в те времена считался смелым и рискованным [6. С. 88].

С предыдущим аргументом теснейшим образом связан и аргумент о *наличии переводов значительной части богослужебного корпуса на сербский язык*. В период между двумя войнами имелись переводы Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Дж. Даничич – В.С. Караджич), литургии св. Иоанна Златоуста (архим. Иустин Попович), акафиста Пресвятой Богородице (прот. Л. Миркович), вечерни св. Пятидесятницы (еп. Ириной Чирич). В начале 1940-х годов еп. Ириной публикует свою версию перевода Златоустовой литургии, а также службу в воскресенье св. Пятидесятницы. До начала 1960-х годов были переведены Служебник, Малый и Великий требники и избранные части Октоиха. Переводческая работа продолжилась и в последующие годы, причем в некоторых случаях (когда существовали разные версии перевода) работу над унификацией текста проделала специальная Синодальная комиссия.

Сектанты используют современный сербский язык. На данный аргумент ссылаются М. Вуич и высокопреосвященный Дамаскин [21. С. 9; 14. С. 263].

Богослужение, совершаемое на чуждом народу языке, препятствует осуществлению просветительской миссии церкви и создает дополнительные трудности для изучения Закона Божия в школах. «Улучшение преподавания науки христианской» в качестве аргумента против использования церковнославянского языка первым выдвигает свящ. Б. Кузманович [19. С. 12]. М. Вуич констатирует, что языковой барьер создает «немалые трудности в преподавании Закона Божия» [21. С. 9]. Тезис о трудностях усвоения церковнославянских молитвословий в школьном обучении наиболее подробно обосновывает Д. Чонич, приводя и ряд любопытных примеров всевозможных искажений при чтении наизусть таких текстов [13. С. 387]. Интересно, что никто из участников дискуссий в церковной печати не выступал за улучшение преподавания как Закона Божия, так и церковнославянского языка, наоборот: Р. Джурджевич считает, что «в нашу эпоху религиозной депрессии вряд ли кто приложит усилия к изучению церковнославянского языка», и даже высказывал мнение, что «приверженцы и знатоки этого языка отделяются в особый класс духовной аристократии и отчуждаются от тех, кто в меньшей степени наделен волей и интеллектом» [23. С. 59].

К церковнославянским молитвословиям верующие относятся как к своего рода «магическим формулам», не имея сознательного христианского отношения к ним, данный аргумент, во многом основывающийся на предыдущем, приводит Д. Чонич [13. С. 387].

Политические причины. Политические обстоятельства, как мы уже видели, во многом воздействовали на судьбу богослужебного языка. Аргументы против церковнославянского богослужения выводились и из идеологических положений. Поскольку в XIX в. у сербов церковнославянский язык ассоциировался и с идеями славяно- и русофильства, его позиции ставились под влиянием идей узкого национализма и либерализма. В таком духе выступает свящ. Б. Кузманович, подчёркивая, что основной целью следует считать «свободное, независимое и обособленное органичное развитие каждого славянского народа в отдельности», одним из проявлений которого является и служение на современных национальных языках [19. С. 8]. Совершенно противоположный аргумент – о необходимости совместного унифицированного развития южнославянских народов 50 лет спустя приведет к тому же выводу: необходимо перейти на современный язык. «Следует заняться переводом всех богослужебных книг на язык, на

котором сегодня говорит наш единый, но троименный народ⁴. Пусть один народ молится Богу на одном языке» [15. С. 8–9].

Филологические и лингвоэстетические доводы. Имеется в виду, во-первых, полемика с тезисом о непрерывности использования церковнославянского языка как богослужебного и неизменяемости сакральных текстов на нем [19. С. 7] и, во-вторых, подчеркивание факта, что, вследствие отсутствия единой сербской нормы церковнославянского чтения, на практике встречается ряд проблем и грубых неточностей [13. С. 386]. Встречаются и субъективные суждения о лингвоэстетических качествах двух языков, причем сторонники сербского языка на первый план выставляют его мелодичность, поэтичность, проникнутость «религиозным духом» и даже превосходство над другими славянскими языками, включая и церковнославянский [17. С. 132; 13. С. 385; 20. С. 26; 14. С. 262]. Но наибольшее внимание обращается на переводческий аспект проблемы замены богослужебного языка. Полемизуя с авторами, отстаивающими позиции церковнославянского языка и ссылающимися на обширность корпуса богослужебных текстов как якобы непреодолимую проблему, сторонники сербизации богослужения обосновывают принцип постепенности переводческой работы и предлагают конкретные шаги. Так, М. Анджелкович выступает за безотлагательный перевод Апостола, Евангелия, Символа веры, Молитвы Господней и некоторых важнейших молитв, службы св. Савве и другим особо чтимым сербским святым [17. С. 132]. Д. Чонич предлагает организовать переводческую работу в таком порядке: 1) Св. Писание Ветхого и Нового Завета; 2) Требник; 3) Часослов; 4) Служебник; 5) Октоих и Сборник церковных песнопений; 6) Миняя общая и праздничная [13. С. 391].

Сторонники введения сербско-славянского языка в богослужение ссылались на следующие положения:

1. *Историческая оправданность сербско-славянского богослужения*, которая выводится из многовекового сакрального функционирования сербской редакции старославянского языка. Подчеркивается искусственность и своего рода насильственность введения русской редакции в XVIII в. и выставляется требование в свободном государстве и автокефальной церкви снова вернуть в употребление исконно сербский сакральный язык [24. С. 123; 12. С. 418; 6. С. 85].

2. *Частичное сохранение сербско-славянского языка в богослужебной практике и в народной традиции.* С. Новакович свидетельствовал, что «до недавнего времени в храмах сохранялось древнесербское чтение», и что «лишь новейшие поколения священников и монахов дошли до того, что им совершенно чуждо исконно сербское произношение старославянского языка». Он предлагал допустить священникам, владеющим сербско-славянским языком, служить на нем [6. С. 164–165, 174, 175], что, в свою очередь, имплицитно свидетельствует об ознакомленности какой-то части клира того времени с этим языком.

3. *Филологические аргументы.* В первой из статей, посвященных проблеме богослужебного языка, которая опубликована в новосадской «Беседе», свящ. Е. Вукадинович, предлагая возврат к сербско-славянскому языку, подчеркивал его большую близость и понятность современному сербскому верующему по сравнению с русско-славянским [24. С. 121–122]. С. Новакович вдобавок подчеркивал его большую близость к старославянскому языку канонического периода [6. С. 177]. Указывая на факт, что сербско-славянский язык «целыми столетиями являлся органом нашей духовной и мирской литературы», видный филолог П. Джерджич высказывал предположение, что его введение содействовало бы привлечению к вере и церкви культурных и образованных людей [8. С. 21–22]. В своих статьях Джерджич высказал две позиции в связи с предпочтением того или иного богослужебного языка: в статье, опубликованной в 1931 г., он выска-

⁴ Имеются в виду сербы, хорваты и словенцы, объединившиеся после Первой мировой войны в единое государство – Королевство СХС (с 1929 г. – Югославия).

зывал мнение о нереальности введения сербско-славянского языка и возможной путанице при чтении и понимании текстов на нем [7. С. 245], а пять лет спустя активно выступал за это [8. С. 22].

Рассмотрим и доводы ревнителей русско-славянского богослужения:

1. **Исторические и идеологические аргументы.** Здесь имеются в виду единство с другими славянскими церквями, благодарность России за ее помощь сербскому народу и церкви, а также идеология русофильства и панславизма. «Сила сербского народа, как одной из крепчайших ветвей славянского племени, лежит в его духовной общности с прочими славянскими племенами, наипаче же в неразрывном единстве его с русским народом, – пишет анонимный автор статьи в ежегоднике «Браник» за 1888 г. – Именно древний церковный язык был связующим звеном между томившимся в многовековом рабстве сербским народом и остальными славянскими братьями. Этот язык укреплял его в вере и надежде. Он являлся единственной нравственной силой, которая в труднейшие годы связывала воедино духовно братские славянские народы и служила щитом против нашествия иноплеменных» [25. С. 2]. Прот. С.М. Димитриевич, выступая за осторожное и частичное введение современного языка в богослужение (чтение Апостола, Евангелия, исполнение церковных песнопений в «литургии оглашенных» и произнесение некоторых мест в богослужениях требника), считал, что к этому нельзя приступать «без предварительного договора с другими славянскими православными Церквями», в целях «сохранения единства» [26. С. 362]. П. Джерджич также считал, что таким образом (использованием церковнославянского языка) подчеркивается единство с русской церковью [7. С. 239].

2. **Традиция функционирования в сербской среде.** Церковнославянский язык русской редакции, как указывает П. Джерджич, стал прочным достоянием сербской церкви, «достоянием широчайших масс верующих», и как таковой «давно вошел в кровь нашу, так что мы с трепетным чувством и любовью поем песнопения Церкви на церковнославянском языке не только в храмах, а и на любом другом месте – в семейные праздники, на свадьбах и при любых торжествах» [7. С. 239; 8. С. 21].

3. **Филологические аргументы.** Авторитетный филолог П. Джерджич указывает на выразительные возможности, терминологический потенциал церковнославянского языка и ограничения в переводе на сербский. В фонетическом плане этот язык уже достаточно приспособлен к сербскому языковому чутью – звуки и звуковые комплексы произносятся приблизительно так в сербском языке, а ударение ставится по новоштокавской системе⁵ [7. С. 230–245].

4. **Литургические аргументы.** Прот. С.М. Димитриевич считал, что превосходство церковнославянского языка проявляется в том, что он «поддерживает высший, таинственный смысл богослужения». Поэтому он, допуская возможность частичного и постепенного введения сербского языка в богослужение, выступал за обязательное присутствие церковнославянского в «тайносовершительных формулах» [26. С. 362]. А П. Джерджич указывал на то, что гармоничность богослужения и его ни с чем не сравнимая красота вытекают из единства древнего богослужбного языка и традиционного обрядового порядка [8. С. 22].

В связи с каждым из предложенных тезисов выставлялся и ряд контраргументов. Так, противники перехода на сербское богослужение ссылались на опасение нарушить духовное единство с другими православными славянами [24. С. 121], обращали внимание на несоответствие современного языка традиционному обряду [8. С. 22], опасались нарушения единообразия и дисциплины в Церкви [13. С. 291] и даже раскола [13. С. 392], сетовали из-за потери «возвышенности и чарующей красоты» богослужения [25. С. 2], указывали на превосходство церковнославянского языка в смысле его выразительных возможностей [24. С. 121];

⁵ Диалект, вошедший в основу сербского литературного языка.

8. С. 21–22], на трудности и ограничения в процессе перевода [8. С. 22–23] и, не на последнем месте, настаивали на факте, что во всех славянских церквях, помимо чешской, богослужение совершается на церковнославянском языке [7. С. 238]. Против предложения заменить русско-славянский язык сербско-славянским выставлялись тезисы об одинаковой отдаленности обоих архаичных языков от современного [25. С. 2], о возможности ошибочной этимологизации слов вследствие межъязыковой омонимии и паронимии [7. С. 238], об установлении «хаоса и беспорядка в богослужениях Церкви» [17. С. 132].

Подводя итоги предложенному краткому очерку дискуссий о богослужбном языке в сербской церкви, мы обратим внимание читателей на то, что решение вопроса о выборе сакрального языка не всегда (по хронологическому критерию) включало три варианта (церковнославянский язык русской редакции, сербско-славянский и сербский народный язык). В период с 1868 по 1889 г. активно рассматривались все три возможности, причем в сербской церкви в Сербии ставилась дилемма: русско-славянский или сербско-славянский, а в Карловацкой митрополии – русско-славянский, сербско-славянский или современный сербский литературный язык. В XX в. ни в обращениях к церковным органам, ни в научных трудах больше не упоминалось о возможности введения сербско-славянского языка в богослужбное употребление, за исключением труда П. Джержича 1936 г. [8].

Особого внимания заслуживает факт, что высшие органы Сербской православной церкви никогда не выступали за радикальные решения, т.е. не одобряли полного перехода на сербский язык и выведения церковнославянского из употребления; вместе с тем им была несвойственна и позиция об исключительности и обязательности церковнославянского богослужения. Доклады митрополита Загребского Дамаскина (Грданявичкого) Священному синоду и Архиерейскому собору (1963 г.) и соответствующее распоряжение Синода (1964 г.) предлагают весьма умеренные решения для частичного введения в богослужбное употребление сербского языка. Сегодня сербские священники пользуются полной свободой выбора богослужбного языка, так что в некоторых храмах текст молитвословий произносится на сербском, а за клиросом поют по-славянски, в других слышится только славянский, в третьих текст молитв произносится попеременно на обоих языках под церковнославянское пение, в четвертых пытаются и петь по-сербски (для многих песнопений, преимущественно из Миней и Октоиха, все еще не существует переводов на современный язык). Предпочтение того или иного решения зависит от специфических местных особенностей и характеристик среды: так, в диаспоре и в местах с многонациональным составом населения служат преимущественно по-сербски, в духовных школах и в монастырях – преимущественно по-славянски. Выбор языка зависит и от характеристик конкретной структурной части богослужения: элементы с ярко выраженной дидактической функцией – апостольское и евангельское чтение, а также совместные моления – произносятся преимущественно на сербском языке, тогда как элементы с функцией величания, возношения хвалы – антифоны, образительные псалмы, тропари, кондаки, богослужбные гимны – главным образом остаются на церковнославянском языке.

Параллельное (и конкурентное) функционирование двух богослужбных языков в сербской церкви имеет свои положительные стороны (большая понятность текста богослужения молящимся), но вместе с тем таит в себе и опасность стихийной маргинализации церковнославянского языка. Ведь в социолингвистике известно, что состояние параллельного употребления двух языков в большинстве случаев является переходным этапом к использованию лишь одного из них, причем язык, который считается более «сложным», как правило, заменяется более «легким». Критериями сложности являются удобство для произношения, слушания и понимания и языкового мышления [27. С. 89]. По данным критериям сербский язык обладает несомненными преимуществами над церковнославянским, так что в перспективе вытеснение церковнославянского языка вполне возможно.

Каково отношение современного поколения верующих, после уже сорокалетнего опыта параллельного функционирования сербского и церковнославянского языков в сербской среде, к их богослужебному использованию? В кандидатской диссертации, выполненной под научным руководством автора этой статьи и успешно защищенной на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета, Р. Баич представила и прокомментировала результаты статистического опроса, проведенного в 2001 г. среди верующих разных возрастных и профессиональных категорий из Сербии и Черногории, Сербской Республики и сербской диаспоры [28. С. 150–209]. Вопросы в ее анкете были сформулированы именно с учетом аргументов, которые высказывались в дискуссиях XIX–XX вв. Первый вопрос был призван выяснить, каково отношение верующих к полному пониманию текста богослужения, следовательно, какой аспект богослужения для них является более важным – информационный или эстетический. За первый из них высказались 49,4% опрошенных, за второй («молитва возможна и при неполном понимании») – 46,6%. Большая адекватность для высказывания богословского содержания, по мнению верующих, присуща церковнославянскому языку (60,6%), оба языка обладают таким потенциалом в одинаковой степени по мнению 32,8% респондентов, тогда как сербский язык предпочтительнее для 4,6%. 73% предпочитают церковное пение на церковнославянском языке. И по критерию благозвучности церковнославянский язык пользуется большей популярностью среди верующих (84,4%). Подавляющее большинство опрошенных (91,6%) считают церковнославянский язык важным фактором сохранения традиции, национальной и религиозной идентичности сербского народа, а важность церковнославянского языка для сохранения единства православных славянских народов подчеркивает 63,2% респондентов. Для современного мышления тезис о святости языка, по-видимому, неприемлем (69,4% отвергают его), но все же 26% опрошенных приписывает этот атрибут церковнославянскому языку (сербскому – 1%). Лишь 11,6% респондентов считают языковой вопрос незначительным для жизни церкви (его важность признает 69,8%, а ключевую роль – 18% опрошенных). Важность языка для повышения уровня духовной жизни среди верующих признает 51%, а 34,2% ограничивают такую роль языка неофитской средой. А каково отношение современных верующих к свободе выбора богослужебного языка? Любопытно, что 37% опрошенных критически относятся к существующей практике, высказываясь за единообразие в данном плане, тогда как 59,8% считают ее допустимой. Лишь 11,2% респондентов соглашается с тезисом о том, что позиция сектантов лучше из-за их практики совершения богослужений исключительно на современном языке.

В процессе анкетирования выяснилось также, что церковнославянский язык «в достаточной степени» понятен 37,4% опрошенных, 50,8% понимают, но «в меньшей степени, чем сербский», и лишь 11,2% «сталкиваются с большими трудностями». К нему «полностью привыкли» 69,2% респондентов, «частично» – 26, а 4,2% «не привыкли». Какому языку сербские верующие отдают предпочтение? Большинство высказалось за комбинированные богослужения (57,8%), 20,8% за церковнославянский и 20% – за сербский. О перспективе двух богослужебных языков мнения следующие: подавляющее большинство опрошенных (71,8%) считает, что оба языка – сербский и церковнославянский – останутся в богослужебном употреблении, а 24,6% думают, что церковнославянский постепенно выйдет из употребления. И, наконец, интересно проследить рекомендации верующих для проведения дальнейшей языковой политики в данной области. На вопрос о том, надо ли перевести весь корпус богослужебных книг на сербский язык, подавляющее большинство респондентов (69,2%) выбрало отрицательный ответ, вероятно, опасаясь, что это автоматически повлекло бы за собой переход на современный язык. Более приемлемым им кажется издание книг с параллель-

ными текстами на обоих языках (78,2%). Систематическое изучение церковнославянского языка поддерживает 47,2% респондентов.

В социолингвистике выявлена закономерность прямой зависимости взглядов на язык от отношения к нему общественных, политических, культурных и других авторитетов [3. Р. 105–110]. Разумеется, в вопросе о богослужбном языке решающую роль должна сыграть церковь с ее пастырскими и миссионерскими интересами. Однако, поскольку речь идет и об одном из основополагающих элементов национальной и культурной идентичности сербского народа, свой вклад в дальнейшее решение этого вопроса должны вносить и видные деятели и учреждения национальной культуры. Именно славистика, на наш взгляд, призвана выработать основные принципы языковой политики в данной области. Ведь в новое тысячелетие мы вступили с ясным сознанием того, что радикальный отказ от традиционного богослужбного языка или его стихийное исчезновение повлекли бы за собой обнищание полноты сербской национальной культуры и сужение культурной и церковной идентичности сербского народа. Позицию славистики, может быть, лучшим образом сформулировал академик Д.С. Лихачев: «Убежден, что необходимо сохранить верность тому сочетанию двух близких друг другу языков (народного и богослужбного. – К.К.), которые исторически постоянно соприкасались в летописях, в посланиях Церкви и патриархов, в обращениях к народу патриархов и других иерархов Церкви, в проповедях» [29. С. 279].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бугарский П.* Језик у друштву. Београд, 1996.
2. *Ryan E.B., Giles H.* The Social Psychology of Language 1., Attitudes Towards Language Variation – Social and Applied Contexts. London, 1982.
3. *Baker C.* Attitudes and Language. Clevedon, 1992.
4. *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Kuna H.* Redakcije staroslovenskog kao literarni jezik Srba i Hrvata // Slovo. Zagreb, 1965; *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971; *Трифуновић Ђ.* Језик старе српске књижевности // Стара српска књижевност. Основе. Београд, 1994; *Jerković V.* Srpskoslovenska norma u glasovnom i morfološkom sistemu // Jugoslovesni seminar za strane slaviste. Zadar, 1984.
5. *Толстой Н.И.* Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979; *Младеновић А.* О неким питањима примања и измене рускословенског језика код Срба // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1982. № 2; *Младеновић А.* Значај рускословенског језика за културу Срба у XVIII веку // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.
6. *Новаковић С.* Језик старе српске цркве // Хришћански весник. 1889. № 2.
7. *Ђорђевић П.* Карактеристика савременог изговора нашег црквеног језика // Богословље. 1931. № 3.
8. *Ђорђевић П.* Напомене о богослужбеном језику // Хришћанска мисао. 1936. № 2.
9. *Кончаревић К.* О богослужбеном језику Српске Цркве у прошлости и данас // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1996. Св. 25/2.
10. *Кончаревић К.* Расправе о богослужбеном језику у Срба (1868–1969) // Српски језик. Београд, 1997. Св. 1–2.
11. *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске Православне Цркве. Београд, 1991. Т. 2.
12. *Кунонџић М.* Писмо Високопреосвештену Архиепископу Београдском и Митрополиту Србије Министра Просвете и Црквених послова Мил. Кујунџића // Просветни гласник. 1887. VI. 15.
13. *Чонић Д.* Народни језик у православној српској цркви // Весник Српске Цркве. 1927. № 3.
14. *Грданички Д.* О употреби српског језика у нашем богослужењу // Гласник СПЦ. 1963. № 7.
15. *Катић Д.* Народна црква са гледишта народних потреба // Јагодина. 1921.
16. *Пеичић К.* Побожне жеље хришћанске, православног Синоду и народно-црквеном Сабору српском од 1. јунија 1869. поднешене и предложене. Панчево, 1869.
17. *Анђелковић М.* Богослужбени језик // Весник Српске Цркве. 1921. № 2.
18. *Караџић П.* Питање црквеног језика // Хришћанска мисао. 1939. № 11–12.
19. *Кузмановић Б.* О томе да се књиге «српске народне» цркве преведу на српски народни језик. Предлог епархијској скупштини темишградске дијецезе и васцијеломе осталом, српском народу. Панчево, 1872.
20. *Трбојевић П.* О реформама црквеним. Сремска Митровица, 1931.
21. *Вујић М.* О црквеном језику // Хришћанска мисао. 1940. № 1–2.

22. *Трбојевић Н.М.* Богослужбени језик православне цркве // Весник Српске Цркве. 1930. № 4.
23. *Ђурђевић Р.* О црквеном језику // Хришћанска мисао. 1940. VI. 5–6.
24. *Вукадиновић Е.* О читаню црквено-словенског езика // Беседа. 1868. № 16.
25. Црквено-словенски језик и цркве у Србији // Браник. 1888. № 100.
26. *Димитријевић С.М.* Наш народ и богослужење у цркви // Весник Српске Цркве. 1925. № 6.
27. *Бодуен де Куртене Ј.* Лингвистички списи. Нови Сад, 1988.
28. *Бајић Р.* Социолингвистички аспекти преференције црквенословенског / српског стандардног језика у богослужбеној употреби / Дисс. ... канд. филол. наук. Филолошки факултет Београдског универзитета, 2003.
29. *Лихачев Д.С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Богослужбный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М., 1999.

ПОРОС КАК ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА РОССИИ

Статья, основанная на неизвестных документах из российских архивов, посвящена вопросу о попытках восстановления российской военно-морской базы на Поросе (близ Афин в Русской бухте) при Александре III для нужд Средиземноморской эскадры. Однако документы, подтверждавшие принадлежность земель России в Русской бухте, купленной еще в 1827 г., были утеряны. Многие годы проводилась работа по описанию бухты и оставшихся построек, поиску документов в России и Греции.

The article, based on the earlier unknown documents from the Russian archives, is devoted to the attempts of rebuilding of the Russian naval military base on the island of Poros (Greece), which were done during the reign of Alexander III for needs of the Russian Mediterranean fleet. Documents proving that Russian Bay (bought in 1827) belongs to Russia had been lost. For many years, enormous work had been done in the Russian and Greek archives, aimed at describing the old buildings in Russian Bay and revealing relevant documents.

Ключевые слова: Россия, Греция, Средиземноморская эскадра, русская военно-морская база на о. Порос.

Российские архивы хранят массу интереснейших материалов, которые до сих пор не были востребованы. Среди них, например, документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), касающиеся истории греческого острова Порос, на котором некогда находилось что-то вроде морской базы Российского военно-морского флота. История давно забытая, но редкие сообщения все-таки попадают в печати. Кто-то, посетив Порос, с удивлением обнаруживает в одной из красивейших бухт табличку с надписью: «Русская бухта», кто-то сообщает, что некогда Россия купила всю эту бухту для своей морской эскадры [1]. Весьма любопытно, не правда ли? Попробуем разложить в хронологическом порядке выявленные документы.

Итак, первый попавшийся в РГАВМФ на глаза документ – как раз о Поросе. Это копия письма российского посла в Османской империи А.И. Нелидова¹ от 24 июня 1893 г. на имя министра иностранных дел России Николая Гирса (1882–1895), где он пишет, что во время его пребывания в Санкт-Петербурге в конце 1891 г. он «имел счастье, через благосклонное посредство Вашего Высокопревосходительства (т.е. Гирса. – *О.С.*), представить Государю Императору (Александру III. – *О.С.*) записку о необходимости восстановления Русской эскадры в

Соколовская Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Нелидов А.И. (1835–1910) – русский дипломат, автор знаменитой записки «О Босфорской экспедиции» 1882 г.

Средиземном море. В числе соображений, изложенных мною по этому предмету, находилось, между прочим, указание на необходимость иметь для нужд эскадры складочное место, где могли бы храниться некоторые запасы, производиться известные работы, высаживаться на берег нуждающиеся в отдыхе или лечении люди и т.п. Я упоминал при этом о принадлежавших нам в Греции Петалийских островах и магазинах в Поросе, которые, однако, как я предполагал тогда, были нами уступлены Греческому правительству» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11]².

Что касается Петалийских островов, то А.И. Нелидов не ошибался, так как они, по просьбе греческой королевы Ольги (великой княжны Ольги Константиновны, внучки императора Николая I), были безвозмездно переданы ее супругу, греческому королю Георгу I, который любил на них охотиться, еще весной 1871 г. Греческая королева писала в конце декабря 1870 г. своему отцу, великому князю Константину Николаевичу, сыну императора Николая I: «У меня опять просьба к тебе, милый Папа. Вилли (так звали греческого короля дома. – *О.С.*) просил меня написать Тебе, что здесь есть маленький остров [...] «Петалья», куда он каждый год ездит на охоту. Этот остров принадлежал прежде русскому консулу, старику Папаригопуло (отец адъютанта дяди Миши – великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I. – *О.С.*) и он продал его России. Остров этот очень маленький и каменистый, и России пользы от него никакой быть не может, так как он приносит в год очень мало денег. Так Вилли просит тебя, не можешь ли ты поговорить об этом с Па (императором Николаем I. – *О.С.*), что нельзя ли дать этот островок Вилли, а если нет, то не может ли он его купить. Вилли бы хотел устроить там охоту» [3. Ф. 722. Д. 809. Афины, 24 декабря 1870 г. (5 января 1871 г.)]. Конечно, речь постепенно пошла обо всех Петалийских островах, и королева писала: «Вилли очень, очень благодарит за то, что ты говорил с Горчаковым³ об этих островах. Он говорил уже об этом с Сабуровым⁴» [3. Ф. 722. Д. 809. Афины, 29 мая (10 июня) 1871 г.]. Греческое королевское семейство частенько навещало Петалийские острова, которые, почему-то не нравились Ольге Константиновне. Она так описывает своему брату, великому князю Константину Константиновичу путешествие на эти острова: «Два, или три часа тому назад мы пришли сюда на старушке “Амфитриде”⁵; приехали в Пирей вчера вечером, а снялись с якоря рано утром; Вилли с детьми сейчас же съехали на берег, а я осталась читать и писать; Ты знаешь, что я никогда особой нежности не питала к этим пустынным островам и не нахожу в них той прелести, кот[орые] в них находит Вилли и кот[орые] так пленяют его; для меня они пусты и незанимательны [...] Вид гор, и в это время года, зеленых холмов, да синих и прозрачных вод гавани – очень хорош – но для меня все это как-то мертво! Отчего? сама не знаю; есть здесь и жители кое-какие, но все это что-то не то! Спрашиваю себя, если б здесь были разбросаны русские деревни, казалось ли оно мне и тогда мертво и непривлекательно?» [3. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 19. Петали, 8(20) апреля 1887 г.]. В своем завещании король Георг I указал эти острова как свою частную собственность. Но для России они были все равно потеряны навсегда.

Иначе обстояло дело с земельным участком на о. Порос, который также находился недалеко от Афин. Во второй записке российского посла А.И. Нелидова царю Александру III уже после того, как стало ясно, что вопрос о создании Средиземноморской эскадры был решен положительно, опять упоминается Порос, так как для эскадры «надобность в собственном складочном месте становится еще настоятельнее». «Между тем, – сообщал Нелидов, – из полученных мною совершенно случайно сведений оказывается, что приобретенное Императорским

² Там же имеется рукописный вариант письма А.И. Нелидова. Буюкдере, 24 июня 1893 г. [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 7–10 об.].

³ Горчаков А.М. (1798–1883) – министр иностранных дел России в 1856–1882 гг.

⁴ Сабуров П.А. (1835–1918) – посланник в Греции в 1870–1879 гг.

⁵ «Амфитрида» – греческая королевская яхта.

правительством в 1827 году складочное место на острове Калаврия (Порос), еще доселе принадлежит нам, несмотря на неоднократно принимаемое, но затем отменяемое решение его продать или уступить» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11].

Российский император Александр III, как известно, прилагал немало усилий для возрождения российского военно-морского флота (уничтоженного в годы Крымской войны), начатого еще при его отце императоре Александре II и его дяде генерал-адмирале, руководившем Морским ведомством в 1855–1881 гг., великом князе Константине Николаевиче. И, конечно, речь шла теперь о восстановлении Средиземноморской эскадры и постоянном плавании в греческих водах и в Средиземном море. Поскольку императора заинтересовало сообщение опытного дипломата Нелидова, к тому же равнодушного к державной мощи российского государства, вопрос о морской стоянке русского флота и оставшихся построек на Поросе был немедленно передан для выяснения и уточнения в различные российские ведомства: МИД, различные департаменты Морского ведомства (Главное управление кораблестроения и снабжения и др.), посланы депеши послам в Афины, Константинополь (Стамбул) с указанием переписку по данному вопросу изучить и доложить наверх.

Постепенно стали выясняться подробности дела. В связи с чрезвычайной активностью русского флота, а точнее Средиземноморской эскадры, в водах Архипелага в годы русско-турецкой войны 1827–1828 гг., когда Россия, наряду с Великобританией и Францией, приняла участие в освобождении греков от османского владычества и создании греческого государства, русским кораблям потребовалась удобная стоянка в греческих водах. Как указывают документы, еще в 1827 г. при первом президенте Греческой республики, провозглашенной в ходе национально-освободительной войны греков за независимость, графе Иоанне Каподистрии⁶ (бывший министр иностранных дел России и проч.) императорское правительство купило землю, находившуюся на острове Порос (старое название – Калаврия) в очень удобной для больших кораблей бухте. На этом участке земли в течение 1828–1829 гг. были сооружены различные постройки «для употребления, плавающего в то время в Средиземном море флота» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–3об.]. После осуществления всех строительных работ была составлена подробная «Опись планам о строениях, возведенных в порте Порос, для потребностей Российской эскадры в 1828 и 1829 годах». На Описи стояло число: «Мая 1-го дня 1830 года». По этой Описи мы можем судить о находившихся на Поросе постройках и их размерах. Итак: «1-е) План. Магазины для складки провианта у города Поро, построенной г. Томбази. 2-е) План. Магазины со складами на 5 отделений и пристани для складки провизии и материалов во Владимирской бухте (так, видимо, моряки между собой называли бухту, которая потом получила название Русская. – *О.С.*) выстроенным. 3-е) План адмиралтейства с кузницей и сараями для слесарей и плотников, во Владимирской бухте выстроенным. 4-е) План пекарни и пяти печей для печения хлеба и сушения сухарей, выстроенной во Владимирской бухте. 5-е) План русской бани и водопроводом на полуострове Мореи, выстроенном. 6-е) План водопроводу и пристани для налития на суда Эскадры пресной воды, выстроенном на Морейском берегу. 7-е) Чертеж местоположения в так называемой Владимирской бухте: магазин с двумя флигелями, пристани, адмиралтейства, пекарни и колодца. 8-е) Чертеж местоположения на Морейском берегу бани, с принадлежащими к оной колодцами, водопроводами, водохранилищем и пристанью, для налития пресной воды» [2. Ф. 205. Д. 568. Л. 3]. (Есть приписка: «К рапорту № 410»).

Как видим, постройки делались основательно с расчетом на их использование длительное время, но история не учла этот факт и со временем корабли все реже

⁶ Каподистрия Иоанн (1776–1831) – русский и греческий государственный деятель. Убит в 1831 г.

стали посещать бухту, здания разрушались. Неоднократно, как видно из других документов, хранящихся в РГАВМФ, принималось, а затем отменялось решение о продаже или просто уступке этой земли Греции. Так, в 1854 г. состоялось «высочайшее (т.е. императора Николая I. – *О.С.*) повеление о продаже находившегося во владении нашего правительства участка земли на о. Порос вместе с бывшими на нем постройками», но в связи с начавшейся Крымской войной 1856–1857 гг. продажа была приостановлена, а проживавший на этом участке смотритель магазинов продолжил получать содержание от Морского министерства по день своей смерти в 1865 г. [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18].

Одновременно Морское министерство, по просьбе генерал-адмирала Константина Николаевича, приняло в декабре 1857 г. решение отменить также «безденежную уступку греческому правительству принадлежащих Черноморскому ведомству магазинов, находящихся на острове Парос». Как было сказано в документе, генерал-адмирал «изволил признать необходимым повременить уступкою наших магазинов в Паросе, ибо при ежегодном отправлении судов» они могли быть полезными [2. Ф. 410. Оп. 2. Д. 370. Л. 17]. В конечном счете, земли на Поросе и магазины были уступлены грекам, но это не вопрос данной статьи.

Уже после смерти сторожа, охранявшего российские постройки в бухте на Поросе, в российское посольство в Афинах стали поступать сведения о разграблении и даже занятии этих зданий местными жителями. В эти годы опять зашла речь о продаже русской земли на острове. Но затем при Александре II посетивший в сентябре 1868 г. Порос, по приказу родного брата императора, генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, управляющего Морским министерством, начальник отряда судов, находящихся в греческих водах (в других документах – начальник эскадры в греческих водах. – *О.С.*), контр-адмирал И.И. Бутаков [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18об.] уговорил правительство оставить участок в пользовании эскадры и даже привести его в порядок. Контр-адмирал, посетивший остров на корвете «Аскольд», в донесении Константину Николаевичу сообщал также, что русский магазин расположен в трех верстах от города Пороса и «уединенно стоит у самого берега огромного прекрасного залива, образующего в этом месте небольшую впадину». «Магазин настолько велик и так разделен внутри, – писал Бутаков, – что может помещать в себе разнородные запасы для значительной эскадры и даже служить временным помещением для лазарета или судового экипажа» [2. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 14об.]. Его мысли «о желательности для могущих встретиться надобностей нашего флота оставить уступленный участок в нашем непосредственном владении и произвести ремонт находившихся на нем зданий» [2. Ф. 410. Оп. 1. Д. 370. 18об.–19; 2. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 14об.] пришлись по душе великому князю, и земли не были проданы. Тогда же, по указанию Бутакова, старший штурманский офицер корвета «Аскольд» штабс-капитан Елизаров с гардемаринами и кондукторами составили «План русских строений на острове Порос с прилегающей к ним местностью» [2. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2923. Л. 10а]. 15 июля 1869 г., по поручению российской миссии в Афинах, греческий инженер К. Константинопулос также составил план участка с находящимися там российскими постройками. В 1870 г. была даже разработана смета для ремонта склада, кузницы и хлебопекарни, о чем в РГАВМФ также имеется документ, составленный на французском языке [2. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 18].

Однако все-таки существовали сомнения в правах России на владение эти участком Поросской земли. Поэтому российское правительство дало указание МИДу попытаться выяснить данный вопрос на месте (в Греции). С этой целью российский посланник в Греции Е.П. Новиков (1865–1870) командировал на Порос верного человека, надворного советника Власопуло, бывшего секретаря российского консульства в Северной Греции. Его попытка найти какие-либо документы на владение землей в Греции не увенчалась успехом. Власопуло привез лишь план местности и выяснил многие новые обстоятельства дела, хотя в основном они

представляли собой массу слухов и воспоминаний старожилов острова Порос. План местности, привезенный Власопуло, был отправлен в канцелярию Морского министерства 4 ноября 1869 г. за № 3686. Местные власти объяснили Власопуло, «что уступка России данного участка состоялась в 1829 г. (как видим, это ошибка. – *О.С.*) по словестному соглашению между адмиралом графом Гейденом и президентом графом Каподистрией и что за истечением 40-летней давности, греческое правительство не оспаривает прав России на участок». Действительно, греческое правительство никогда в течение всего XIX века не высказывало сомнений в правах России [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 19–20]. После благоприятного ответа, полученного из российского афинского посольства о принадлежности России указанного участка земли и возведенных на нем построек, в 1872 г. Морское министерство выделило 15 тыс. франков на ремонт принадлежавших России магазинов. Однако «работы по исправлению последних не были начаты вследствие неблагоприятных для того обстоятельств», прежде всего, вызванных слишком частой сменой кабинета министров в греческом королевстве. В результате, как следует из документов, высланные в российскую миссию в Афинах деньги вскоре были возвращены Морскому ведомству [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20].

Затем в 1877 г. очередной кабинет министров Греции во главе с А. Кумундросом, представлявшим националистическую партию, обратился к России с просьбой продать русский участок с постройками греческому правительству. Не желая портить отношения с Грецией в надвигающейся русско-турецкой войне (1877–1878), последовало высочайшее повеление императора Александра II о передаче указанной земли на о. Порос в распоряжение греческого правительства «вместе с постройками безвозмездно» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20об.]. Решение это, однако, не было сообщено греческому правительству, вероятно, в связи с началом очередной русско-турецкой войны и нежеланием Греции в нее вступать, что вызвало возмущение Александра II⁷. Об этом мы узнаем из «Записки» директора Азиатского департамента МИД России графа Д.А. Капниста⁸, переданной в Морское министерство 17 февраля 1894 г. Она заканчивалась таким выводом: «Из имеющихся в делах сведений следует заключить, что эллинское правительство не воспользовалось означенным высочайшим повелением, и уступленный нам участок до последнего времени продолжал фактически считаться принадлежащим нашему правительству. Афинский кабинет нашел даже возможным, в виду просьбы о том нашего посланника весной минувшего года, поручить Поросским властям охранять целостность наших строений, подвергавшихся разрушению со стороны местных жителей, вследствие отсутствия всякого надзора» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20об.–21]⁹. На полях документа имеется запись с указанием Главному управлению кораблестроения и снабжения также поискать «переписку по данному предмету» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18].

В приводимой уже выше в начале нашего повествования «Записке» А.И. Нелидова министру иностранных дел А. Гирсу от 24 июня 1893 г. сообщались некоторые дополнительные сведения. «Насколько мне известно, – писал Нелидов, – последнее решение об отчуждении Поросских магазинов состоялось в 1877 году в виду высочайшего Государя Императора соизволения на безвозмездную передачу их греческому правительству. Решение это, переданное бывшему тогда посланником в Афинах д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Сабурову отношением Азиатского Департамента от 31 декабря 1877 г. за № 3226, не было, однако, сообщено греческому правительству, вероятно в виду происходившей тогда войны, смутного времени и неизвестности о будущем Греческого королевства и Востока вообще. Доказательством тому служит то обстоятельство, что 8 августа

⁷ Греция вступила в войну за несколько дней до ее окончания.

⁸ Капнист Д.А. (1837–1904) – известный русский дипломат греческого происхождения.

⁹ 17 февраля 1894 г. На полях документа: «Записка передана директору Морского министерства директором Азиатского департамента графом Капнистом».

та 1892 г. греческий министр иностранных дел обратился к нашей миссии в Афинах официальной нотою под № 8762 с просьбою принять меры для ограждения принадлежащей нам в Поросе собственности, которая постоянно разрушается и расхищается соседними жителями» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. 11об.]. Видимо, греческий министр ссылался на донесение димарха Тризинии Коризиса о том, что творится с русскими постройками. Такой же документ димарх отправил в русскую дипломатическую миссию в Афинах. Вот этот замечательный документ, переведенный на русский язык с новогреческого. Прочитую его полностью: «Порос 25 Июня 1892 г. Согласно поданного мною от 2-го марта т. г. прошения за № 373 я представил епархии, что в 1827 г. при Каподистрии русское правительство купило землю, находящуюся на острове Калаврия (Порос), на которой построены амбары для употребления, плавающего в то время в Средиземном море флота; сим же моим прошением уведомляю епархию, что сии строения разрушаются каким-то пастухом, называемым Д. Каикас, который уносит черепицы и строевой лес и занимает окружающие амбары землю, утверждая, что он купил ее. А так как стоимость амбаров и земли велика, то покорнейше прошу епархию уведомить Российскую императорскую миссию в Афинах о разрушении амбаров и занятии земель, а также ходатайствовать перед русским правительством ради охранения оных, чтобы оно благоволило уступить нашей общине амбары и земли с сохранением собственных своих прав. Димарх Тризинии г. Коризис. С подлинным верно. Состоящий при императорской миссии в Греции С. Цехановецкий» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–3об.]¹⁰.

Затем 13 августа 1892 г. поверенный в делах в Афинах первый секретарь российской миссии Ю.П. Бахметев¹¹ в донесении товарищу министра иностранных дел России Н.П. Шишкину¹², который прекрасно владел греческой тематикой, будучи в свое время посланником в Афинах, писал, что, получив данную ноту и копию письма димарха, он решил отправиться к министру иностранных дел Греции Драгумису, «чтобы узнать лично от него несколько подробнее состояние наших земель и построек по острову Порос». «Драгумис как опытный законник, – написал далее Бахметев, – объяснил мне, что всякое частное имущество в Греции должно быть охраняемо собственником, и что пустыри или необитаемые и неохраняемые строения могут подлежать занятию или даже разграблению всяким желающим заявить на них притязания; в случае неявки настоящего собственника или доверенного от него лица в течение одного года и одного дня имение и имущество принадлежит занявшему последнее. Г. Драгумис, как и я, находит предложение Трезенского головы непрактичным и советует либо избрать на острове Порос какое-либо благонадежное лицо и доверить ему охрану земель и построек, либо, что, по его мнению, еще вернее, отдать их внаем за какую-нибудь номинальную сумму. В таком случае они всего лучше будут застрахованы против неправильных притязаний местных жителей» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 4].

Занимаясь созданием Средиземноморской эскадры, русское правительство просило еще в 1891 г. российского посланника в Афинах М.К. Ону¹³ дать указание капитану 2-го ранга А. Ирецкому, командиру канонерской лодки «Донец», находившейся в плавании в Средиземном море, посетить остров Порос и собрать как можно более сведений о «последней русской собственности в Греции» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141]. В деле о плавании упомянутой лодки «Донец» в 1892–1893 гг. в греческих водах, хранящемся в РГАВМФ, находится рапорт ко-

¹⁰ Копия перевода с греческого «О разрушении русских построек и состоянии земли окружающей их».

¹¹ Бахмерев Ю.П. (1848–1928) – дипломат, статский советник, гофмейстер, первый секретарь российского посольства в Афинах с 1885 по 1897 г.

¹² Шишкин Н.П. (1830–1902) – дипломат, в 1880–1884 гг. посланник в Греции, в 1891–1897 гг. – товарищ министра иностранных дел России.

¹³ Ону М.К. (1835–1901) – посланник в Афинах с 15 ноября 1889 по 20 мая 1901 г.

мандира «Донца» в Морской штаб от 15 июня 1892 г. [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141–143об.]. «Получив в прошлом году предписание нашего посольства, осмотреть постройки и землю на о-ве Порос, принадлежащей России, и не имея возможности отправиться тогда же в Порос с лодкою, я уже имел счастье доносить вашему императорскому высочеству (генерал-адмиралу вел. кн. Алексею Александровичу. – *О.С.*) о результатах осмотра, произведенное командированным мною тогда же мичманом Дефабр[ом]. Тогда он был поставлен в затруднение дать более точные сведения по отсутствию в Посольстве каких-либо данных относительно границ участка, а потому последние три дня пребывания лодки в Поросе, после подробного осмотра всего, я поручил штурманскому офицеру лейтенанту Акимову снять планы и произвести опись и промер прилегающей бухты. Этой работой, вместе с тем, я желал ознакомить находящегося для компании на вверенной мне лодке юнкера 30 флотского экипажа Колоколова для всестороннего прохождения им морских наук, которым, по составленному мною расписанию, руководят специальные офицеры. Съемка бухты и участка земли с находящимися на нем постройками сделана подробная [...] План бухты с промером земли с постройками и фотографический снимок построек, при сем, имею честь представить» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141об.].

Между тем на запрос о том же предмете посланника в Афинах М.К. Ону от 8 марта 1892 г. (за № 39) императорское Министерство иностранных дел после обмена мнениями с Морским министерством ответило 22 апреля (№ 1477), что последнее считает это дело совершенно законченным еще в 1877 г. Таков был по черк работы главы Морского ведомства генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, назначенного на эту должность императором Александром III. Молодой император терпеть не мог великого князя Константина Николаевича, и, несмотря на его безусловные заслуги в возрождении флота, уволил со всех постов, как только взошел на трон. Кузен Александра III великий князь Алексей Александрович, несмотря на свою большую морскую практику, пренебрегал своими обязанностями и ничего дельного для флота за все годы его руководства (1881–1905) не сделал. Однако его безразличие было поколеблено в вопросе о русских землях на Поросе необычайной настойчивостью МИДа, на которого оказывал российский посланник А.И. Нелидов, к мнению которого всегда прислушивались. Осмотрительный посланник в Афинах М.К. Ону, наоборот, опасался этой суеты вокруг идеи о возрождении русской морской стоянки (почти базы) на о. Порос. В конце концов, Главный морской штаб Морского министерства весьма заинтересовался сообщением о принадлежности России земли и магазинов на о. Порос, которые были приобретены российском правительством в 1827 г., и 22 сентября 1892 г. отправил срочную бумагу за № 13120 в главное Управление кораблестроения и снабжения с сообщением из МИД о 7 сентября 1892 г. с приложениями о землях на о. Порос. Бумагу подписал за начальника Главного морского штаба контр-адмирал Ев. Алексеев [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 5].

В 1893 г. о. Порос вновь посетила канонерская лодка «Донец», офицеры которой осмотрели постройки. В рапорте командира канонерской лодки капитана 2-го ранга А. Ирецкого генерал-адмиралу от 4 марта 1893 г. дается подробное описание всех старинных построек, которое совпадает с их более ранним описанием. «Все постройки возведены из осколков имевшего на месте мрамора и гранита с весьма капитальными 2-х фунтовыми стенами, сооруженными на цементе. Наружные стены – из штучного камня чрезвычайно солидной и чистой кладки. Всеж построек – 3, главная из них – корпус магазинов или складов, имеющей 208 саж[еней] 4 фут[а] в длину и 8 саж[еней] 5фут[ов] в ширину. Оно состоит из 5 отделений, разделенных капитальными стенами со следами стеллажей, с полуклindricalескими сводчатыми крышами из тесаного камня. По бокам имеются постройки для жилых помещений с деревянными разрушенными крышами. Своды покрыты толстым слоем цемента. Эта постройка по капитальности своей почти

не пострадала от времени и непогоды. Все рамы, двери, дверные и оконные коробки растасканы пастухами; видимо, пытались выгащить дверные и оконные крючья и болты, которые благодаря прочности врезки остались на месте. 2-я постройка, по-видимому, деловой двор, крытый. По оставшейся кирпичной кладке в одном месте видно, что там было горнило. 3-я постройка – хлебопекарня с 5 большими печами, сложенными из лекального кирпича и при ней большой, глубокий и хорошо выложенный, но засоренный колодец. Позади делового двора найден фундамент небольшой разрушенной постройки, вероятно, это были отхожие места. С левой стороны делового двора – глубокий и хороший колодец с водой» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141–143]. «Несмотря на все старания отыскать границы земли, кроме найденной части фундамента ограды за хлебопекарней, ничего не нашел, – писал А. Ирецкой. – Надо предполагать, что она шла от колодца с водой до хлебопекарни и поворачивала с обеих сторон к магазинам вплоть до берега. Кроме корпуса магазинов, остальные постройки все почти разрушены, что нужно отнести к действию горных потоков, не имеющих правильного русла и стремящихся к постройкам, засыпая их осколками щебня с близ лежащих покатоств и размывая их. Если эти постройки не предназначены к продаже или совершенному оставлению, то, не тратя большой суммы, необходимо обнести их канавой и тем отвести потоки. Кроме того заложить двери и окна каменной кладкой, так как пастухи загоняют в это здание овец. При осмотре здания оказалось, что крайние отделения с обеих сторон заложены наглухо каменной кладкой. Очевидно, в них что-то сложено и оставлено, и здесь видны попытки взлома стены. На парапете здания сохранилось надпись: «Россия. 1829. Магазины» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 142об.]. «Этим же горным потоком нужно приписать и часть обмеления, как видно из промера залива. Прогив магазинов видны остатки пристани. Главная постройка – магазины – по своей заботливой и хозяйской постройке может быть легко возобновлена, не затрачивая большой суммы при участии стационара. Если принять во внимание брошюру лейтенанта Истомина, то эти магазины – склады принесли бы несомненную пользу для наших судов. Да и в мирное время для судов, отправляющихся в Тихий океан через Средиземное море, а также и для стационара, эти постройки были бы большой подмогой как шлюпочные сараи или во время окраски судов. Были примеры, что суда, идущие в Тихий океан, должны были оставлять в Пирее некоторые свои шлюпки. При участии стационара могла бы быть временная маленькая ремонтная мастерская. За неимением по большей части на судах токарных станков каждую мелочь приходится отдавать на завод; или вообще такие магазины никогда не могли бы быть лишними» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 143–143об.]. К рапорту А. Ирецкого были приложены фотографии построек [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 144; Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 14].

По просьбе поверенного в делах в Афинах Бахметева командир канонерской лодки «Донец» представил свои соображения насчет целесообразности восстановления русских построек на о. Порос в письменном виде. Ирецкой отвечал: «Пользуюсь случаем высказать свое мнение о неудобствах стоянки в Пирейской бухте и преимуществах бухты Порос. Пирейская гавань, хотя и имеет удобный вход, но, из-за ее узкости, как вход, так и стоянки составляют для больших судов известный риск. Во время стоянки в гавани, ошвартовавшись кормами к стенке крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Память Азова», расстояние между форштевнями их не превышало 90 сажен, а потому при частых проходах коммерческих судов приходилось беспокоиться за целостность бушпритов. Для крепления швартовов, хотя и сделаны рымы на стенках, но они настолько непрочны, что во время свежего ветра один из швартовов «Нахимова» вырвал рым с основанием, и крейсер удержался только на остальных трех швартовых. Долгая стоянка, ошвартовавшись в гавани, и вблизи столицы Греции, разрушает строевую судовую жизнь: офицеры, получая частые приглашения, переутомляются, а у команды падает дух бравого матроса и нравственное поведение на берегу у образцовой по поведению

команды вверенного мне крейсера, за последние гуляния начали появляться случаи сильного пьянства и опоздания на судно, чего не было даже в Тулоне. Совершенно противоположно представляется стоянка в Поросе.

Из описания острова Порос, составленного старшим судовым врачом крейсера коллежским советником Медведевым (описание представлено Главному медицинскому инспектору флота) видно, что остров Порос обладает прекрасною пресною водою, тогда как в Пирее вода в колодцах имеет отчасти соленый вкус. Пресная вода в городе проведена по металлическим трубам из источника, лежащего в горе материка (Мореи) на высоте около 700 футов над уровнем моря. Благодаря тому, что рейд закрыт от северо-восточных ветров в Поросе значительно теплее, чем в Пирее и Афинах. Больные на крейсере с простудными заболеваниями по приходе в Порос чувствовали себя лучше» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1078. Л. 148–148об.].

Российский посланник в Константинополе, подводя итог проделанной работе дипломатами, моряками и архивистами, в заключение своей записки в МИД России от 24 июня 1893 г. сообщает: «Имея, однако, в виду, что греческое правительство не было еще поставлено в известность о принятом относительно Поросских магазинов в 1877 г. решении, и считает их нам принадлежащими, что вероятно доселе неизвестно было Морскому министерству, принимая, с другой стороны, в соображение донесение командира лодки “Донец”, в котором он придает большое значение принадлежащей нам земли и тем полуразрушенным постройкам, которые с весьма небольшой поддержкой от правительства весьма возможно привести в исправное состояние. Обращая, вместе с тем, внимание на огромную пользу и облегчение, которые может привести плаванью наших судов в Средиземном море обладание собственными складами вблизи Пирея на вполне нейтральной земле, без особых значительных затрат на их приобретение и устройств, — я беру смелость почтительнейше просить ваше высокопревосходительство благоволить повергнуть все вышеизложенное на высочайшее государя императора воззрение в подтверждение устного моего о сем предмете всеподданнейшего заявления в апреле сего года в Ливадии. Быть может его императорскому величеству благоугодно будет приказать снова рассмотреть этот вопрос и, если мнение капитана Ирецкого и благоприятные отзывы других командиров судов, посещавших Порос, представят действительно пользу для нас обладание этими магазинами, то представляется, как мне кажется, полная возможность снова ими заняться и сделать из них важное и даже необходимое подспорье для нашей Средиземноморской эскадры. С совершеннейшим почтением и проч.»¹⁴. На полях документа имеется приписка: «По этому вопросу Упр[авление] Морск[ого] Мин[истерства] сообщило словесно контр-адмиралу Авелану при его отъезде, чтобы озаботился наёмом сторожа для охраны нашего имущества на Поросе, но письменных предписаний по этому предмету не приказано давать к[онтр]-адм[иралу] Авелану, чтобы не возбуждать толков о желании снова учредить станцию для нашего флота на Поросе» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11–12]¹⁵.

Далее мы имеем замечательный документ, который описывает состояние русских построек уже после посещения Пороса эскадрой. Это «Выписка из Строевого рапорта командующего эскадрой в Средиземном море контр-адмирала Ф.К. Авелана от 17 января 1894 г. за № 69. В ней Авелан сообщал, что «по прибытии с эскадрой в Порос я осмотрел принадлежащие нашему правительству здания, расположенные в одной из небольших бухт Поросского рейда и построенные в 1829 году, что показывает и надпись, сохранившаяся на главном здании. Постройки эти находятся в очень небольшой, но весьма живописной долине, окружен-

¹⁴ Копия письма А.И. Нелидова. Буюкдере, 24 июня 1893 г.

¹⁵ Авелан Ф.К. (1839–1916) – русский морской и государственный деятель. С сентября 1893 г. командовал эскадрой Средиземного моря на эскадренном броненосце «Николай I».

ной с трех сторон горами, высотой до 800 футов, четвертая сторона обращена к рейду; долина эта совершенно изолирована и не соединена никакими дорогами с окружающею местностью; других построек поблизости также не имеется. Сами здания сохранили только одни каменные стены, выложенные весьма солидно из кирпичей и кварцевого камня; местами заметно, однако, начинающиеся разрушения стен; печи все разрушены; все двери, оконные ставни и петли к ним также как дерево с полов и крыши раскрадены. Постройки эти состоят из трех зданий, из которых главное – магазинное – расположено у самого берега, фасадом на рейд и состоит из 5 равных сводчатой постройки отделений на два света; с обоих концов этого здания находятся жилые одноэтажные пристройки, состоящие каждая из 4 комнат с коридором, отделяющим их от магазина. Длина всего здания с пристройками 30 сажен, ширина – 10 сажен. Перед этим зданием находится полуразрушенная каменная пристань, выведенная от берега на 10 сажен. Позади магазинного здания, расположены еще два здания, из которых одно было хлебопекарней, что видно по пяти полуразрушенным печам, поставленным в ряд; другое же здание, вероятно, было сараем, т.к. в нем, кроме голых наружных стен и нескольких каменных стоек внутри, ничего не сохранилось. Около каждого из этих двух зданий находится по одному выложенному камнем довольно глубокому колодцу, из которых один совершенно засыпан, а в другом имеется еще немного довольно чистой воды» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 15–15об.].

«Приведение этих зданий в тот вид, чтобы ими можно было пользоваться, не представляет особых затруднений, но, во всяком случае, вызовет значительные расходы, – писал Авелан. – Со слов нашего посланника в Афинах [айного] [советника] М.К. Ону греческое правительство в настоящее время, вероятно, взглянет весьма неохотно на возобновление этих построек для надобностей русских военных судов, так как оно имело уже запросы, хотя еще неофициальные, от иностранных представителей о том, правда ли, что русское правительство намерено обратить Порос в складочное место для своей эскадры Средиземного моря. Такой слух распространен греческими газетами, в которых кроме Пороса были указаны еще и другие места греческого Архипелага, которыми мы, будто, собираемся воспользоваться для военных целей». «Многие годы, прошедшие с того времени, как мы покинули эти здания, – писал далее контр-адмирал, – называются вообще как лично на них, так и на всей окружающей местности: груды камней, щебня и мелкого хлама затрудняют доступ к этим зданиям, равно, как и движение по всей местности, на которой они построены, почему я приступил в свободное время судовыми командами к расчистке этой местности и исправлению, по возможности, пристани, засыпанием щебня и камней в образовавшиеся в ней провалы и выбоины» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 15об.].

Внезапная смерть российского императора Александра III нарушила планы российского правительства в отношении воссоздания российской военно-морской стоянки (базы) на о. Порос. Молодой император Николай II, как мы знаем, не вникал столь подробно в дела Морского ведомства, полностью доверяя своему дяде – великому князю Алексею Александровичу, который не обладал энергией к решительным действиям. Вопрос о стоянке на Поросе так и повис в воздухе. Однако уже после русско-японской войны 1904–1905 гг. и особенно после смерти генерал-адмирала Алексея Александровича стала проводиться активная работа по укреплению российского флота, расширению его возможностей. И вновь была направлена на о. Порос канонерская лодка «Хивинец», которая служила стационаром в греческих водах, с той же целью – дать объективную картину состояния русских магазинов и пристани. Приведем последний найденный в архиве документ на данную тему: «Выдержка из рапорта капитана канонерской лодки «Хивинец» за январь 1910 г. № 5». «28 февраля в 12 час[ов] дня весь Отряд (в Отряд также входили военные суда – “Диана”, “Аврора”, “Богатырь” и “Олег”. – О.С.) снялся с якоря и следовал в Порос. По пути была произведена

стрельба из учебных стволов по неподвижному щиту на переменных курсах, а после этого несколько эволюций. В 6 час[ов] вечера после захода солнца вошел в бухту Порос, где и стал на якорь. На рейде стоят старый греческий фрегат “Эллас” и парусный фрегат “Арис” (школа юнг). 29 января утром, осведомившись заранее, салютовали “Эллас” или “Арис”, отсалютовал нации, на что тотчас же получил ответ от “Эллас”, который вслед за этим отсалютовал моему фрегату, на что я ему ответил равным числом выстрелов. В 9 час[ов] утра ко мне явился и[сполняющий] д[олжность] командира порта капитан 2-го ранга, заведующий школой юнг, и предложил свои услуги Отряду.

С 28 января по 18 февраля Отряд стоял в бухте Родон у острова Пороса.

Это, строго говоря, не бухта в полном смысле этого слова, а пролив между материком и островом Порос; но так как оба входа в этот пролив довольно узки (особенно восточный), а западный вход еще, кроме того, загнут к северу, то и получилась прекрасная бухта, совершенно закрытая от всех ветров; ширина бухты от 3 до 8 кабельтовых, длина же больше 2-х миль.

Город Порос расположен на острове того же имени, а предместья частью на острове, частью на материке. Город небольшой, напоминающий скорее большую деревню. Имеется старый, турецкий еще арсенал, обращенный теперь в казармы для кадра матросов. Сюда присылаются новобранцы, призванные для службы во флоте, и здесь они проходят свое строевое образование; они живут в казармах, но кроме строевых учений, обучаются гребле на шлюпках. Здесь же находится школа юнг, помещающаяся на старом бриге “Арис”; этот бриг участвовал еще в Наваринском бою.

На южной стороне острова в одном из заливчиков, образуемых проливом, находятся развалины казарм и магазина, построенных еще, как говорят, адмиралом Сенявиным. От казарм остались только часть стен, дающие все-таки полное представление о бывшем внутреннем расположении; от хлебопекарен прекрасно сохранились лицевые стороны 5 больших печей, а дымовые трубы совершенно целы. Магазины были настолько капитально построены, что и сейчас представляют здание, которое при некотором ремонте может исполнить свое назначение. Магазины эти представляют большое здание длиною около 30 сажен и шириною 8 сажен, разделенное поперечными стенами на пять отдельных камер, потолки камер выведены сводами из штучного камня. Как стены, так и потолки совершенно целы. Не хватает только дверей и крыши. Здание обращено своей лицевой стороной к проливу и на его фронте уцелела даже надпись: “РУС...МАГАЗИН. 1829 года”. Эта надпись наводит на мысль, что эти магазины или были построенные уже не адмиралом Сенявиным (т.к. его деятельность в Средиземном море относится к 1805–1808 гг.) или же, если и построены им, то впоследствии в 1829 г. реставрированы» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3908. Л. 331об.–332об.] (приложены фотографические снимки, сделанные старшим судовым врачом крейсера «Диана» коллежским советником Садоковым).

«Поросская бухта представляет собой прекрасную базу для флота, оперирующего в Архипелаге; действительно: громадная бухта, в которой свободно может поместиться большая эскадра, совершенно закрытая от всех ветров; имеет два выхода, из которых один не требует никаких улучшений, а другой в настоящее время годный только для мелких судов, легко м[ожет] б[ыть] приспособлен для прохода больших судов, для чего требуются только незначительные землечерпательные работы; расстояние между этими входами по северную сторону острова Порос около 8 миль; благодаря конфигурации местности, бухта м[ожет] б[ыть] прекрасно укреплена и сделана совершенно неприступной для неприятеля.

Время, проведенное Отрядом в этой бухте, было использовано очень продуктивно, чему также много способствовала прекрасная теплая погода. Кроме ежедневных учений по расписанию за это время были проведены: 1) Две стрельбы из стволов; 2) Две стрельбы практическими зарядами и снарядами; 3) Спуск спаса-

тельных ракет с устройством веерного сообщения между судами отряда попарно; 4) Ночная примерная атака Отряда паровыми катерами; 5) Устроены две парусных гонки для учеников строевых унтер-офицеров; 6) Суда выходили в море для уничтожения девиации и для определения некоторых элементов для пополнения своих тактических формуляров. Результаты этих стрельб получились очень хорошие» [2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3908. Л. 333].

Работа по собиранию различных материалов по о. Порос и другим островам греческого Архипелага продолжалась и в начале XX в., видимо, вплоть до начала Первой мировой войны. Дальнейшая судьба этого вопроса не известна. И поднимался ли он вообще?

Но прошли годы, и эта замечательная бухта, закрытая от всех ветров, стала необъявленным международным курортом, куда приходят со всего мира частные яхты, украшающие собой пустынный берег Русской бухты, так и не востребованный Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. http://n-discovery.spb.ru/news_full.php?id=783.
2. Российский государственный архив военно-морского флота в Санкт-Петербурге.
3. Государственный архив Российской Федерации.

РУКОВОДИТЕЛИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ В ЯКУТСКОЙ ССЫЛКЕ

В статье рассматриваются жизнь и деятельность в Якутии ссыльных поляков – участников восстания в 1863–1864 гг. Автор считает, что состав и численность ссыльных поляков не установлена. В связи с этим в публикации определенное место отводится Ю. Огрызко, и его жизни и деятельности в якутской ссылке.

The article considers the life and work in Yakutia of the exiled Poles – participants of the uprising of 1863–1864. The author is of opinion, that the composition and number of the exiled Poles is still uncertain. For this reason, the article pays special attention to Joyafat Ohryzko and to the life of his compatriots in the Yakutian exile.

Ключевые слова: Ю. Огрызко, Ю. Двожачек, В. Карульский, амнистия, польское восстание.

В советское время о пребывании поляков в якутской ссылке начал писать краевед М.А. Кротов [1]. В то время исследование темы политической ссылки стало приоритетным, печатались статьи других авторов, сборники научных статей, публиковались материалы научных конференций различного уровня. Но хотелось бы подробнее остановиться на относительно недавней работе П.Л. Казаряна «Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг.» [2]. Автор поставил цель установить численность и персональный состав лиц, причастных к польскому национально-освободительному восстанию, подсчитав количество последних в Якутии за период с 1863 г. до 1869 г., не включив данные за последнее время [2. С. 20]. В итоге названная автором общая численность ссыльных поляков 306 человек [2. С. 19–20] не отражает исторические реалии того времени. Их было намного больше, ведь их могли переводить в течение срока наказания из одной губернии в другую.

Заметно снижает качество работы отсутствие обобщающих данных об участниках революции – мелкой, средней буржуазии – шляхты, студентов, рабочих и батраков и т.д. Здесь же можно сказать, что социальный состав политических ссыльных находился в прямой зависимости от общей исторической обстановки, от развития революционного движения в Польше. В разные годы были посланы в якутскую область небогатые представители польской шляхты Юзефат Огрызко, Юзеф Двожачек, Витольд Карульский. Состав ссыльных стал более разнообразным. В этом плане статья является попыткой дополнить труд П. Казаряна.

До настоящего времени нет специальной публикации о жизни в якутской ссылке, лидерах национально-освободительной борьбы польского народа. Правда, М.А. Кротов коснулся жизни и деятельности Ю.П. Огрызко. Его он characterize-

Троев Петр Семенович – д-р ист. наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.П. Аммосова (г. Якутск).

вал как умного и осторожного политического деятеля. По словам автора, он умел входить в доверие к властям имущим и добывать «средства на осуществление задуманных планов» [1. С. 60]. Автор информирует читателя о намерении Огрызко создать новые законы для будущего польского государства. Кротов признавал, что Огрызко был одним из вдохновителей восстания поляков в 1863 г. Арест 1863 г. прервал его неутомимую революционную деятельность. Смертная казнь, к которой был приговорен Огрызко, была заменена ссылкой в каторжные работы.

В феврале 1866 г. Огрызко уже находился в предназначенном ему месте – в каторжной тюрьме в Акатуе. «Пребывание Ю. Огрызко в Забайкалье оказалось непродолжительным. В том же году он был отправлен в Якутию, где в общей сложности провел пять лет в заточении, почти в полной изоляции от окружающих, лишенный даже своего имени, замененного ему номером» [3. С. 16].

Б.С. Шостакович считает, что в Сибири власти без достаточного основания, опираясь только на неприязненное отношение к Ю.П. Огрызко, обвинили его в причастности к организации восстания 1866 г. и в замыслах поднять другое.

Власти считали его видным деятелем польского освободительного движения. Выходец из белорусского дворянства, Юзефат Петрович Огрызко получил хорошее образование. В 1845 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета, окончил университет со степенью кандидата прав. Был заведующим трех отделений департамента Министерства финансов. В 1858 г. организовал издание польской газеты «Слово» в Петербурге. Он пользовался большим авторитетом в русских революционных кругах. До своего ареста поддерживал близкое знакомство с Н.Г. Чернышевским.

Настороженность иркутских властей была вызвана «Докладной запиской» акатуйских ссыльных поляков, отредактированной Ю. Огрызко с требованием ввести в России гласное судопроизводство как средство борьбы против злоупотреблений. Вскоре смотритель Акатуйского острога Мамонтов объявил узникам Акатау, что ссыльные будут работать без выходных. Осужденные это известие приняли как нарушение их человеческих прав. Ссыльные заявили, что «не могут поверить, чтобы русское правительство, будучи и европейским и христианским, могло одобрить это распоряжение». Анализовавший этот интересный документ иркутский историк Б.С. Шостакович вполне резонно пришел к выводу, что здесь проявилась тактика «легальной» борьбы за свои права «в рамках закона». По его мнению, и Огрызко был «убежденным сторонником государственного переустройства на законных, конституционных основах, а в вопросе подготовки восстания 1863 г. большие надежды возлагал на решение проблемы не столько вооруженным путем, сколько за счет внешнеполитических факторов и соответствующих факторов “большой дипломатии”» [3. С. 27]. Шостакович убежден, что зачинщиками акатуйского протеста Сибирская администрация считала Огрызко и Двожачека. Их власти изолировали от единомышленников, и 20 ноября 1866 г. привезли в Иркутск, а 7 декабря сопровождавший конвой привез их в Якутск. Они были помещены в Якутский тюремный замок. В конце марта 1868 г. поднадзорных перевезли в г. Вилюйск и заточили в новом тюремном замке: Огрызко под № 11, а Юзефа Двожачека под № 16. Двожачек по профессии был врачом, одно время работал ординатором уездной больницы в Лэнчине. В Якутскую область прибыл будучи участником Ноябрьского (1830) и Январского (1863) польских восстаний.

Местные власти обязаны были ежемесячно сообщать о состоянии здоровья и поведении узников тюремного замка генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову. Новые заключенные не имели права выходить за ограду тюрьмы, им запрещали переписываться с родными. Только в 1869 г., учитывая примерное поведение поднадзорных, им разрешили заняться огородничеством внутри ограды тюремного замка. По истечении срока Двожачек был выпущен на поселение в с. Павловское около Якутска. 31 мая 1870 г. он скончался [3. С. 37]. Об этом сви-

детельствует информация в докладе, что после смерти сосланного в Якутск политического преступника № 16 осталось имение его на 72 руб. 93 коп. [4. Ф. 168и. Оп. 3. Д. 414. Л. 9].

В связи с прибытием Н.Г. Чернышевского в Вилюйский острог власти в конце 1871 г. перевели Огрызко на поселение в Якутск. Надзор за бывшим узником не был снят. Якутское областное правление 14 января 1872 г. уведомляло окружное полицейское управление, что политический преступник Юзефат Огрызко «оставлен на жительство в г. Якутске для более бдительного надзора за его действиями» [4. Ф. 15и. Оп. 18. Д. 244. Л. 26]. Квартира недавнего вилюйского узника находилась в квартале, где жил полицейский надзиратель Слепцов. 18 января 1872 г. Слепцова обязали наблюдать за поведением поселенца.

Часть ссыльных поляков, 15–20 человек, постоянно жили в Якутске. Состав поднадзорных часто менялся. Среди поселенцев Якутска оказался Семен Стецевич. Его осудили за участие в революционном движении и попытку заготовить для мятежников оружие и боевые снаряды. По конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, Стецевича лишили всех прав, состояния и сослали в каторжную работу на заводах на восемь лет. По прибытии в Иркутск 2 сентября 1864 г. его отправили на Нерчинскую каторгу. Там он встретился с Н.Г. Чернышевским, имел с ним продолжительные беседы. Освободили Стецевича 1 мая 1868 г. и определили на поселение в Уфимскую волость Балаганского округа Иркутской губернии, оттуда, согласно его просьбе, в марте 1870 г. перевели на жительство в г. Якутск [4. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 2200. Л. 237а].

Таким образом, реальная возможность общения ссыльных поляков не исключалась. К тому же Стецевичу разрешили заниматься частной медицинской практикой.

Для поляков Н.Г. Чернышевский продолжал оставаться «властителем дум». Выпущенный в конце 1871 г. на поселение, Огрызко написал своим петербургским друзьям: «Подумайте, друзья дорогие, нельзя ли как-нибудь помочь человеку, занявшему мое место. Хотя, по сравнению со мною, он пользуется там гораздо большею свободою, но одиночество и климат действуют на него, я это знаю, убийственно. Неужели нет никакой возможности выхлопотать для него перевод хотя на один градус южнее?» [3. С. 39]. Как видно из сказанного выше, беседы поднадзорных об общей ситуации в стране о роли и месте вождей революционной демократии в политических событиях все-таки имели место среди поселенцев.

Ссылные были очевидцами тяжелого социально-экономического положения основной массы населения Якутской области. Патриархально-феодальные общественные отношения не могли обеспечить простор для развития хлебопашества. Для большинства якутского общества вплоть до конца XIX в. хлеб был лакомством, его якутские бедняки ели только по большим праздникам. Ссылный поляк В.Л. Серошевский написал, что в декабре и январе у бедняков истощаются все пищевые запасы, и с февраля наступал голодный период [5. С. 328]. Другой ссылный, В.Ф. Трощанский, заметил, что в юрте бедняка «даже мыши [...] юрты живут голодом, т.к. поживиться у хозяина нечем» [6. С. 17].

Огрызко не хотел быть сторонним наблюдателем тяжелой жизни окружающего населения. Он решил, насколько позволяли условия, помочь распространению хлебопашества на севере Якутии. Для этого представился удобный случай. Дело в том, чтобы обеспечить жизнь живущих на севере Якутии малочисленных народов и якутов путем распространения земледелия, Якутское областное правление вышло с ходатайством в Совет главного управления Восточной Сибири с просьбой оказать в этом деле материальную помощь, а также поселить в Верхоянском и Колымском округах ссыльных скопцов. Если в Забайкальской области для обустройства крестьянского хозяйства выделялся 128 руб. $\frac{3}{4}$ коп., то для Севера Якутии для обустройства ссыльных скопцов запланировали отпустить каждому хозяйству

скопцов по 150 руб., из коих 75 руб. без возврата, а оставшуюся часть суммы обязали возвратить в течение пяти лет [4. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 361. Л. 95].

В сентябре 1873 г. 26 человек были отправлены в Верхоянский округ. Якутский окружной исправник в 1873 г. старался собрать и выкупить земледельческие орудия труда, «огородных и хлебных семян» у скопцов с. Марха. Они заявили исправнику, что могут продать только девять пудов ярицы, 18 пудов ячменя по 2 руб. 40 коп. и восемь пудов пшеницы по 3 руб. 50 коп., всего на 92 руб. 80 коп., от продажи орудий труда и семян огородных культур отказались на том основании, что сами не имеют запасов.

Тогда исправник обратился к политическому ссыльному Огрызко. Тот письменно уведомил исправника, что может уступить 25 фунтов проса по 10 коп. на сумму 2 руб. 50 коп., 1 фунт капусты на 4 руб. 45 коп., 15 серпов по 90 коп. на 13 руб. 50 коп., кос-литовок по 95 коп. на 14 руб. 25 коп., четыре молотка и четыре бабки к косам по 1 руб., на 4 руб., восемь лопат приисковых по 90 коп. на 7 руб. 20 коп., четыре лопаты здешней работы по 45 коп. на 1 руб. 80 коп., четыре топора якутских по 60 коп. на 2 руб. 40 коп., шесть топоров заводских по 1 руб. 25 коп. на 7 руб. 50 коп., четыре долота разных по 50 коп. на 2 руб., три буравчика по 60 коп. на 1 руб. 80 коп., один скобель по 45 коп., один рубанок на 1 руб. 50 коп., железа рубаночного на 85 коп., две ручные пилы по 1 руб. 50 коп. на 3 руб. и стамески по 65 коп. на 1 руб. 30 коп. Всего 68 руб. 50 коп. «Что касается огородных семян, как то репы, редиски, редьки, салата, брюквы, лука, огурцов и разных сортов капусты, то таковые он не в большом количестве пожертвовал безденежно» [4. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 361. Л. 96]. Все это 16 апреля 1874 г. доставил в Верхоянск и сдал окружному исправнику «купеческий сын» Никита Горохов [4. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 361. Л. 116].

А самому Огрызко в 1876 г. «высочайшим повелением» было разрешено «жительство» в г. Иркутске с тем, чтобы он находился там под строгим надзором полиции и особым наблюдением [3. С. 45], но он мог свободно перемещаться по Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областям. Это право оказалось не реализованным: 17 марта 1890 г. Юзефат Огрызко скончался.

Численность ссыльных поляков Якутской области часто менялась. Амнистированные ссыльные уезжали, вместо них власти привозили новых. 1 декабря 1881 г. в Якутск конвоем был доставлен один из организаторов восстания 1863 г. в Польше В.А. Карульский. В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) сохранилось личное дело «О политическом ссыльном Витольде Карульском», которое было начато 31 марта 1880 г. и окончено 14 июня 1884 г. На статейном списке указано, что он из дворян Радомской губернии, исповедует католическую веру. Писарь полицейского управления написал, что ссыльный грамотный, мастерства не знает. Далее чиновник добавил, что в дороге за ссыльным никто не следует, но Карульский женат гражданским браком [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 22].

В деле имеются документы обвинения и сведения, освещающие политическую деятельность Карульского. 6 апреля 1869 г. дело Карульского было рассмотрено полевым военным судом в Александровской цитадели в Варшаве, который признал подсудимого виновным. Карульский, член революционной организации в Сахачевском уезде, во время восстания был начальником штаба, помогал в организации кавалерийского отряда у мятежников, сам командовал эскадроном. Карульский, помимо этого, участвовал в похищении казенных денег на сумму более 11 тыс. руб., из которых 500 руб. были израсходованы на покупку оружия для повстанцев. После поражения восстания он пытался уехать за границу, но был арестован. В апреле 1869 г. суд лишил Карульского всех прав, состояния и сослал в Сибирь. До прибытия в Якутскую область он отбывал наказание в другом месте, но где именно, в документах не указывается. 13–17 мая 1871 г. его перевели на поселение, а затем в 1874 г. Карульскому возвращены прежние права, состояние,

помимо этого разрешили переехать в Тамбовскую губернию. Но в связи с тем, что он, по информации, содержащейся в секретном письме Иркутского губернского правления на имя якутского гражданского губернатора от 12 сентября 1880 г. со ссылкой на донесения Тамбовского губернатора, неоднократно пытался бежать, Министерство внутренних дел, с согласия главного начальника III отделения Собственного его императорского величества канцелярии, 8 августа 1878 г. признало необходимым сослать Карульского в Якутскую область. Получив соответствующее указание, генерал-губернатор Восточной Сибири К.Н. Шелашников распорядился, чтобы ссыльный поляк по прибытии в Иркутск был отправлен на жительство под надзором полиции одной из местностей Якутской области [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 11об.].

Конвойные доставили В. Карульского из г. Кирсаново Тамбовской губернии в Иркутск 22 марта 1878 г. отдельным конвоем. Поднадзорный по какой-то причине задержался в Иркутске. Как видно из письма столоначальника канцелярии якутского губернатора Л. Астраханцева от 14 марта 1881 г. генерал-губернатору Восточной Сибири, Карульский прибыл в Якутск 1 декабря 1881 г. В тот же день ему назначили местожительство в Чериктяйском наслеге Дюпсинского улуса с учреждением за Карульским полицейского надзора [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 30].

Выходец из польского дворянства, с детства не приученный к физическому труду, ссыльный в улусе встретился с большими трудностями. По положению об устройстве быта сосланных поляков ему полагалось казенное пособие. 3 ноября 1881 г. Главное управление Восточной Сибири сообщило якутскому губернатору о разрешении выдавать Карульскому пособие, но вплоть до конца 1883 г. ссыльный его не получал: чтобы добыть средства к существованию, пришлось продавать личные вещи.

С февраля 1881 г. окружной исправник неоднократно доносил, что Карульский часто болеет и не имеет средств к жизни. Летом в том же году по ходатайству окружного исправника он длительное время лечился в якутской гражданской больнице [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 39–46].

После больницы ссыльный вернулся в Дюпсунский улус на содержание наслезных якутов, что было обременительно для последних. Для улучшения материального положения ссыльный обратился к улусным властям с прошением о выделении ему надела земли, но получил отказ с мотивировкой слабости здоровья.

Карульский обратился и к губернатору с той же просьбой и 12 июля 1883 г. получил аналогичный ответ [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 81об.]. Это решение губернатора нарушало «Правила по устройству быта политических ссыльных в Восточную Сибирь из царства Польского и Западных губерний». Пятый параграф правил разрешал им на местах водворения выделять надел земли на общих основаниях, а также получать денежное пособие на ведение сельского хозяйства и с разрешения губернатора ссуду не более 55 руб. [4. Оп. 1. Д. 8а. Л. 64–65].

Поднадзорный стал добиваться разрешения выехать на золотые прииски Витимо-Олекминской системы, но ему и в этом было отказано.

Областные власти и здесь нарушили правила, установленные правительством, разрешавшие отлучиться на работу по добыче золота. Инициатором этих решений был губернатор Якутской области Георгий Федорович Черняев. Дело в том, что во время Кругобайкальского восстания поляки захватили в плен и Г.Ф. Черняева и некоторых представителей власти. Эти события оставили тяжелый след в душе Г.Ф. Черняева. Говорили, что насмешливые поляки стали возить на нем воду из Байкала в свой лагерь. Эти своеобразные «страдания за отечество» положили начало его карьере [7. С. 229]. А спустя десять лет после указания событий, бывший офицер конвойных войск получил должность губернатора области и преследовал побежденных польских повстанцев, в том числе и Карульского.

Придавленный различными заботами, ссыльный искал выхода из тяжелого положения. Семь раз пытался бежать из места поселения. Все они кончились неудачей. Ему пошел уже седьмой десяток лет, когда, наконец, 15 мая 1883 г. была объявлена амнистия. Но Якутское окружное полицейское управление 3 сентября 1883 г. написало якутскому губернатору, что она не распространяется на лиц, осужденных за убийства, истязания, грабежи, «совершенные для содействия мятежу». Полиция полагала, что это определение относится и к Карульскому, в связи с чем ссыльный не получит облегчения своей участи [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 103об.]. Но вскоре якутский губернатор получил письмо вице-директора Департамента полиции, написанное 6 сентября 1883 г. о том, что В. Карульский «по последнему польскому мятежу не обвинялся во время мятежа в совершении уголовных преступлений» [4. Ф. 12и. Оп. 15. Д. 266. Л. 109].

29 февраля 1884 г. Карульского освободили от надзора полиции и предоставили ему право повсеместного жительства в империи без всяких ограничений и выдали вид на свободное проследование до г. Августово Сувалкской губернии, куда он изъявил желание отправиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кротов М.А.* Участники польского освободительного восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Якутск, 1960. Вып. 3.
2. *Казарян П.Л.* Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск, 1999.
3. *Шостакович Б.С.* Сибирские годы Юзефата Огрызко // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917). Иркутск, 1974. Вып. 2.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия).
5. *Сорошевский В.Л.* Опыт этнографического исследования. СПб., 1896.
6. *Трошанский В.Ф.* Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911.
7. *Короленко В.Г.* История моего современника. Л., 1976. Т. 3–4.

© 2015 г. С.С. БЕЛОУСОВ

ПОЛЯКИ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЛМЫКИИ

В сообщении на основании данных переписей и материалов местных архивов прослеживается судьба немногочисленной польской диаспоры в Калмыкии. Особое внимание уделено роли поляков в конфессиональной жизни республики.

In the essay based on the data of censuses and other materials from the local archives the destiny of the small Polish diaspora in Kalmykia is traced. Special attention is paid to the role of the Poles in confessional life of the republic.

Ключевые слова: Польша, Калмыкия, Н. Ленкевич, Я. Потоцкий, А.О. Орловский, И.В. Бентковский.

Калмыкия является многонациональной республикой, на территории которой проживают представители около ста этносов, в том числе и польского. Польская этническая группа здесь никогда не была многочисленной, но, несмотря на это, поляки внесли заметный вклад в изучение культуры калмыцкого народа и приняли активное участие в формировании кадрового потенциала республики. К сожалению, польский вклад в историю Калмыкии, калмыцко-польские связи еще не стали объектом пристального внимания со стороны ученого сообщества.

Первым затронул тему польско-калмыцких отношений калмыцкий историк И.В. Борисенко, опубликовавший в 1990 г. в одном из номеров газеты «Элистинские новости» небольшую статью «Калмыкия в творчестве поляков» [1]. В ней он кратко рассказал об исследователях и художниках польского происхождения, отразивших в произведениях калмыцкую тематику. После выхода упомянутой статьи прошло почти четверть века, но новых публикаций о польско-калмыцких связях так и не появилось. Предлагаемое сообщение является попыткой восполнить имеющийся вакуум в изучении данной темы.

Первые политические контакты калмыков с поляками, очевидно, можно отнести к середине XVII в. В 1653 г. польское руководство решило послать к калмыкам дворянина К. Шиманского для ведения переговоров о заключении союза против запорожских казаков и крымских татар. Итоги миссии неизвестны, историк З. Абрамович предполагает, что Шиманский так и не доехал до места назначения. Во второй половине XVII в. в войнах против поляков и татар принимали непосредственное участие калмыки в качестве союзников России. Интересно, что все это время польское руководство не оставляло попыток привлечь их к совместной борьбе с крымскими татарами, которые в 1660-е годы для Польши окончательно превратились из союзников во врагов. С этой целью в 1672 г. к калмыкам для ведения переговоров был отправлен К. Ковалевский.

В период Северной войны калмыки по приказу Петра I помогали польскому королю Августу II в сражениях против шведов, что дало полякам возможность

Белюсов Сергей Степанович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

ближе познакомиться с этим степным народом, а польское дворянство даже переняло у них некоторые элементы украшений конской упряжи, головных уборов, обуви и т.д. [2].

Поляки участвовали в становлении православной миссии в Нижнем Поволжье. Она была учреждена Святейшим Синодом Русской православной церкви в 1725 г., после принятия крещения внуком хана Аюки Баксадай Дорджи, получившим имя Петра Тайшина. По распоряжению Петра I для миссии была построена передвижная походно-улузная церковь, эскиз чертежа которой нарисовал сам император. Во главе христианской миссии был поставлен поляк православного вероисповедания Никодим Ленкевич. Он родился в 1673 г. на территории современной Брянской области, в 1715 г. принял монашество, затем был посвящен в иеромонахи Киево-Печерского монастыря. Назначением в калмыцкую миссию он обязан был знанию калмыцкого языка, которым овладел, как считает исследователь П. Шестаков, находясь в Киево-Печерской лавре, недалеко от которой, начиная с 1717 г., стали селить принявших крещение калмыков [3. С. 254].

В 1725 г. Ленкевич возглавил походно-улузную церковь и до посвящения в 1730 г. в сан архимандрита и назначения настоятелем Иоанно-Предтеченского монастыря в Астраханской епархии успел крестить 432 калмыка. С 1732 по 1734 г. он обратил в православие еще 1232 калмыка и затем по старости удалился в Михайловский монастырь Киевской епархии [3. С. 261].

В период работы Ленкевича в походно-улузной церкви ему в помощь были посланы пять учеников Московской славяно-латинской школы, в числе которых находился поляк А.И. Чубовский. Он был сыном Яна Чубовского, служившего причетником в одном из православных храмов г. Каменец-Подольского и происходившего из польского рода Лелива. А.И. Чубовский благодаря знанию калмыцкого языка и проявленной активности в деле христианизации калмыков дослужился до сана протоиерея г. Ставрополя-на-Волге (ныне г. Тольятти), основанного крещеными калмыками. Он внес заметный вклад в калмыцкую православную миссию: им было обращено в христианство 6000 калмыков, осуществлен перевод на калмыцкий язык Евангелия и составлен для калмыков букварь [4].

После присоединения Польши к России познания поляков о калмыках значительно расширились. В 1797 г. калмыцкие кочевья посетил известный польский историк, археолог и писатель Я. Потоцкий. Свои впечатления о поездке он изложил в дневниках «Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году», которые были опубликованы в 1828 г. в двух номерах журнала «Северный архив». В путевых заметках содержатся интересные наблюдения автора о жизни и быте калмыцкого народа. В период поездки по калмыцким улусам Потоцкий встретился с владельцем Хошеутовского улуса – Серебджапом Тюменем, будущим командиром одного из калмыцких полков во время Отечественной войны 1812 г. В альбоме Потоцкий сделал зарисовки бурханов в одном из калмыцких хурулов, музыкальных инструментов, украшенных серебром и драгоценными камнями [5. С. 9].

Сведения о калмыках грамотные поляки могли почерпнуть и из публикаций, издаваемых в самой Польше, в частности из статей, помещенных во «Всеобщей польской энциклопедии». В 1870 г. известный польский общественный деятель, преподаватель, редактор и издатель журналов К. Прушиньский (1851–1908) опубликовал в журнале «Домашний опекун» статью «Калмыки», в которой приводились интересные этнографические сведения [2]. Однако из числа поляков наибольший вклад в дело изучения культуры калмыцкого народа внес профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук СССР Владислав Людвигович Котвич. Он совершил четыре научных поездки в Калмыкию (1894, 1896, 1911, 1917), собрав ценнейший филологический материал. По результатам поездок им были изданы в 1905 г. сборник «Калмыцкие загадки и пословицы» и в 1915 г. «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка»,

которые высоко оценены учеными-калмыковедами. Он также принял активное участие в подготовке к изданию калмыцкого героического эпоса «Джангар», опубликовал редкие и ценные источники по истории отношений калмыков с русскими властями в XVII–XVIII вв.

Калмыцкая тема нашла отражение в творчестве польских художников. Свообразием отличаются работы рисовальщика первой трети XIX в. Александра Осиповича Орловского. В Русском музее хранятся его рисунки «Калмык верхом» (1808) и «Два калмыка верхом» (1815), а в Национальном музее г. Варшавы – «Два всадника калмыка», «Калмык в меховом кафтани, едущий на лошади» и «Бунт Пугачева» – в Национальном музее г. Щецина. Впервые познакомивший калмыцкую общественность с данными работами историк И. В. Борисенко пишет: «В них Орловский не углубляется в жизнь позирующего человека и создает не абсолютно схожий, а гиперболически усиленный образ. Герой захватил художника своей внешностью. Чувствуется любование автора силой, смелостью, красотой богатырей» [1].

Калмыцкие типажи привлекли внимание и художника-реалиста конца XIX – начала XX в. Юзефа Хелмонского, изобразившего на картине «Продажа коня» (1888) калмыка-казака. Картина находится в Национальном музее г. Щецина, в 1974 г. она экспонировалась в Москве на художественной выставке, посвященной 30-летию Польской Народной Республики [1].

Интересным, но пока еще не исследованным вопросом в историографии польско-калмыцких отношений остается история службы польских уроженцев в аппарате управления калмыцким народом. В Калмыкии, как и в других регионах России, поляки, владевшие русским языком и имевшие образование, привлекались администрацией в качестве управленцев и технических работников. На протяжении XVIII – начала XX в. польские фамилии постоянно присутствовали в штатах органов управления калмыцким народом. По архивным документам разных лет удалось установить, что поляками по национальности были товарищ (заместитель) главного попечителя калмыцкого народа Л.Я. Скибневский, частный пристав Яндыковского улуса Л.Л. Ленкевич, толмач М. Бердяев, коллежский регистратор И.М. Нестерович, инженер Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях Астраханской губернии Л. Держановский и др.

В 1860-е годы российское правительство пыталось превратить Астраханскую губернию в место ссылки польских повстанцев. В 1863 г. Западный комитет запланировал высылку на жительство в Астраханскую губернию 800 польских семей, осуществлять которую предполагалось постепенно небольшими партиями. Первая группа поляков в количестве 29 семей прибыла в 1864 г. и сразу же была расселена по различным населенным пунктам Астраханской губернии. Из этой партии переселенцев в Калмыкию попали девять семей (51 человек), которых разместили в переселенческих селах Княжевом, Торговом и Крестовом [6. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2561. Л. 31]. Еще три польские семьи поселились в 1865–1868 гг. в селении Промысловом на Астраханско-Кизлярском тракте [6. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2716. Л. 27, 30].

Большинство ссыльных поляков принадлежали к благородному шляхетскому сословию, но на новом месте жительства их перечислили в разряд государственных крестьян и запретили отлучаться в города. Чтобы обеспечить себя и существование своих семей, бывшие шляхтичи вынуждены были заняться хозяйством и освоить непривычные для них профессии. Большинство предпочли земледельческий труд, остальные ссыльные стали скотоводами, ремесленниками и наемными работниками.

Судя по архивным документам, поляки в течение всего нескольких лет сумели встать на ноги в хозяйственном отношении, хорошо отзывались о них и местные сельские власти, что свидетельствует о том, что у них установились хорошие отношения с местным населением. Но ссыльные поляки считали пребывание в кал-

мыских степях временным явлением, тосковали по родине и не оставляли надежд вернуться обратно. В 1869 г., характеризуя поведение поляков в с. Княжевом, один из представителей местных властей писал: «В действиях и поступках особенного ничего не замечено. Кроме того, что остаются в мыслях, что будут возвращены на родину – скучают по ней и ожидают возвращения как особой милости. Чаще видятся со своими братьями и бывают друг у друга» [б. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2716. Л. 3–4].

К началу Октябрьской революции 1917 г. следы польских ссыльных в Калмыкии почти не просматриваются. Очевидно, что большинство из них к этому времени вернулись домой или переселились в другие места. В Калмыкии остались жить лишь единицы.

С политической ссылкой связано имя И.В. Бентковского – известного историка и этнографа. За участие в польском национальном движении в 1833 г. его сослали в Кавказскую армию, после завершения службы, он в 1857 г. вышел в отставку и поселился в г. Ставрополе. Бентковский занялся научной деятельностью, написал немало статей по истории и этнографии народов Кавказа, не утративших свою научную ценность до настоящего времени. В 1860-е годы он совершил несколько поездок к калмыкам Большедербетовского улуса, в ходе которых собрал богатейший материал по этногенезу, хозяйству, религии и культуре калмыцкого народа. На основе этого материала Бентковский подготовил ряд интересных статей, опубликованных в основном в ставропольских изданиях. К числу его лучших работ о калмыках относятся статьи: «Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков, вообще на дух народа», «Монгольские жилища и пища большедербетовских калмыков», «Одежда калмыков», «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса», «Практическое замечание о калмыцком рогатом скоте, овцах, лошадях», «Одна из причин, парализующая развитие коневодства в Большедербетовском улусе», «Воды и степи Большедербетовского улуса – соответствуют ли колонизации калмыков?». За статью «О первоначальном физическом воспитании у калмыков и у ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии», опубликованной в 1879 г. в газете «Ставропольские губернские ведомости», Бентковский удостоился бронзовой медали от Русского общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете [1]. Он является также составителем специальных калмыцких календарей на 1870–1875 гг.

Численность поляков в Калмыкии постепенно возрастала со второго десятилетия XX в. Начало этому процессу положили беженцы из районов боевых действий на Западной Украине и в Белоруссии в годы Первой мировой войны. В 1917 г. в селах Тундутово, Приютное, Троицкое обосновались 89 польских беженцев [б. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1291. Л. 59]. После завершения этой войны большинство из них вернулись на родину, однако некоторые остались в Калмыкии.

Новый приток польского населения наблюдался в годы становления Калмыцкой автономной области. Из-за практически полного отсутствия среди местного населения управленческих кадров и квалифицированных специалистов в сфере народного хозяйства руководству автономии пришлось приглашать их из других регионов. Были среди них и поляки. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Калмыкии проживали 24 поляка (14 мужчин и 10 женщин), а к 1939 г. их численность возросла до 53 человек [7]. Результатом трудовых миграций в 1920–1930-е годы стало формирование постоянной этнической группы польского населения Калмыкии.

В 1950–1970-е годы численность поляков в республике продолжала увеличиваться: в 1970 г. на ее территории было зафиксировано 138 представителей польской национальности [8], в 1979 г. – 149 чел. [9]. В 1980-е годы тенденция роста численности польского населения сменилась на противоположную. В 1989 г. в Калмыцкой АССР проживали 125 поляков [10. С. 33], в 2002 г. – 110 чел. [11.

С. 50]. Уменьшение численности поляков происходит вследствие миграций за пределы республики и отсутствия естественного прироста.

Большинство поляков проживают в г. Элисте и селах Городовиковского района, на долю которых приходится более 70% польского населения республики. В ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. в Городовиковском районе было зарегистрировано 50 человек польской национальности (45,4% всех поляков), г. Элисте – 28 человек (25,4%) [12]. Среди поляков Калмыкии преобладают сельские жители: в 2002 г. они составляли 52,8%, тогда как горожане – 47,2%.

Польское население работало и продолжает трудиться преимущественно в государственном секторе экономики. В 1989 г. удельный вес занятого населения среди поляков составлял 57,6% [11. С. 50], а к 2002 г. вследствие рыночных реформ, в значительной степени разрушивших государственный сектор экономики, он сократился до 40% [11. С. 50].

Дисперсный характер расселения, малочисленность, отсутствие национальных школ обусловили слабое знание поляками Калмыкии своего языка. По данным переписи 1989 г., польским языком владели лишь 31,2% поляков, 58,4% родным языком считали русский и 8% – украинский [10. С. 33]. Перепись 2002 г. показала, что польским языком владеют 88 жителей республики [11. С. 11], однако в это число входят и представители других национальностей – преподаватели и студенты факультетов филологического направления Калмыцкого государственного университета.

В 2001 г. отдельные представители польской группы населения Калмыкии предприняли попытку создать общественную организацию под названием Союз поляков Республики Калмыкия. Учредительное собрание организации состоялось 7 ноября 2001 г. в г. Городовиковске. На этом собрании присутствовали восемь человек, из числа которых был избран Совет в составе четырех человек (С.З. Логовская, Б.В. Дайлидко, Б.Ц. Шот, Л.М. Зальвовская) и председатель (Б.Ц. Шот). Основными задачами новой организации были провозглашены культурно-просветительская деятельность и развитие торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между Республикой Калмыкией и Польшей. «Союз поляков Республики Калмыкии», однако, не сумел развернуть деятельность и в декабре 2003 г. прекратил существование [13. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 1173. Л. 18].

Более успешной оказалась деятельность поляков по возрождению католицизма в Калмыкии. Католические организации возникли благодаря активной миссионерской деятельности католического Ордена францисканцев, представители которого впервые появились в Калмыкии в 1993 г. Первый католический приход – имени Франциска Ассизского – в г. Элисте был зарегистрирован в 1994 г., на следующий год регистрацию прошли еще два католических прихода – имени Антония Падуанского в г. Городовиковске и Максимилиана Кольбе в с. Веселое Городовиковского района. Главную роль в их открытии сыграл католический миссионер Я.Р. Вишневский. Основную часть их прихожан составили местные поляки и немцы. Уже после регистрации католических приходов в Калмыкию в мае 1995 г. из Польши на постоянное место работы прибыл первый их настоятель – францисканский монах Л. Шиманьский. Вплоть до начала 2010-х годов штат священников католических приходов Калмыкии укомплектовывался гражданами Польши.

Последняя перепись населения России (2010) зарегистрировала на территории Республики Калмыкия 61 поляка [14], что почти вдвое меньше по сравнению с переписью населения 2002 г. Это свидетельствует о сохранении тенденции сокращения численности поляков как вследствие сложившейся неблагоприятной миграционной, так и демографической ситуации. Для малочисленной польской группы столь быстрое сокращение лишает ее перспектив существования в Калмыкии, что, очевидно, уже в обозримом будущем приведет к ее полному исчезновению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисенко И.В.* Калмыкия в творчестве поляков // Элистинские новости. 1990. 7 XI.
2. Сообщения поляков о калмыках с 1870 года / Пер. с англ. Д. Романова // Информационное агентство «БумбинОрн» URL:http://bumbinorn.ru/2006/02/03/soobshhenija_poljakov_o_kalmykakh_s_1870_goda.html.
3. *Шестаков П.* Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков // Астраханские епархиальные ведомости. 1893. № 9.
4. Руководители города и чиновники. Протоиереи Ставрополя // Мэрия городского округа Тольятти // URL: <http://www.tgl.ru/history/p/protoierei-stavropolya/>.
5. *Борисенко И. В.* Времен минувших отражение. Элиста, 1990.
6. Государственный архив Астраханской области.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. // ДемоскопWeekly // URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus>.
8. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России // ДемоскопWeekly. // URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus>.
9. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России // ДемоскопWeekly // URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus>.
10. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Элиста, 1991. Ч. II.
11. Численность и размещение населения Республики Калмыкия, национальный и возрастно-половой состав, состояние в браке, распределение населения по уровню образования, источникам средств к существованию и по положению в занятии. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Калмыкия. Элиста, 2004. Ч. 1.
12. Статистические таблицы Всероссийской переписи населения 2002 г. «Население по национальности Городовиковского района» и «Население по национальности г. Элиста с подчиненными его администрации населенными пунктами» территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия.
13. Национальный архив Республики Калмыкия.
14. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // ДемоскопWeekly // URL:<http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus>.

© 2015 г. О.А. ГРОМ

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В «ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ» БЕССАРАБИИ (1906–1908 ГОДЫ)

Статья посвящена анализу националистического дискурса в Бессарабии, сформировавшегося в период Первой русской революции. На основе анализа бессарабской и румынской периодической печати рассматриваются три проекта нациостроительства, сформулированные молдавскими национальными активистами: «радикальный» проект кружка при газете «Basarabia», «консервативный» Георгия Мадана и «умеренный» Алексиса Ноура.

The article deals with the nationalist discourse in Bessarabia, which was formed during the Russian revolution of 1905. Basing on the analysis of Bessarabian and Romanian periodicals, the article studies three projects of nation-building proposed by Bessarabian Moldavian nationalists: the «radical» project of the newspaper «Basarabia», the «conservative» one suggested by Gheorghe Madan and the «moderate» one developed by Alexis Nour.

Ключевые слова: Бессарабия, национальное движение, национализм, пресса, молдавский язык, идентичность.

Революционные события в Российской империи 1905–1907 гг. привели к невиданному ранее росту числа общественно-политических движений самой разнообразной направленности, включая националистическую. На окраинах огромного государства десятки общественных групп заговорили от лица этнических меньшинств, выдвигая требования социальной эмансипации, культурно-языковой и политической автономии. Не стала исключением и Бессарабия, считавшаяся до этого одной из наиболее спокойных и «благонадежных» окраин. Именно в этот момент бессарабский молдавский национализм, ранее представленный отдельными лицами, «сочувствующими» национальному делу, и разрозненными нелегальными студенческими группами, заявил о себе публично.

В данной статье рассматриваются три проекта нациостроительства, сформулированные молдавскими национальными активистами в Бессарабии в годы Первой русской революции: «радикальный» проект группы, связанной с изданием газеты «Basarabia», «консервативный», отстаивавшийся проправительственным общественным деятелем Георгием Маданом и молдавской аристократией, а также «умеренный», предложенный Алексисом Ноуром. Меня будут интересовать, прежде всего, не традиционные для историографии национальных движений вопросы внутренней организации групп националистов и их «борьбы» с властями, цензурой и полицией, а непосредственно тексты, публичные послания, адресованные широким слоям населения, их идеологическое и мировоззренческое содержание.

Гром Олег Андреевич – младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

Образы нации и концепции национальных интересов формируются, воспроизводятся и обсуждаются в «публичной сфере», то есть в среде образованной, читающей и пишущей публики [1. С. 13]. Основу поля, в котором артикулируются националистические идеи, составляют средства массовой информации, представленные на начало XX в. в первую очередь периодической печатью. Через газеты и журналы происходит «трансляция» национальной идентичности широким массам населения. Особенно велика роль периодики для национализма так называемых угнетенных наций в условиях, когда вовлечение масс в националистический дискурс осуществляется не государством (через систему всеобщего образования, воинскую службу и прочие государственные институты), а в результате деятельности национальных активистов.

До начала XX в. «публичная сфера» в Бессарабии была русскоязычной и ориентированной преимущественно на русское и отчасти еврейское население губернии, за исключением вышедшей с 1867 по 1871 г. молдавской версии «Кишиневских Епархиальных Ведомостей» и нескольких краткосрочных изданий бессарабских политических эмигрантов. Одна из первых попыток организовать местную молдавскую газету была предпринята в 1903 г. неким дворянином Н. Шафиром, который ходатайствовал в цензурный комитет с просьбой разрешить публикацию двуязычной газеты с предположительным названием «Басарабия» [2. Р. 64]. Однако Шафир получил отказ, в связи с чем губернатор С.Д. Урусов писал: «Маловероятно, что этот проект может быть реализован, потому что в подобном издании нет необходимости. Хотя большинство местного населения понимает и говорит на этом языке, круг тех, кто читает по-молдавски, очень ограничен» [2. Р. 66]. Идея собственного печатного органа на молдавском языке выдвигалась также членами Дерптского землячества. В начале XX в. они предлагали организовать издание журнала под названием «Deșteptare» («Пробуждение») [3. Р. 6]. Редакция «либеральной» газеты «Бессарабская жизнь» планировала издавать приложение на молдавском языке [4]. В конце 1905 г. ходили слухи о скором выходе в Кишиневе румынской газеты «Viața Nouă» («Новая жизнь») [5. Р. 117]. Однако сведения обо всех этих проектах, так и не получивших реализации, крайне фрагментарны.

После многочисленных дискуссий и решения организационных вопросов 24 мая 1906 г. вышел первый номер молдавской газеты «Basarabia». Газета объединила большую часть местных молодых революционно настроенных националистов. Пожалуй, единственным представителем старшего поколения был главный редактор газеты известный бессарабский адвокат Эмануил Гаврилицэ. Новое издание оказалось в известной степени встроеном в уже существующую в Бессарабии русскоязычную «публичную сферу», примкнув к «прогрессивным» газетам, борющимся с «охранительными». Финансирование газеты производилось как на деньги местных деятелей, так и за счет помощи из Румынии, оказанной через посредничество бессарабских политических эмигрантов. Особую роль в этом сыграл видный румынский политический деятель также эмигрантского происхождения Константин Стере [6. Р. 7].

В программной статье «Полезьа молдавской газеты» Ион Пеливан писал о той роли, какую должна сыграть «Basarabia» в деле национального строительства в крае: «Это великое и радостное событие, что, в конце концов, и мы, молдаване-бессарабцы, дождались молдавской газеты. Великим и незабываемым останется сегодняшний день в истории нашего народа, в истории нашей страны». Появление «Басарабии», по заверениям редакции, – это «мечта целого народа, мечта, к которой столько времени были устремлены наши надежды и наши помыслы». Выход газеты описывался в традиционных для восточноевропейских национализмов метафорах сна, смерти, пробуждения и возрождения: «Сегодняшний день – начало нашего воскрешения [...] Вчерашний день и прошлое были для нас состоянием сна, состоянием смерти» [7. № 1].

«Воскрешение» национальной жизни и выход из состояния культурной изоляции, в котором оказался «бессарабский народ», виделся молдавским интеллигентам в возможности приобщения к современной румынской культуре: «Вместе с этой газетой будет также положено начало народной литературы: наш молдаванин тоже начнет утолять жажду из красивой и богатой литературы, над которой наши братья из-за Прута, из-за Карпат трудились почти сто лет». Отсылки к «запрутским братьям» становятся общим местом для «группы Басарабии», а бессарабские молдаване оказываются вписанными в контекст «большой румынской нации». При этом бессарабцы мыслились наиболее отсталой в культурно-политическом плане группой румын. А. Ноур писал в связи с этим, что «за Прутом, в Буковине, в Ардяле (Трансильвания. – *О.Г.*) и Македонии у румынского племени есть много яростных борцов за его национальные интересы. Только мы, бессарабские молдаване остались позади и даже не имеем своих лидеров, не имеем своих избранных сынов, через которых наш народ сможет сказать слово в Думе, в совете народов» [7. № 1]. Роль этих «сынов народа», естественно, отводилась национальным активистам, группировавшимся вокруг газеты.

Воображая бессарабских молдаван членами большой румынской общности, издатели газеты пытались включить их в общерумынское дискурсивное поле. Часто в газете появлялись перепечатки статей из румынских изданий, произведения запрутских авторов, а также оригинальные тексты на темы, связанные с Румынией, помещенные в рубриках с характерными названиями «Новости от братьев» или «Румынская хроника». Неслучайным выглядит появление статей, в которых соседняя Румыния описывается как почти идеальная, процветающая страна, где не существует национального угнетения коренного народа и по этой причине растет его благосостояние. Примером подобного рода может служить статья «Прогресс румынской страны», приуроченная к сорокалетию правления румынского короля Карола I [7. № 17]. На фоне отсталости (культурной и экономической) Бессарабии, постоянно декларируемой журналистами «Басарабии», Румыния представлялась привлекательной страной, где господствовали «свои». Возможно, такие статьи имели целью привлечь внимание как к «единоплеменности» населения Бессарабии и Румынии, так и к тем преимуществам, которые, по мнению националистов, несло объединение в рамках государства-нации. Однако роль подобного рода «агитации» не следует абсолютизировать.

Вопрос об идентичности молдавских крестьян, основных адресатов газеты, был неоднозначным. Национальные активисты занимали двойственную позицию: с одной стороны, они описывали массу своих соотечественников в терминах «румынского» и «денационализации», с другой – лелеяли надежду на сохранение «румынского духа» у крестьян, мало затронутых русским образованием. Тот же Ноур настаивал, что бессарабцы сохранили национальное сознание в наиболее чистом виде [7. № 35]. Идея «девственной чистоты» представлялась общим местом для национализмов, сталкивающихся с неравномерной модернизацией разных частей этнического сообщества, разделенного государственными границами. Подобно тому, как, например, финские националисты, сравнивая архаичную Карелию со своим модернизирующимся обществом, пытались увидеть там истоки национальной культуры, или болгары, воображавшие Македонию и македонцев эталоном истинной болгарскости, бессарабские националисты утверждали, что молдаване, оставаясь «наполовину дикими», продолжают сохранять в нетронутом виде «национальную душу», язык, традиции и т.д. [7. № 1].

Несмотря на определенный консенсус в плане представления о молдаванах как о некоем народе, нации, которая уже существовала как данность, а в ее недрах сохранился особый дух, над пробуждением которого работали националисты, границы этой общности оставались размытыми. Касательно пространственных границ наиболее авторитетной оставалась трактовка, включавшая бессарабских молдаван в состав большой румынской общности, исходя из общности языка,

происхождения и народной культуры. Однако некоторые авторы, условно говоря «регионалисты», акцентировали внимание на внутрибессарабской проблематике и не очень интересовались запрутскими делами, как, например, Алексей Матеевич, позднее адаптировавший идеи антилатинизма к бессарабским реалиям. Важно понимать, что между двумя этими группами не существовало ярко выраженной границы – «регионализм» не исключал «панрумынизма». Примечательно отсутствие какой-либо конвенции по вопросу о том, как называть «нацию», от имени которой выступали бессарабские националисты. Для этих целей использовалось как минимум три термина (румыны, молдаване и бессарабцы), а их употребление на страницах «Басарабии» (как и в других дореволюционных изданиях на молдавском языке) носило зачастую случайный характер. Например, в одном и том же тексте могли быть использованы все три термина, как взаимозаменяемые. Таким образом, привычные сегодняшнему наблюдателю дискурс «молдовенизма» и противопоставление молдавской и румынской идентичности просто не существовали.

В вопросе о социальных границах среди многих членов «кружка Басарабии» сложилось представление о нации, как о надклассовом сообществе. Эту идею активнее всего отстаивал Георге Стырча. «Боярин, – писал он, – если он молдаванин, должен забыть, что он боярин, и подать руку своему брату по крови – крестьянину; священник, если он молдаванин, должен вспомнить о завете Спасителя и заняться святым делом совместно с крестьянином; крестьянам нужно объединиться со всем народом, со всеми благодетелями из других сословий» [7. № 7]. В то же время получила распространение и трактовка, согласно которой «истинным румыном» мог считаться только человек, придерживавшийся «прогрессивных» взглядов на социальное устройство. При этом «отступникам» отказывалось в праве членства в молдавской нации.

Политическая программа, предложенная «группой Басарабии» в общем виде сводилась к четырем пунктам: «Автономия (т.е. самоуправление). Румынский язык и культура. Полные гражданские права для Бессарабии. Земля для бессарабских крестьян» [7. № 12]. Вопрос об автономии был одним из ключевых для «кружка Басарабии». В статье, представившей собой программу «партии» («Из нашей программы»), говорилось, что «Бессарабия, оставаясь единой и неотъемлемой частью Российской империи, должна быть организована на основе принципов, начертанных во время ее присоединения к Российской империи по уставу образования Бессарабской области 1818 года». Суть автономии включала в себя использование молдавского языка во всех сферах общественной жизни, в то время как «русский язык, как язык государственный, будет применяться только в центральных учреждениях, в армии и на флоте». Автономия также предполагала «самоуправление» (*cârnuire de sine*) и «признание румынской нации, господствующей в этой провинции, [ее] права на свободное и беспрепятственное развитие». Помимо этого, предполагалось создать «верховный краевой совет, т.е. губернское земство» (*sfatul provincial superior, adecî zemstvl de gubernie*). Все органы самоуправления от волостных до губернских предполагалось организовать на «демократических принципах, основанных на праве всеобщего равного, прямого тайного голосования» [7. № 12]. Автономия Бессарабии мыслилась как национальная на основании того, что румынский (молдавский) народ составляет большинство населения. При этом вопрос о полиэтничности населения губернии и о южных и северных уездах, где молдаване не составляли большинства, попросту не поднимался. Требования автономии подкреплялись историческими аргументами – «памятью» об автономии 1818–1828 гг. В действительности же «Устав образования Бессарабской области» касался не молдавской нации или широких масс населения вообще, но боярской верхушки, а «автономия» была всего лишь формой непрямого правления, ликвидированной во многом по причине своей не-

эффективности¹. Поскольку молдавский язык допускался уставом 1818 г. в делопроизводстве и образовании, и в то же время в воображении интеллектуалов начала XX в. представлял собой основной маркер национальной идентичности, постольку стала возможной подобная ментальная трансформация административного в национальное.

Языковой вопрос занимал важнейшее место в программе «молдавской национальной партии». Показательно, что почти каждый номер содержал хотя бы одну статью по вопросу эмансипации национального языка и расширения его сферы применения. Некоторые номера выходили под специальными подзаголовками-лозунгами с требованием введения в школах молдавского языка. Например «Мы хотим молдавских школ!» [7. № 44], «Бояре, требуйте молдавских школ» [7. № 49], «Священники, требуйте молдавских школ!» [7. № 50], «Крестьяне, требуйте национальный язык в школах и церкви!» [7. № 52] и т.д. Статьи о языке были довольно однотипны и почти все написаны Михаем Вынту или Пантелеймоном Халиппой, «специализировавшимися» на школьно-языковом вопросе. В них, как правило, критиковалась политика русификации и запрещения преподавания в начальных школах на молдавском языке, утверждалось, что образование на родном языке – это единственный путь к прогрессу, а также содержались призывы к различным слоям молдавского общества. Авторы подобных призывов руководствовались не только общепросветительскими целями и идеями гуманизма. Очевидно, что расширение сферы применения румынского языка и, как следствие, рост числа читающих на нем означали расширение поля для политической и националистической агитации и втягивание все большего количества людей в националистический дискурс.

Обращение к языку было также важным в контексте распространенных среди бессарабских национальных активистов представлений о природе нации. Наиболее подробно эти представления были изложены Григорием КонстантINESКУ, выходцем из Запрутской Молдовы, обосновавшимся в начале XX в. в Бессарабии, в объемной статье «Значение языка для народа и для молдаван в частности». Статья начинается с обоснования тезиса о божественном происхождении языка и языкового разнообразия: «Господь, создав человека [...] среди других даров, дал ему и дар речи для того, чтобы обособить его от всех других тварей, иными словами, дал ему язык, чтобы говорить [...], потому что через речь человек передает мысли: и когда он переживает и когда ему радостно на душе; и так же с помощью речи он выражает печали, как в молодости, так и в старости» [7. № 22]. Однако он же позаботился о том, чтобы «не было одного языка для всех народов, но каждый народ пользовался своим национальным языком согласно тому, из какой нации он происходил, так же как и в наши дни: румыны говорят по-румынски, русские по-русски, евреи – по-еврейски, поляки – по-польски, татары, армяне, турки, немцы и так далее – все, каждая нация говорит на языке, который она унаследовала от дедов-прадедов». Язык, в интерпретации КонстантINESКУ, выступал неотъемлемой частью понятия «родина»: «Людское племя, со временем расплодившись, разделилось на множество народов согласно племени и родству и каждый народ, овладев частью земли, на которой остался жить, назвал ее *Родиной*, где говорят на одном и том же языке». В этом отношении КонстантINESКУ следовал традиционной румынской интерпретации национализма как явления, связанного с языком, имевшей хождение еще со времен «пионера» румынского национализма Михаила Когэлничану, предлагавшего считать родиной все пространство, на котором говорят по-румынски [9. Р. 217].

Развивая мысль о связи национальности и языка, КонстантINESКУ писал, что «национальный язык есть самое сильное доказательство национальности народа. Только люди, которые с пеленок понимают речь друг друга, могут образовать

¹ Подробнее о бессарабской автономии см. [Т 8. С. 105–145].

естественное товарищество, ибо только они могут с сочувствием понять все свои беды» [7. № 22]. Далее автор сделал важное замечание по поводу возможности «потери языка» народом. «Язык, – писал Константиnescу, – считается чем-то настолько святым, что никто не задается вопросом: что бы было, если бы народ потерял родительский язык?» И тут же он ответил на этот «невозможный» вопрос: «Евреи Европы, хотя и говорят на французском, немецком, румынском, русском и прочих языках стран, в которых они живут, при всем при этом все же остаются евреями, трансильванские националисты (более всего интеллигенция), помимо румынского, говорят на немецком или на венгерском и при всем этом не перестают быть румынами и добрыми патриотами». Этот пассаж, и в особенности обращение к теме трансильванских националистов, по-видимому, повлиял не случайно. Константиnescу постоянно встречался в Бессарабии, в той же редакции «Басарабии», с такими же «добрыми патриотами», которые думали по-русски, прежде чем написать что-то на «родном языке». В то же время такое оправдание не означает примирения с языковой ассимиляцией, так как, несмотря ни на что, «все нации с самых отдаленных времен и до сегодняшнего дня боролись изо всех сил за то, чтобы не обыностранили свой язык, веру и обычаи предков» [7. № 22]. Таким образом, язык для националистов выступал не только инструментом просвещения и политической агитации, но и основой национальной идентичности и способом воспроизводства нации.

Буквально сразу после выхода первых номеров «Басарабии» газета подверглась нападкам на страницах консервативно-монархической газеты «Друг», издававшейся местным лидером «Союза русского народа» Павлом Крушеваном. Крушеван иронизировал по поводу попыток молдавских активистов заявить о своих взглядах через орган, «издающийся на ломаном молдавском языке и печатающийся русскими буквами». «Газета эта, – писал Крушеван, – призывает к сепаратизму “два миллиона румын”, живущих в Бессарабии, рекомендует бессарабским румынам присоединиться к Румынии и, значит, отречься от России». Само появление газеты Крушеван объявил происками врагов (в первую очередь евреев), желающих «посеять [вражду] в нашем крае, между русским и румынским населением, между братьями, которые давно слились и живут мирной, дружной семьей». По его мнению, момент для «диверсии» был выбран удачно и совпал с обострением отношений между Грецией и Румынией, практически неминуемо ведущим к войне, в которую будет ввязана Россия и бессарабские молдаване [10. № 137].

Нападки со стороны «Друга» не остались без внимания бессарабских националистов. Ноур раскритиковал в ироническом тоне «теории заговора» Крушевана, искренне недоумевая, каким образом распространение молдавской газеты вызовет войну между Румынией и Грецией и как физически будут проходить эти «кровавые баталии» [7. № 12]. Он указал, что крушевановская газета, имевшая большой авторитет в Бессарабии, сама провоцировала распри на «национальной» почве. В качестве примеров негативного влияния статей Крушевана он привел участвовавшие случаи, когда после появления критических статей в «Друге» подписчики «Басарабии» «по непонятным причинам» переставали получать газету. Так, помощник исправника Киселев, начитавшись «Друга», пригрозил лично запретить выход газеты в уезде; а «один пьяный человек», назвавшийся патриотом и истинным русским, даже заявился в здание редакции, «чтобы побить всех писателей газеты, ибо они сеют вражду через молдавский язык и не соблюдают порядок и спокойствие» [7. № 12].

Крушеван (молдаванин по происхождению) моментально превратился в глазах национальных активистов в предателя молдавского народа, став символом ренегатства и отказа от собственной национальной идентичности в угоду политической конъюнктуры и ассимиляции. «Разве мы, – писал Ноур, – с нашей любовью о народе, виноваты, что он не сохранил национальное чувство, и ему стыдно говорить и жить как истинному румыну, рожденному от молдавских родителей?»

Крушевану, как и другим русифицированным молдаванам, не разделявшим идеи бессарабского национализма, исповедовавшим консервативные взгляды и лояльно относившимся к русским монархистским и националистическим организациям, было отказано в праве членства в «молдавской нации».

Усилия Крушевана и его соратников из газеты «Друг» были направлены на демонстрацию несостоятельности «сепаратистских» идей «кружка Басарабии» и их чуждости молдавскому населению губернии. В № 147 «Друга» было опубликовано письмо некоего Теодора Цапу из Теленешт, воспроизводившего распроstrаненную в консервативных кругах формулу, согласно которой молдавские крестьяне не слышали доселе голоса революционеров из-за незнания языка агитации, но «революционеры» стали «петь сказки про свободу и землю» на понятном крестьянам румынском языке. За всем этим, по мнению Цапу, стояли, разумеется, евреи. Цапу рассказывает историю о том, как он встретил в селе «жидов», распространяющих в селе газету «Basarabia». Увидев интерес к молдавской газете, он зачитал ее крестьянам, которые тут же начали критиковать услышанное [10. № 147]. Эта история, как и подобные [10. № 162], вероятнее всего выдуманная, должна была продемонстрировать читателям резистентность крестьянской массы к сепаратистским и революционным идеям, а также связь националистов с евреями.

Обвинения в сепаратизме были достаточно серьезными, учитывая влияние «Друга» на общественное мнение. Кроме того, для бессарабской образованной публики, преимущественно читающей по-русски, именно русская пресса, и «Друг» в частности, были едва ли не единственным источником, по которому она могла судить о содержании молдавской газеты. Также масла в огонь подливали румынские издания, желавшие видеть в кишиневских активистах последовательных борцов за присоединение Бессарабии к «Великой Румынии». В этой ситуации националисты были вынуждены оправдываться. В статье «Предатель народа» в ответ на нападки Крушевана говорилось о том, что «национальная программа» «Басарабии» является исключительно культурной и не преследует далеко идущих политических целей и нигде в газете не было напечатано ни одного слова, из которого бы следовало, желание отделиться от Российской империи [7. № 8]. Открещиваться же от «помощи» некоторых «братьев из-за Прута» бессарабским активистам приходилось неоднократно.

Целиком проблеме «сепаратизма» была посвящена статья «Хотят ли бессарабцы сепаратизма? Что думают бессарабские румыны», дававшая ответ неожиданным «соратникам» в Румынии и критикам в самой Бессарабии: «В некоторых румынских газетах на днях написали, что якобы молдаване сыты по горло положением в Империи и что устремили свой взор и возлагают все надежды на Румынию. Также некоторые местные реакционные и хулиганские собаки, выискивая повод для раздора, твякают на нас, как будто мы хотим сепаратизма, т.е. отделения от русского государства» [7. № 18]. Автор настаивал, что «кружок Басарабии» стремился к сохранению связей с Россией, а политические требования не шли дальше восстановления краевой автономии. Осуществление национальной и социально-экономической программы бессарабских националистов с помощью выборных институтов (Государственной думы) сделает положение бессарабских крестьян «более завидным, даже чем положение трансильванских крестьян», а следовательно в «сепаратизме» не будет никакой необходимости. В заключение автор статьи особо отметил, что борьба за права молдаван будет осуществляться «рука об руку с братом по несчастью – русским народом» [7. № 18].

После непродолжительной серии обличительных статей в «Друге» интерес Крушевана к молдавским «сепаратистам» угас так же быстро, как и появился. Лишь в конце 1906 – начале 1907 г. активизировалась кампания против молдавской газеты, на этот раз в форме «писем в редакцию». В то же время националисты из «Басарабии» столкнулись с другим вызовом – появлением в январе 1907 г. вто-

рой румыноязычной газеты «Молдованул» («Молдавин»), редактором которой и автором большинства статей был Георг Мадан, публицист, фольклорист, актер и один из наиболее противоречивых молдавских общественных деятелей начала XX в. Газета «Молдованул» была проектом губернатора А.Н. Харузина и стала ответом властей на националистическую и революционную агитацию «Басарабии». В секретном письме директору Департамента полиции М.И. Трусевичу 15 января 1907 г. Харузин писал: «По моему убеждению, представляется лишь один путь борьбы с названной газетой – издание молдавской же газеты противоположного чем “Bassarabia” направления» [11. Р. 156]. Финансирование газеты осуществлялось за счет средств, выделенных Министерством финансов [11. Р. 156–157]. Важно отметить, что идея издания проправительственной газеты на молдавском языке появилась практически сразу после выхода «Басарабии». Так, одно из первых донесений бессарабского губернатора в Петербург датируется 13 июля 1906 г. [12. Р. 205]. В переписке с высшими сановниками Российской империи Харузин фактически повторял взгляд на газету молдавских националистов и проблему «сепаратизма», сложившийся в правой прессе, а также сетовал на сложности с переводом и цензурованием молдавских изданий [12. Р. 205].

Возвращаясь к Мадану, нужно заметить, что его борьба с «Басарабией» касалась, прежде всего, политических и социально-экономических взглядов оппонентов, а также пресловутого «сепаратизма». По вопросам национальной идентичности, языка и просвещения Мадан более или менее солидаризировался с националистами из «кружка Басарабии». Впрочем, трудно сказать, насколько искренен был Мадан в своей борьбе. Позднее он вспоминал: «В качестве редактора газеты «Молдованул» я получал жалование 100 рублей в месяц, с условием, что буду бороться с газетой “Bassarabia” [...] Хотя я абсолютно не разделял идеи “Басарабии”, за исключением того полезного, что они публиковали для просвещения молдавского народа [...], я все же не хотел быть “редактором”, не хотел бороться против того, что только начиналось, против необходимости молдавской газеты, не хотел бороться против братьев молдаван, не хотел быть ренегатом, шпионом, “доносчиком” [...], предателем народа» [13. Р. 181]. Вероятнее всего, он искренне полагал, что прямая конфронтация с властью может негативно сказаться на «национальном деле». Это косвенно подтверждал и Ноур, который воспроизвел один из своих разговоров с Маданом, состоявшийся в 1909 г. Мадан, назначенный в этот момент цензором румыноязычных изданий, запретил распространение в Бессарабии ноуровской статьи, опубликованной в журнале «Viața Românească», критиковавшей епископа Серафима, Союз русского народа и бессарабскую администрацию. На возмущение Ноура этим фактом, Мадан ответил: «Но и ты написал свое письмо скверно, совсем скверно; письмами такого рода сильно дискредитируется румынское дело в Бессарабии!» [14. 1909. Vol. XIV. № 7. Р. 104].

В программной статье «Молдованул» Мадан писал, что газета не будет «регрессивным элементом, но прогрессивным». Своей целью он объявил не служение какой-либо политической партии, а императору, закону, родине и народу. Прогресс, по Мадану, подразумевал «возрождение национальной жизни и экономическое раскрепощение» (видимо эти лозунги были сугубо декларативными, так как Мадан не конкретизировал, что под этим он имел в виду), что было возможным только в случае следования по «истинному пути», т.е. пути, «указанному Его Императорским Величеством и которому следуют его министры». Этот путь предполагал, по мнению Мадана, объединение всех молдаван, независимо от словной принадлежности, вокруг «сильной и многочисленной партии» – Союза русского народа, поскольку она «держится с законом и императором». За представителей Союза Мадан агитировал молдавских крестьян голосовать на выборах в Государственную думу [15. № 1].

Такие заявления, да еще и сделанные на молдавском языке, не могли остаться без внимания со стороны «кружка Басарабии», претендовавшего до этого момен-

та на монополию в трактовке молдавской «национальной идеи». Стырча в статье «Молдаване, берегитесь!» раскритиковал реверансы в сторону Союза русского народа и «реакционных элементов». Путь, «указанный министрами», по его мнению, – это путь военных судов, виселиц и тюрьмы, путь лишения народа всяких гражданских прав: «Молдаване! – писал Стырча, – если хотите идти по старому пути, тогда следуйте за г-ном Маданом, чтобы он отдал вас в лапы министров, которые вы сами знаете как управляют страной» [16. № 65].

Впрочем, одиозность Союза русского народа была слишком очевидной, и Мадану пришлось оправдываться, делая упор не на Союзе как таковом, а на том что к нему уже примкнули многие молдаване, в первую очередь священники, и на необходимости полной национальной консолидации, не исключая никого: «Но при этом мы не советовали, не побуждали молдаван идти с Союзом, но советовали объединяться всем вместе и выбирать авторитетных, просвещенных и честных людей, чьи слова имеют вес, людей с любовью к закону нашего народа, верных Императору и любящих наши молдавские язык, обычаи и порядки» [15. № 2]. Аналогичные идеи проводились в статье «Снова Басарабия, – снова клевета», подписанной псевдонимом Агиуцы (Шутник), за которым вероятнее всего скрывался сам Мадан. Автор заявил, что «интеллектуальные босяки» из «Басарабии» снова разразились руганью в адрес «молдавских лидеров» и подчеркнул, что «бояр», которых несправедливо ругает «Басарабия» – это «наши братья по крови и представители известных и прославленных в прошлом нашего народа родов». Помимо бояр в «национальных» лидерах оказался даже бессарабский губернатор. «Ты забыл, – кричал Агиуцы, – что представитель высшей власти – русских татар, как ты говоришь – твоих господ, которые избавили тебя от турецкого ига, господин Харузин, губернатор Бессарабии, помог тебе найти путь самосознания, когда 26 октября своим высоким присутствием на открытии национальной церковной типографии, теплыми, любящими словами указал тебе путь, которым надо следовать, чтобы выйти из смерти к жизни!?» Желая окончательно показать оторванность сотрудников «Басарабии» от «народа» и чуждость конкурирующей газеты народным интересам, автор статьи в заключении восклицает: «Счастье, что ты не голос молдавского народа, но его врагов!» [15. № 3].

Полемика между молдавскими газетами продолжалась до марта 1907 г., когда «Basarabia» перестала выходить. Обстоятельства закрытия газеты до сих пор не вполне ясны. В молдавской и румынской историографии получила распространение версия, что газета была закрыта губернской администрацией. В качестве повода для закрытия в литературе часто указывается публикация в «последнем» № 78 от 4 марта 1907 г. стихотворения А. Мурешану «Пробудись, румын!» (ныне – гимн Румынии) [11. Р. 77; 17. Р. 132]. Однако, действительно последним номером был № 79, вышедший через неделю. Корни этого мифа следует искать в историографии и мемуаристке межвоенного периода. В частности, мнение о «национальной» подоплеке запрещения газеты высказывалось Шт. Чобану в работах «Румынская культура в Бессарабии при русском господстве» и «Из истории национального движения. Газета “Basarabia”» [18. Р. 290; 19. Р. 72]. О закрытии газеты властями писал Халиппа и некоторые другие бывшие сотрудники. В то же время ряд авторов указывает в качестве причин финансовые проблемы или отсутствие сотрудников (в последние месяцы газета фактически руководилась Халиппой и он же выступал автором большинства статей). Некоторые «путаются в показаниях», как, например, Ноур, который в качестве причины указывал то на инициативу Гаврилицы, то на администрацию. Сам же Халиппа в 1937 г. писал, что именно руководство газеты посчитало необходимым закрыть это «квазиреволюционное издание» и поддержать более умеренную газету Ноура ввиду того, что «Basarabia» не находила широкого отклика в массах [20. Р. 451]. По версии И. Пеливана поводом к закрытию газеты послужили многочисленные штрафы, которые Гаврилица был вынужден платить за различные нарушения закона

о цензуре, и, в конце концов, его заключение на несколько месяцев в тюрьму [21. Р. 564]. За время существования газета обвинялась в различных правонарушениях как минимум 16 раз [2. Р. 68]. Впрочем, в этом отношении она не была уникальной: так, например, по отчету за 1907 г. редактор «Бессарабской жизни» привлекался к ответственности 17 раз, а правого «Друга» – трижды [22. Ф. 6. Оп. 5. Д. 581. Л. 10]. Как минимум два раза тираж газеты конфисковался по запросу вице-губернатора [22. Ф. 289. Оп. 27. Д. 4. Л. 19, 139]. Учитывая достаточно напряженные взаимоотношения газеты с властями, версия о ее закрытии в административном порядке выглядит правдоподобно, однако, однозначных документальных подтверждений ее на данный момент не обнаружено. Версия с публикацией патриотического марша Мурешану в качестве причины или повода к закрытию газеты выглядит надуманной и до 20-х годов XX в. не упоминается в источниках.

После закрытия «Басарабии» политика практически полностью исчезла со страниц «Молдованул», оставив место культурной программе, публикациям произведений бессарабских и румынских авторов, статей по истории, фольклору и т. д. Вокруг газеты Мадана стали группироваться умеренные националисты, преимущественно из «Молдавского общества» Павла Дическу, основанного в 1905 г. группой бояр, выступавших за введение образования на молдавском языке. Публиковались в единственной (с конца мая 1907 г.) молдавской газете также и некоторые бывшие корреспонденты «Басарабии». Частыми стали сюжеты о «возрождении» языка и введении преподавания на молдавском (например, «Дайте народам настоящее и понятное образование» П. Дическу [15. № 6] и «Естественное и святое право молдаван» Мадана [15. № 16]). Риторика этих статей во многом напоминала аналогичную из статей «левых» националистов, с той лишь разницей, что акцент был смещен с негативной «русификации», проводимой властями, на гуманистические аспекты введения национального образования и даже «долг» русских перед молдаванами, давшими России таких видных просветителей и общественных деятелей как Петру Мовилэ, Павел Берендей (автор первого славяно-румынского словаря и один из пионеров славянской лексикографии), Дмитрий и Антиох Кантемиры и др. Также общим местом было подчеркивание дружбы между русскими и молдаванами и преданности последних империи [15. № 16]. Дическу в статье (которая представляла собой частичный перевод прошения в Совет министров о разрешении преподавания молдавского в начальных училищах Бессарабии) особо отмечал роль молдавского языка, и «естественных» языков вообще, в борьбе с пропагандой революционных идей, которая в свою очередь время от времени велась на языках окраин [15. № 6].

Просуществовав чуть более полутора лет, газета «Молдованул» в октябре 1908 г. перестала выходить. Об обстоятельствах ее закрытия, так же как и в случае с «Басарабией», практически ничего неизвестно. Можно предположить, что оно было связано с отставкой Харузина и назначением 11 октября 1908 г. новым бессарабским губернатором И.В. Канкрин.

Неоднозначный опыт национальной и политической агитации «кружка Басарабии» привел к появлению альтернативного проекта организации национального движения, предложенного Алексисом Ноуром. Этот проект был им сформулирован в издававшейся короткое время газете «Вьяца Басарабией» («Бессарабская жизнь»), а также на страницах яского журнала «Viața Românească» («Румынская жизнь»). В начале марта 1907 г., незадолго до закрытия газеты «Basarabia» Ноур анонсировал новую молдавскую газету, а уже 22 апреля вышел первый номер. Она публиковалась в двух вариантах: с использованием кириллического алфавита «для тех, кто читает по-русски» и на латинице «для широкой интеллигентной публики в Бессарабии и во всех странах, населенных румынами». Обе версии газеты отличались не только алфавитом и стилем, но и отчасти содержанием [18. Р. 291–293].

В программной статье Ноур посетовал на тяжесть национальной миссии в условиях спада революции и наступающей реакции: «Тяжело издавать молдавскую газету, когда права народов, живущих в России, еще окончательно не определены. Каждый наш шаг, пусть и исключительно мирный и нацеленный на просвещение народа, может рассматриваться некоторыми как нечто незаконное: и только потому, что этот шаг осуществлен не на русском языке». Чтобы отвести от себя потенциальные подозрения в «сепаратизме» и распространении «революционных идей», Ноур заверял читателей в своей умеренности и лояльности по отношению к правительству. В выгодном свете он выставлял слабую вовлеченность населения Бессарабии в революционные события 1905–1907 гг.: «Не будем же брать пример с волнений в России, ибо считаем глупостью умножение этих волнений». Отдельно подчеркивалось, что газета не будет направленная против русских: «Тем более, мы будем стремиться к прочному братству между нами и русскими, также и к другим народам мы не будем питать ненависти». Ноур провозглашал целью газеты создание «союза среди всего молдавского народа, без различия состояния и сословия». Как видно из его статей в румынской прессе под «союзом» он имел в виду национальную политическую партию, ядром которой должна была стать ноуровская газета. В «воззвании», опубликованном в первом номере газеты говорилось о том, что к сотрудничеству в качестве корреспондентов и распространителей газеты привлекаются все слои населения: горожане, священники, учителя, рабочие, крестьяне и помещики [14. 1907. № 1].

В плане националистической пропаганды «Вьяца Басарабией» была достаточно умеренной и ограничивалась немногочисленными статьями о молдавском языке в школах, декларациями о национальном возрождении и освещением проблемы миграции молдаван в Сибирь. Гораздо больше внимания Ноур уделял политике, освещаемой с прокадетских позиций, и экономике, прежде всего проблемам сельского хозяйства. Впрочем, делать из этого какие-то выводы не представляется возможным ввиду короткого времени существования газеты.

Почти одновременно с началом издания «*Viaa Basarabiei*» Ноур стал корреспондентом румынского журнала «*Viața Românească*», издаваемого в Яссах К. Стере, где вел постоянную рубрику «Письма из Бессарабии», организованную по аналогии с «письмами» из других «румынских провинций» за пределами Румынского королевства: Трансильвании, Буковины, Македонии. В течение 1907–1909 гг. статьи Ноура были едва ли не единственным для румынской публики источником знаний о текущей политической и культурной жизни Бессарабии.

Основная идея писем Ноура состояла в утверждении необходимости реализации национального проекта в Бессарабии, предполагавшего трансформацию аморфной крестьянской массы в нацию, вовлеченную в общественную и политическую жизнь на «демократических» началах: «Мы видим себя, в отдаленной перспективе, в очень тяжелой борьбе; сейчас мы стоим перед невероятными сложностями выполнения нашей исторической миссии: с какими жертвами мы превратим русифицированного молдаванина в живого румына?» [14. 1907. Vol. V. № 4. P. 517]. Превращение «крестьян в румын» могло осуществиться, по мнению Ноура, с помощью создания румынской партии в Бессарабии. Партия эта должна была объединить представителей разных сословий и классов. В качестве возможного «ядра» молдавской партии Ноур на сей раз предлагал «Молдавское общество» П. Дическу, «единственную нашу национальную организацию» [14. 1907. Vol. V. № 6. P. 457]. Политическая программа «партии» была достаточно аморфной, как и сами взгляды Ноура: за свою жизнь он успел побывать социалистом, народником, националистом (румынским и русским), либералом и консервативатором.

Особую роль в развитии молдавской политической жизни Ноур отводил «национальной прессе», которая должна была стать катализатором национальной консолидации. Вопросу о положении румыноязычной периодики в Бессарабии

Ноур посвятил два достаточно пространных «письма» [14. 1907. Vol. VI. № 8–9], в которых представил свой взгляд на русские и молдавские издания в Бессарабии через призму «национального дела». Общий ввод состоял в том, что ни одно издание не отвечало интересам молдаван. Единственным исключением была «*Viața Basarabiei*», которая следовала национальному и попоранистскому (народническому) идеалу. Однако, «по мотивам неизвестным публике “*Viața Basarabiei*” была запрещена» [14. 1907. Vol. VI. № 9. P. 392]. Этих «мотивов» Ноур не уточняет.

В подтверждение своих слов Ноур «воспроизводит» для румынской публики программу газеты «*Viața Basarabiei*». «Программа» подана как цитата, однако, в сохранившихся экземплярах газеты ни самого текста, ни чего-либо созвучного, мною обнаружено не было². Ноур заявлял, что национальная газета будет исходить из общечеловеческих, универсальных принципов и взглядов, но не отказывался от реверансов в сторону национализма: «Но между тем, и здоровый национализм оставил настолько сильный след в нашем сердце, что мы не можем принести в жертву националистические убеждения [...] только через которые может пробудиться румынский народ Бессарабии. Принимая во внимание идеал – развитие и прогресс всего румынского народа, мы кладем сейчас начало реализации нашей национальной мечты и жертвуем нашу личную жизнь – Бессарабской жизни» [14. 1907. Vol. VI. № 9. P. 394–395].

Ноур настаивал на осторожности политической программы националистов, как по соображениям цензуры, так и ввиду того, что в условиях тотальной безграмотности и низкой политической сознательности бессарабского населения, узости круга «интеллигенции» о реализации многих элементов такой программы речи быть не могло. Например, по вопросу об автономии он писал: «Но деликатные вопросы, как вопрос об автономии для Бессарабии, не были подняты, потому что [...] чего общего мы имеем с автономией, если даже не умеем читать по-румынски, и у нас нет никакой видимости местной жизни, которая бы показывала, что мы стремимся к автономии?» [14. 1907. Vol. VI. № 9. P. 395].

Планы по возобновлению издания «*Viața Basarabiei*» не реализовались, а сам Ноур на время исчез со страниц газет и журналов. Только в сентябре 1908 г. он продолжил публикацию писем, где в первую очередь вернулся к вопросу о возрождении национальной печати. Кроме собственно издания газеты, задачи национального движения Ноур видел в расширении рынка печатной продукции в целом, так как «разница между финнами и бессарабскими румынами не в их числе, а книжном рынке». Предлагалось издавать в первую очередь календарь для народа, словарь, затем брошюры по истории и географии Бессарабии, карты с видами и иллюстрациями и т.д. Из «культурных организаций», образовавшихся вокруг этих проектов, по мнению Ноура, впоследствии выйдет румынская партия в Бессарабии. Также Ноур видел перспективным привлечение к участию в газете и партии умеренного боярско-буржуазного элемента [14. 1908. Vol. X. № 9. P. 437–438].

Бессарабский национализм, заявивший о себе под влиянием революционных событий в России, не был однородным явлением с четко сформулированной программой, но представлял из себя множество проектов, зачастую являвшихся плодом интеллектуальных усилий отдельных лиц. Впрочем, подобная дробность характерна для любого национализма, особенно находящегося в процессе становления. Исходя из политических установок авторов националистических проектов, можно выделить три направления, три пути реализации «национального возрождения», каким оно виделось молдавским активистам начала XX в:

1) «радикальное», рассматривавшее националистическую риторику и апелляцию к «нации» как часть революционной борьбы и борьбы за политическую и

² Версия «для народа» на кириллице сохранилась полностью.

экономическую эмансипацию населения Бессарабии. К этому течению можно отнести кружок, сформировавшийся вокруг газеты «Basarabia»;

2) «умеренный» или «либеральный» национализм, предполагавший в большей степени культурно-просветительскую деятельность и отказ от непосредственной конфронтации с властями при сохранении «демократической» риторики. Главным пропагандистом подобной тактики национальных активистов выступал Алексис Ноур;

3) «консервативный» или «культурный» национализм, концентрировавшийся почти исключительно на проблематике языка, идентичности и истории. В политическом отношении представители этого направления ратовали за демонстрацию лояльности властям, консерватизм и монархизм. Сюда относятся Г. Мадан и близкие по взглядам активисты из «Молдавского общества» Дическу.

Несмотря на существенные различия в политических программах, в вопросе о национальной идентичности бессарабских молдаван среди молдавских активистов сложились представления о преимущественно культурно-языковом понимании нации. Бессарабские националисты видели свой народ составной частью более крупной этно-языковой общности – румынской нации. Однако, вопреки широко распространенному, как среди тогдашних представителей власти и консервативных политических деятелей, так и в позднейшей историографии мнению из панрумынского прочтения национальной идентичности бессарабских молдаван не следовал напрямую «сепаратизм» или идея «Великой Румынии». Требования националистов не шли дальше размытых деклараций о культурной и административной автономии Бессарабии в составе России. «Сепаратистские» взгляды не артикулировались национальными активистами, по крайней мере публично, по ряду причин: во-первых, это грозило осложнениями с цензурой; во-вторых, едва ли кто-то из участников движения в начале XX в. всерьез верил, что Российская империя в обозримой перспективе распадется или настолько ослабнет, что отпадение от нее Бессарабии станет возможным; в-третьих, подобная риторика могла быть негативно встречена крестьянством, среди которого пророссийские и монархические настроения были сильны. Кроме того, после жестокого подавления в 1907 г. крестьянского восстания в Румынии привлекательность Румынии и румынских порядков значительно снизилась.

Националисты исходили из телеологической установки, что молдавская/румынская нация является «данностью», если не вечной, то, по крайней мере, уходящей корнями в глубь веков. Свою же задачу они видели в том, чтобы «пробудить» в народе «национальное чувство». Тем не менее, подобные теоретические построения наталкивались на реальность, в которой инертная масса крестьян слабо интересовалась (если интересовалась вообще) своей «национальностью» и тем более не осознавала своей «румынскости». Это заставило националистов предпринимать попытки вовлечь адресатов своих посланий в общерумынский культурный и политический контекст, а деятелей вроде А. Ноура вообще говорить о необходимости превращения крестьян-молдаван в румын.

Появление молдавского национального движения, обращавшегося к широким слоям населения, пусть и имевшего при этом ограниченное влияние, заставило власти губернии обратить внимание на «молдавский вопрос» и определенным образом отреагировать на новое для губернии явление, что способствовало утверждению восприятия Бессарабии как проблемной национальной окраины Российской империи. Одной из форм реакции стала попытка конструирования «управляемого национализма», функционирующего под контролем имперских властей. Но все же, этот управляемый национализм, реализовавшийся посредством газеты «Молдованул», оставался по большей части игрой «одного актера»³.

³ Об этом свидетельствует довольно длительный перерыв в выходе газеты, вызванный отсутствием Мадана в Бессарабии: [23. Р. 63].

В связи со спадом революционной активности и националистической агитации в 1907–1908 гг. этот проект был свернут. Тем не менее, при изначальной политической ангажированности газета «Молдованул» внесла свой вклад в «национализацию» масс через пропаганду румынского языка и культуры, а также панрумынской идентичности. В аналогичных рамках культурного национализма будут действовать накануне и во время Первой мировой войны, националисты, объединившиеся вокруг журнала «Кувинт Молдовенеск» («Молдавское Слово»), большинство из которых в период революции 1905–1906 гг. входило в состав «кружка Басарабии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб, 2000.
2. *Negru Gh.* Ziarul «Basarabia» (1906–1907): informații inedite // *Destin Românesc*, 2001. № 3.
3. *Ciobanu Șt.* Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Ziarul Basarabia // *Viața Basarabiei*. 1933, № 1.
4. Бессарабская Жизнь. 1905. № 301.
5. Cartă portală scrisă de Teodor Eftimie Loghin către Ioan G. Pelivan. 21/XII/05 // *Arhivele Basarabiei*. 1932. № 2.
6. *Coval D.* Ziarul «Basarabia» (1906–1907) în contextul primei revoluției ruse. Chișinău, 1990.
7. *Basarabia*. 1906.
8. *Кушко А., Таки В., Гром О.* Бессарабия в составе Российской империи. М., 2012.
9. *Voia L.* Istorie și mit în conștiința românească. București, 2011.
10. *Друг*. 1906.
11. *Negru Gh.* Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău: Prut Internațional, 2000.
12. *Negru Gh.* Culisele publicării ziarului «Moldovanul». Corespondența secretă a guvernatorului Basarabiei cu înalții demnitari ai Imperiului rus (1906–1908) // *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de științe a Moldovei*. 2012. № 2.
13. *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Chișinău, 1993. Vol. I.
14. *Viața Românească*.
15. *Молдованул*. 1907.
16. *Basarabia*. 1907.
17. *Postarencu D.* O istorie a Basarabiei în date și documente. Chișinău, 1998.
18. *Ciobanu Șt.* Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă. Chișinău: Ed. Asociației Uniunea Culturală Bisericească, 1923.
19. *Ciobanu Șt.* Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Ziarul Basarabia // *Viața Basarabiei*. 1933. № 2.
20. *Halippa P.* Alexie Mateevici // *Viața Basarabiei*. 1937. № 7–8.
21. *Pelivan I.* Basarabia sub oblăduirea moscovită // *Viața Basarabiei*, 1938. № 6–7.
22. Национальный Архив Республики Молдова (НАРМ).
23. *Basarabia română*. Antologie. București, 1996.

I. HALÁSZ. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí. Bratislava, 2011. 236 s.

И. ХАЛАС. Венгрия и формы словацкой идентичности в «долгом» XIX веке

Историк доктор Иван Халас самой своей биографией символизирует тесную взаимосвязь разных частей Центрально-европейского региона. Родившись в Словакии, высшее образование он получил в Венгрии, где и остался работать. Халас одновременно является научным сотрудником Института права Венгерской академии наук (Будапешт) и Института государства и права Чешской академии наук (Прага). В сферу его исследовательских интересов входит изучение процессов формирования национальных идентичностей в XIX в. Ряд его работ также посвящен истории миграции, юридическим правам меньшинств и конституционному праву государств Центральной и Восточной Европы.

Данный круг вопросов, пусть и в разном масштабе, нашел отражение в книге «Венгрия и формы словацкой идентичности в “долгом” XIX веке». Она увенчала десятилетие научной работы автора, который здесь, по сути, обобщил и развил те идеи, которые сформулировал в ряде статей 1998–2007 гг. Однако упрекать Халаса в отсутствии новизны не стоит. Данный формат позволил не только собрать разрозненные прежде материалы под одной обложкой, но и углубить высказанные прежде идеи.

Главы книги, посвященные общим вопросам социально-политического развития или биографиям отдельных общественных деятелей, выстроены по проблемно-хронологическому принципу. Отправной точкой служит правление австрийского императора Иосифа II (1780–1790), когда идентичности разного порядка стали

впервые вступать в конфликт. В конце, выходя за рамки «долгого» XIX в., автор обращается к современному положению национальных меньшинств в Центральной Европе.

В качестве проблем, которым посвящена книга, И. Халас выделяет четыре: альтернативы словацкого национального развития в XIX в. в сравнении с теми же процессами у других народов; влияние революции 1848–1849 гг. на формирование словацкой национальной и политической идентичности; проблема «лояльности» к государству и своему народу в период австро-венгерского дуализма (1867–1918); отношение «словацкой политики» к вопросу ассимиляции евреев. Однако если тема множественности вариантов самоидентификации у словаков развивается как центральная тема на протяжении всей книги, то сюжеты революции 1848–1849 гг. и ассимиляции евреев рассматриваются только в отдельных главах.

Автор признает, что его внимание распределено неравномерно: деятельность большинства исторических деятелей, о которых он пишет в книге, приходится на период дуализма. В качестве методологической базы Халас взял сформулированные Й. Коржалкой на чешском материале пять альтернативных вариантов идентичности – наднациональное австрийство, сословный земельный патриотизм, самоотождествление с германским или славянским миром, а также этническую чешскость – и попытался перенести их на венгерскую почву. Схема таких альтернатив для словаков в его представлении выглядит следующим

образом: венгерский наднациональный патриотизм (прежде всего, базирующийся на культурной общности), самоотождествление со славянским миром, осознание себя чехословаками, словацкое этническое самосознание или идентификация себя как представителя венгерской политической нации. К этим пяти вариантам Халас прибавляет еще и шестой – региональные субнациональные идентичности, приводя в качестве примера восточных словаков. Не замыкаясь на словаках, автор касается и тех альтернативных идентичностей, которые существовали у этнических венгров. Впрочем, их пространство для маневра было ограниченным, поскольку возможности отождествить себя с какой-то большой и родственной общностью (наподобие германского или славянского мира) они не имели, а наднациональный австрийский патриотизм в Венгрии не прижился. Оставался лишь старый земельный патриотизм в виде наднациональной «венгерскости» либо современный национализм («мадьярскость»).

Построение схемы альтернативных идентичностей для словаков и венгров придает работе Ивана Халаса большое историографическое значение. Вместе с тем, следует отметить, что подобная схема нуждается в дополнительных комментариях потому, что не все из приведенных в ней идентичностей являются равноценными. Между земельным патриотизмом, национальным и региональным самосознанием, а также чувством принадлежности к такой умозрительной общности, как «славянский мир», имеется различие хотя бы по масштабу (наднациональная, национальная, субнациональная идентичность). Именно она, во многом, позволяла этим формам самосознания не вытеснять друг друга полностью, а, при определенном сочетании, комбинироваться в различных пропорциях. Автор же не учел это обстоятельство.

Заслуживает внимания проведенное Халасом сопоставление развития словацкой и венгерской национальных идентичностей. Применяя к ним схему этапов формирования современной нации, разработанную М. Грохом, автор отмечает достаточно прямолинейное развитие венгерской нации и гораздо более сложное – словацкой. По его мнению, это связано как с большим количеством альтернатив для словаков, так и с отсутствием в их истории событий, которые послужили бы определяющими моментами в конструировании национальной самоидентификации. Таковой не стала даже революция 1848–1849 гг., сыг-

равшая решающую роль в процессе формирования венгерской нации. В результате последняя смогла достичь политической стадии в либеральной форме, для которой характерно открытое понимание нации и государства в качестве нейтрального регулятора национальных взаимоотношений. Словацкой же не хватило для этого всего «долгого» XIX в.

Самым важным в книге Халаса видится его подход к теме так называемых «мадьяронов». Он предлагает провести разграничение между «мадьяронами» и «лояльными словаками». При этом он исходит из того, что первые не только переняли венгерские язык и культуру, но и стремились распространять их вопреки своей исконной национальности. Между тем вторые совмещали лояльность к государственной политической идеологии с собственной словацкой идентичностью. Определяя требования, которым должен был соответствовать человек, чтобы считаться «лояльным словаком», автор говорит о неучастии в политических мероприятиях и акциях русо- и чехофильского толка, а также о демонстрации верности венгерскому государству, его исторической традиции и единой политической нации без коллективных прав меньшинств. Отсутствие требования коллективных прав важно потому, что с определенного момента оно стало центральным в политической борьбе национальных партий (словацкой, сербской, румынской), считавшихся ненадежными.

Автор особо останавливается на отношении «словацкой национальной политики» к еврейской общине. Так он рельефнее показывает близость венгерской и словацкой национальных идеологий. Ведь словаки предпринимали попытки интегрировать в свою общность проживающих по соседству с ними евреев на том же основании, на котором венгры стремились включить в свое число самих словаков. Тем не менее, социально-экономический и религиозный факторы привели к тому, что преобладающим в словацкой национальной политике остался антисемитизм, не приобретавший, впрочем, радикальных форм XX в.

Анализу идентичности отдельных персонажей словацкой истории посвящена половина глав книги. Автор не претендует на универсальность и статистическую значимость такой выборки. Он представляет читателю подборку личностей разного масштаба, убеждений и сфер деятельности. Это Лайош Кошут, Людovit Штур, Ян Калинчак, Ян Непомук Бобула, Даниел Бахат, Мартин Моргач, Милан Годжа и Йозеф

Шкультеты. Стоит признать, что именно такой подход автора видится недостаточно обоснованным. В частности, остается неясным, почему основное внимание автор сосредоточивает на протестантах? Действительно, глубокий разбор идентичностей был проведен преимущественно на примере общественных деятелей, подходящих на роль «лояльных словаков» (Калинчак, Бобула, Бахат). Противоположная сторона представлена, фактически, одним Моргачем. Штур рассмотрен автором поверхностно, а Годжа и Шкультеты интересуют его не столько сами по себе, сколько как участники полемики о национальной самобытности.

Бессмысленно требовать от ученого досконального изучения идентичности всех словаков, оставивших свой след в истории Австро-Венгрии. Между тем, предложенный материал, несмотря на уязвимость для критики, весьма интересен. Для отечественного читателя полезны будут как раз главы с описанием идентичности «лояльных» Калинчака, Бобулы и Бахата, основанные на анализе их письменного наследия и событий биографии. Словацкая общественная жизнь очень долго воспринималась (в том числе и в самой Словакии) исключительно как борьба против чинимых венгерской политикой несправедливостей, в оппозиционном ключе. Наличие «лояльной» альтернативы оставалось за кадром. Халас выводит ее из тени, раздвигая рамки научной парадигмы.

Завершают книгу две главы, на первый взгляд косвенно связанные с заявленной темой. Однако они позволяют лучше понять воззрения автора и причины, побудившие его взяться за представленное исследование. Первая из них, неожиданно для читателя, является методическими рекомендациями по обучению истории Венгрии и Словакии с учетом того, что большую часть времени они существовали как единое целое. Внимание к этому моменту со стороны ученого, тесно связанного с обеими странами, неудивительно. В нем видятся истоки травмы исторической памяти обоих народов. До сих пор среди венгров возрождается скорбь по раздробленной Трианонским мирным договором (1920) большой державе, в то время как словакам сложно примириться с мыслью, что их собственная национальная история до 1918 г. растворена в истории другого народа. Свой рецепт излечения этих травм и предлагает Халас.

Другая, заключительная для всей книги глава содержит наблюдения об ис-

тории и современности национальных меньшинств в Центральноевропейском регионе. По своему стилю она представляет собой скорее публицистический, чем научный текст. Глава включает классификацию национальных меньшинств и характеристику того положения, которое они могут занимать в государстве, формулировку «тривиальных законов» взаимоотношений национального большинства и национального меньшинства, а также перечень политических средств, обеспечивающих, по мнению Халаса, оптимальные условия существования меньшинства. Присущая этому материалу эмоциональность свидетельствует о живом интересе автора к проблеме положения общин других национальностей на территории современных Словакии и Венгрии. Прежде всего, для него важна судьба венгерской общины в Словакии, повторяющей сегодня, на взгляд Халаса, былую судьбу самих словаков в Венгерском королевстве. Создается впечатление, что этим обстоятельством можно объяснить повышенное внимание автора к «лояльным словакам». В их судьбах он стремится найти средство разорвать этот порочный круг и видит в том свою сверхзадачу как историка.

Завершая рассуждения о книге «Венгрия и формы словацкой идентичности в “долгом” XIX в.», следует подчеркнуть: ее ценность – в попытках по-новому осмыслить известные факты. Вдумчивого прочтения заслуживают «биографические» главы книги, особенно те, которые позволяют ближе познакомиться с людьми, обделенными пристальным вниманием историков. Прежде всего, это относится к Даниелу Бахату, которым автор занимался особенно пристально. Спорным пунктом книги остается неравномерная опора отдельных глав на предшествующую литературу, из чего вытекает недостаточная обоснованность ряда положений (та же проблема отбора персонажей). Неудачным можно назвать принцип организации справочного аппарата, когда каждая глава сопровождается коротким списком источников или историографии, сводная же библиография в конце тома отсутствует. Главным же достоинством книги является отсутствие упрощенного, черно-белого взгляда на историю двух народов, стремление автора донести до читателя сложность и многовариантность исторического процесса.

Levélben értesítsen engem! Kortársak Széchényi Ferenc könyvtáralapításáról. Budapest, 2012. 279. old.

Известите меня письмом! Современники об основании библиотеки Ференца Сечени.

В большинстве европейских стран национальные библиотеки начинались с книжных собраний монархов. В Венгрии, которая в 1526 г. утеряла государственный суверенитет и вошла в состав владений Австрийского дома, забота о воспроизведении и поддержании культурного наследия стала заботой общества. В этой связи неудивительно, что современная Венгерская национальная библиотека, фонды которой насчитывают около восьми млн единиц хранения, восходит к 200 тыс. книг и рукописей из частного собрания графа Ференца Сечени (1754–1820), имя которого она носит. В 2012 г. минуло 210 лет с того дня, когда аристократ-меценат с дозволения императора Франца II торжественно передал свою коллекцию в дар венгерской нации. К этой памятной дате сотрудники библиотеки Э. Деак, Э. Звара, Л. Бока и др. подготовили великолепно оформленное издание, знакомящее читателя с обстоятельствами акта дарения.

К началу XIX в. в Венгрии было немало библиофилов – светских и духовных лиц, обладавших ценнейшими книжными собраниями. Некоторые из них, как трансильванский канцлер граф Шамуэль Телеки в 1796 г., уже сделали свои коллекции доступными для всех желающих. Сечени внимательно изучил опыт предшественников и в первую очередь заказал составление подробного каталога своей библиотеки. Инвентарная опись заняла три объемистых тома, которые – для привлечения внимания к готовящемуся торжественному событию – граф через своих секретарей разослал более чем по 600 адресам в Венгрии, владениях Австрийского дома, Германии, Франции, Великобритани, Италии, России. В сопроводительном письме на латинском языке он высказал пожелание, чтобы адресат собственноручно подтвердил получение посылки, причем ответил бы ему на том языке, на каком сам сочтет нужным.

Всего было отправлено 553 письма в адрес частных лиц (членов правящего дома,

высокопоставленных чиновников, священников, литераторов, ученых, меценатов), 54 – комитатов, 36 – вольных королевских городов, 23 – церковных капитулов, три – в адрес культурных институций. Список тех, кто с благодарностью подтвердил получение каталога, насчитывает сотни имен. В нем палатин (королевский наместник) эрцгерцог Иосиф и вице-король Ломбардии – Венеции эрцгерцог Райнер, аристократы, снискавшие известность как коллекционеры (Антал Аппони, Михай Вицаи), меценаты (Йозеф Подманички, Шандор Пронаи), поэты (Йозеф Орци, Янош Фекете), австрийский дипломат и ученый-ориенталист Йозеф Хаммер-Пургшаль и многие, многие другие. Были и такие (по подсчетам издателей тома – 123 человека), кто не ответил на письмо графа: трансильванский губернатор Самуэль Брукенталь, директор библиотеки Карлова университета Ежи Самуэль Брандке, исправник из Шопронского комитата Иштван Шаркёзи, известный своим покровительством поэту Давиду Бароти Сабо, и др. Не выказали интереса к каталогу и ряд комитатов Хорватии – Славонии.

Пожалуй, не было такого заметного венгерского литератора, кто не отдал бы должное благородному начинанию Сечени в собственноручном письме на венгерском языке. Дёрдь Аранка, Давид Бароти Сабо, Янош Бачани, Бенедек Вираг, Ференц Казинци, Янош Надвати прислали письма, где не скупилась на похвалы. Д. Аранка восклицал: «Если подумать о нашей милой родине, твоя большая бесценная библиотека стала ей таким подарком, который в моих глазах дороже королевской казны» (61. old.). Среди получателей каталога были две поэтессы – Юлия Фабиан из Комарома (совр. Комарно в Словакии) и Мария Терезия Артнер из Шопрона. Первая ответила меценату в стихах, вторая – в прозе. В частности, она предположила: «Нация, чьи духовные плоды собирают с такой заботой, где литературным талантам обоюбого пола протягивают дружескую руку

помощи, чьи граждане делают для наук столько, сколько ваша светлость, эта нация вскоре сможет потягаться в учености с соседними народами» (63. old.).

Список будет неполным, если не упомянуть аккуратное письмо, написанное на венгерском языке двенадцатилетним сыном Ференца Сечени – Иштваном, в будущем выдающимся венгерским политиком и мыслителем. «Я буду стараться хорошо учиться, насколько это возможно, стану прилежно упражняться, чтобы доставить радость милому батюшке в благодарность за прекрасный библиотечный инвентарь» (167. old.).

Многие, с благодарностью приняв каталог, в качестве ответного дара направляли имевшиеся в их распоряжении книги, рукописи, собственные (порой новейшие) сочинения и переводы, отсутствовавшие в собрании графа. Афанасий Стойкович – будущий ректор Харьковского университета – воспользовался правом ответить на родном для себя сербском языке, ибо «это величайшая особенность нашего отечества, что оно состоит из таких разных народов, которые сохраняют свои столь непохожие языки» (213. old.). Поскольку из каталога явствовало, что в библиотеке Сечени не хватает книг на сербском языке, к письму Стойкович приложил свои сочинения (по физике и деловому стилю) и труд Йована Райча «История разных славянских народов».

Ответы видных ученых и писателей со всей Европы можно считать лучшим подтверждением того, что граф Сечени был полноправным членом воображаемого сообщества, именуемого «республика ученых» (*respublica litteraria*). Примечательно, что послания от немецких корреспондентов из-за границы – Готфрида ван Свитена из Вены, Августа Шлёцера из Гёттингена, Фридриха Николаи из Берлина, Николая Ивановича Фусса из Санкт-Петербурга – поступили в основном на интернациональной латыни. Спишский немец, лютеранский священник и детский писатель Якоб Глац, напротив, выбрал немецкий язык.

Рецензируемый том включает в себя тексты 90 наиболее интересных ответных

писем (многие сопровождаются факсимиле). Письма на венгерском языке публикуются в оригинале, и это позволяет составить представление о литературной норме рубежа XVIII–XIX вв. Остальные послания даны в переводах на венгерский язык, что, несомненно, делает книгу доступной для широкой читательской аудитории. В приложении приведены оригиналы ответов на других языках – латинском, немецком, чешском, сербском. Том открывает основательная вводная статья, где в контексте истории книжной культуры Венгрии исследован социокультурный «эксперимент» Ф. Сечени. В завершение приведены биографические сведения о корреспондентах и сводная таблица, где перечислены все адресаты, отмечен факт получения ответного письма (или отсутствия такового), указан язык, который был выбран для ответа.

Данное издание, образно говоря, можно назвать декоративно-прикладным. С одной стороны, фолиант, снабженный высококачественными факсимиле и многочисленными, нередко эксклюзивными иллюстрациями, украсит любую книжную полку. С другой стороны, корпус изданных в нем писем представляет несомненный интерес для специалистов по широкому кругу гуманитарных дисциплин (история культуры, история литературы, история книжного дела, палеография). Книга, помимо прочего, свидетельствует, что на заре движения за обновление венгерского языка представители разных этносов и социальных слоев свободно и элегантно на нем изъяснялись. Наконец, она может стать отправной точкой при исследованиях просопографического характера. Список рассылки настолько репрезентативен, что редакторы-составители назвали его «кадастром венгерской интеллектуальной элиты». Можно добавить, и не только венгерской.

Замысел и исполнение этой книги стали большой удачей авторского коллектива, сумевшего сделать юбилейное издание не только внешне красивым, но и внутренне содержательным.

© 2015 г. О.В. Хаванова

R. KOWALCZYK. Rozwój przemysłu ciężkiego w Królestwie Polskim w latach 1877–1914. Warszawa, 2013. 187 с.

Р. КОВАЛЬЧИК. Развитие тяжелой промышленности в Царстве Польском в 1877–1914

Рафал Ковальчик – профессор Лодзинского университета, специалист по всеобщей истории, известный как автор ряда монографий по истории наполеоновской эпохи – обратился к истории народного хозяйства Польши. Уже поэтому рецензируемой монографии принадлежит заметное место в новейшей польской историографии. Однако ее значение, разумеется, не ограничивается, ролью в биографии автора. Данный труд – одно из важных свидетельств о возрождении интереса польских историков к социально-экономической проблематике, в частности, к вопросам истории индустриализации в Польше. Отличает его и поиски новых подходов в области экономической истории, стремление автора преодолеть определенный схематизм работ своих предшественников, написанных с позиций «исторического материализма».

Исследование Р. Ковальчика является первой в новейшей польской историографии попыткой комплексного анализа развития тяжелой промышленности в Царстве Польском в период бурного экономического роста в 1877–1914 гг., когда страна прошла ряд промышленных подъемов, преодолела несколько кризисов, среди них мировой экономический кризис 1900–1903 гг. Большое внимание в монографии уделяется влиянию политики имперского центра на экономические процессы в Царстве Польском, а также роли иностранного капитала в польской тяжелой промышленности.

Монография написана на основе материалов технических и экономических журналов, в том числе и опубликованных в них статистических данных, которые долгое время не использовались при изучении экономической истории польских земель. Привлеченные автором исторические источники существенно дополняют официальные данные государственных органов путем введения в научный оборот информации корпоративной отчетности и других сведений о промышленных пред-

приятиях, в том числе персонального и технологического характера. Особо стоит обратить внимание на помещенные в книге редкие иллюстрации и статистические таблицы.

Хронологические рамки исследования охватывают период наиболее динамичного развития промышленности, который наступил вслед за сменой в 1877 г. экономической доктрины российских властей. По мнению Ковальчика, это было, в первую очередь связано с деятельностью министра финансов Российской империи М.Х. Рейтерна, в 1863 г. были отменены почти все вывозные пошлины, а в 1868 г. был принят новый таможенный тариф (с. 9).

В первой главе освещена экономическая политика Царства Польского и Российской империи в 1831–1914 гг., в которой автором выделено два периода: с 1831 до 1877 г. и с 1877 до 1914 г. На первом этапе описаны попытки развития тяжелой промышленности в Королевстве Польском при поддержке финансового капитала, первые инвестиции немецкого капитала, а также индустриализационная программа министра финансов М.Х. Рейтерна, начатая после поражения России в Крымской войне. Наблюдения автора существенно расширяют представления, сложившиеся ранее в польской историографии в 1950–1960-е годы, что в период правления Паскевича и вплоть до начала 1860-х годов промышленная политика в Царстве Польском строилась исключительно в духе мер Ксаверия Любецкого. Рассматривая экономическую политику периода 1877–1914 гг. Ковальчик анализирует введение золотой пошлины, а также переход России к политике протекционизма, ставший, по его мнению, причиной роста иностранных инвестиций и развития промышленности в Царстве Польском.

Во второй главе показан масштаб инвестиций в горнодобывающую промышленность Царства Польского начиная с 1877 г., а также борьба немецкого и французского капиталов, закончившаяся победой ин-

весторов из Франции, и получением ими доминирующих позиций в добыче каменного угля и в цинковой промышленности. Развитие угольной промышленности стало причиной расширения сети железных дорог в Царстве Польском (с. 80). Наличие в этом процессе взаимосвязи не вызывает сомнения. Однако функциональная зависимость железнодорожного строительства от горнодобывающей промышленности представляется тезисом не бесспорным, хотя бы потому что программа строительства железных дорог и связанная с нею инвестиционная модель были продиктованы во многом политическими причинами и военно-стратегическими планами.

В третьей главе анализируется уровень инвестиций в металлургии, где доминирующую роль играл немецкий капитал, в то время как в машиностроительной промышленности превалировал местный польский капитал. Польский историк подчеркивает, что металлургия в отличие от горнодобывающей промышленности в большей степени зависела от таможенной политики царских властей (с. 94).

Четвертая и пятая главы посвящены инвестициям польского капитала, его роли в развитии тяжелой промышленности, где доминировали иностранные инвесторы, и процессам модернизации тяжелой промышленности, как в предприятиях, принадлежащих польским инвесторам, так и иностранным. Ковальчик отмечает, что предприятия иностранных инвесторов были более модернизированными (с. 147).

Автор приходит к выводу, что без зарубежных капиталовложений развитие тяжелой промышленности, являвшейся маховиком всей экономики Царства Польского, на таком высоком уровне было бы невозможным. Польские инвесторы не обладали капиталами, достаточными для быстрого развития тяжелой индустрии. Немецкие и французские инвесторы вкладывали огромные суммы в тяжелую промышленность, ускоренными темпами модернизировали отрасль, постоянно повышали производительность труда, уменьшали себестоимость готовой продукции, что позволило повысить ее конкурентоспособность.

Негативно, по мнению Ковальчика, на ситуацию в тяжелой промышленности Царства Польского влияло бурное промышленное развитие юга Российской империи. Значительная часть зарубежных инвесторов вкладывала средства в развитие промышленности этого региона, чему, по словам историка, активно способствовали российские власти (с. 48). Ковальчик позитивно оценивает ряд мер правительства, направленных на развитие промышленности в Российской империи, которые позитивно сказались и на экономическом развитии Царства Польского.

В целом автору удалось абстрагироваться от распространенного в польской исторической науке стереотипа об якобы исключительно негативном воздействии царских властей на положение в Польше, в том числе и на процессы развития польской экономики. Вместе с тем, рассматривая историю польской тяжелой промышленности Ковальчик анализирует ее развитие в известной мере изолированно от народного хозяйства России, в то время как уже по завершении эпохи реформ 1860–1870-х годов Царство Польское экономически было интегрировано в экономику Российской империи, будучи одним из шести ее наиболее промышленно развитых регионов. Принципиальное значение в концепции автора имеет и тезис о прогрессивной роли иностранных капиталовложений для технологического и структурного совершенствования польской экономики. Справедливо критикуя концепцию «экономической отсталости» и так называемой полукOLONIALности, автор упускает из виду, что уже на рубеже 1950–1960-х годов в советской историографии в дискуссии о роли иностранного капитала в России сформировалось ставшее в дальнейшем общепринятым «новое направление», согласно которому экспорт иностранного капитала способствовал в России формированию новых, технически передовых отраслей и организационных форм экономики страны (К.Н. Тарновский, А.Л. Сидоров, В.И. Бовыкин).

© 2015 г. Д.Г. Дмитриев

W. CHU. The German Minority in Interwar Poland. Cambridge; New York, 2012. 320 p.

В. Чу. Немецкое меньшинство в Польше в период между мировыми войнами

История немецкого национального меньшинства в Польше в период между двумя мировыми войнами находится в центре исследовательского интереса историков Германии и Польши. За последние годы ими созданы крупные труды, посвященные отдельным аспектам истории немцев в отдельных регионах Польши (Верхней Силезии, Познани, Центральной Польши, Волини). При этом уже достаточно давно не предпринималось попыток создать обобщающее исследование о польских немцах.

И вот, наконец, подобное исследование вышло из-под пера американского историка, профессора университета Висконсин (Миллуоки) Винсона Чу. Автор занимается исследованием отдельных аспектов истории немецкого меньшинства вот уже на протяжении более десяти лет, и сумел за это время стать одним из ведущих специалистов в своей области.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу, и состоит из шести глав, введения, заключения, библиографии, а также указателя имен и терминов.

Вполне понятно, что осветить все аспекты общественно-политической и культурной жизни немецкого меньшинства в Польше в межвоенный период в рамках одной книги крайне сложно. Автору необходимо было расставлять приоритеты, и он поставил в центр своего исследования историю немцев в Лодзинском районе.

Истории лодзинских немцев посвящены третья, пятая и шестая главы. При этом хронологически их материал выходит за рамки межвоенного периода: отправной точкой исследования Чу является 1900 г., а конечной – 2000 г. Однако такой хронологический разброс не вредит общей композиции книги. Автор справедливо подчеркивает, что история лодзинских немцев представляет собой отдельный историко-культурный феномен, который зародился до начала XX ст. Именно тогда Лодзь, с его немецким и еврейским населением, занятым в промышленности, стала «Вос-

точным Манчестером» или «Польским Манчестером» (с. 116). Здесь проживали по разным данным от 500 тыс. до 600 тыс. немцев. Крупнейшими центрами немецкого расселения и экономической активности были города Радом, Лодзь, Томашов. Небольшие немецкие диаспоры проживали в Варшаве, а также в некоторых восточнопольских районах, в частности, в Белостоке.

Метрополией национальных меньшинств Средней Польши и всего государства был индустриальный центр Лодзь. 30% от его населения составляли евреи и немцы. Для этого региона был характерен быстрый промышленный рост и урбанизация. Так, в 1921 г. в Лодзи проживали 452 тыс. чел., а в 1931 – более 600 тыс. В районе Лодзи немцы составляли до 70% среди занятого в промышленности населения. Всего здесь проживали ок. 180 тыс. чел. Это были, в основном, промышленные рабочие, текстильщики, ремесленники и мелкие собственники. Неслучайно, Лодзь была одним из центров социал-демократического движения в Царстве Польском и в независимой Польше. Даже в условиях экономического кризиса начала 1930-х годов немцы в Лодзи сохраняли сильные экономические позиции. Лодзь была также центром немецких банков и кредитных организаций: в 1925 г. их насчитывалось 80.

Немцы бывшего Царства Польского первыми делегировали своих депутатов в польский парламент (1919), претендовали в начале 1920-х годов на ведущие политические роли среди всех немцев Польши, что приводило к серьезным разногласиям с политическими лидерами Познани, Поморья и Верхней Силезии. Созданная Адольфом Айхлером Немецкая народная партия (*Deutsche Volkspartei*) была допущена к участию в первых выборах в польский сейм 1919 г., и даже завоевала два депутатских мандата. Однако в 1919 г. польские власти запретили эту организацию, а ее председатель А. Айхлер был вынужден

бежать в Германию. Преемниками Айхлера стали Август Утта, Людвиг Вольф старший и Эдуард фон Беренс. В начале 1920-х годов именно на фон Беренса и лодзинских немцев делали ставку в Берлине, рассчитывая создать единую политическую организацию для всех немцев в Польше. Однако, как это показывает автор, лодзинские немцы не были готовы к такой роли. Их лидеры Айхлер, фон Беренс, Вольф к середине 1920-х годов по разным причинам уже не были активны на территории Польши. А новые руководители предпочли сосредоточиться на внутренних проблемах (с. 124–126).

Приход к власти нацистов привел к резкой политической активизации немцев в Польше. В западных регионах страны активно действовала Младонемецкая партия Польши (Jungdeutsche Partei für Polen) во главе с инженером Рудольфом Виснером, которая стояла на национал-социалистических позициях, сохраняя при этом формальную лояльность польскому государству.

Автор справедливо подчеркивает, что лодзинские немцы были в массе своей чужды национал-социалистической агитации со стороны младонемцев, но они также оказались подвержены радикализации из-за столкновений с местными еврейскими организациями. После прихода к власти в Германии нацистов еврейские объединения в Лодзи призвали к бойкоту германских товаров. Апофеозом немецко-еврейского противостояния стали события 9 апреля 1933 г. – так называемого кровавого Вербного воскресенья, когда в Лодзи и других городах Средней Польши прошли антинемецкие акции, и даже дошло до погромов. Высшей точкой «кровавого воскресенья» стала демонстрация перед германским консульством с надругательством над нацистскими символами, а также штурм немецкой гимназии, которая была забросана камнями.

Анализируя этот непростой эпизод из истории немецко-еврейских взаимоотношений в Лодзи и округе, которые вплоть до этого момента характеризовались как добрососедские и спокойные, профессор Чу констатирует, что немецкая националистическая пресса возложила вину за произошедшее исключительно на евреев. Эта точка зрения имеет хождение и в современной историографии. С этим не согласен автор книги, который приводит факты о том, что активную роль в погромах сыграла не только организация сионистов Лодзи во главе с Д. Розенблаттом,

но и польская радикальная организация Союз обороны западных границ (Związek Obrony Kresów Zachodnich). Сами события «кровавого воскресенья» Чу склонен трактовать как провокацию, результатом которой воспользовались сторонники германских национал-социалистов.

Автор пишет, что «хотя лидер Немецкой народной партии Август Утта и получил разъяснения от Розенבלата, он все равно остался при своем мнении о роли Сионистской организации в событиях» (с. 214–215). В результате, с апреля 1933 г. прекратилось сотрудничество немецких и еврейских политических организаций. Этот день ознаменовал радикализацию лодзинских немцев, которые, как и немцы в других регионах Польши, стали все больше поддаваться националистической агитации и пропаганде, ощущать себя скорее немцами, нежели немецкоязычными гражданами Польской республики. Этим фактором активно пользовались в нацистской Германии, разжигая среди польских немцев ненависть и вражду по национальному признаку. Несмотря на некоторую стабилизацию германо-польских отношений после подписания германо-польского договора о ненападении 1934 г., немцы в Польше становились заложниками антипольских планов Гитлера.

Основное изложение материала книги заканчивается на событиях 1939 г., и в этом контексте Чу был вынужден обратиться к вопросу о том, сыграли ли польские немцы роль пятой колонны нацистов при нападении на Польшу? Однозначного ответа на этот вопрос автор не дает, констатируя лишь, что события «кровавого воскресенья» в Бромберге и прочие антинемецкие акции первых дней войны были национал-социалистической пропагандой для еще большего разжигания антипольских настроений, а данные о жертвах среди этнических немцев были многократно преувеличены (с. 249).

В заключительных разделах книги профессор Чу указывает на большое историческое значение в истории Польши межвоенных «лодзинцев», которыми он считает сообщество этнических немцев и евреев, сложившееся в этом регионе еще до 1918 г. Он полагает, что этих людей вполне можно считать «лодзинскими европейцами», которые сумели преодолеть расовые, национальные и религиозные барьеры (с. 275). Справедливости ради, следует отметить, что оснований для такого вывода в книге достаточно много. Тем не менее, он не продиктован общей канвой

изложения, в центре которого стоят все-таки польские немцы, история их общественно-политической жизни и деятельности в рамках Второй Республики.

В целом же следует констатировать, что мы имеем дело с современным, квалифицированным историческим исследованием. Достоверность приводимых профессором Чу фактов и аргументов определяется прекрасным знанием источников (он провел кропотливую работу в архивах Германии, Польши и США) и современной исследовательской литературы.

Рецензируемая книга написана по-английски, и при этом возникла проблема адекватной передачи имен собственных, в первую очередь – географических названий. Автор акцентировал на этом внимание в небольшом введении, где уточнил, что общепринятые названия, такие как

«Варшава», «Краков», «Померания» передаются им в английской транскрипции. Что касается локальных наименований областей и населенных пунктов, то здесь Чу использовал исторические немецкие названия: «Lodzer», «Posener», «Bielitzer» (с. XIX), что вполне объясняется спецификой предмета рецензируемого исследования.

Таким образом, мы имеем дело с первым крупным исследованием в американской историографии, посвященной истории немецкого национального меньшинства в Польше в период между двумя мировыми войнами. Остается пожелать автору увидеть перевод своего труда на немецкий и другие европейские языки. Книга, несомненно, будет интересна и российским читателям.

© 2015 г. С.В. Кретинин

Славяноведение, № 3

Н.И. БУХАРИН. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. 204 с.

Николай Иванович Бухарин – автор, хорошо известный полонистам. Он внес ощутимый вклад в изучение истории Польши второй половины XX – начала XXI вв., но главным образом советско-польских и российско-польских отношений указанного периода. Вот и недавно вышедшая в свет его монография рассматривает российско-польские отношения последнего двадцатилетия.

Книга состоит из трех глав, предисловия, заключения и приложения.

В предисловии обращается внимание на формирование за истекшее двадцатилетие новой системы международных отношений, подчеркивается актуальность осмысления современного состояния российско-польских отношений. Распад в конце 1991 г. Советского Союза и образование новой демократической России открыли новую главу в многовековых российско-польских отношениях. После окончания «холодной войны» пути двух стран в известной мере разошлись. Россия позиционирует себя в системе современных международных отношений как

самостоятельный экономический и политический центр. Польша же стала составной частью Европейского союза и членом НАТО. В польской историографии на общем фоне международных проблем весьма существенное место стала занимать так называемая восточная политика, а среди двусторонних отношений – прежде всего отношения с Россией.

Многогранность изучаемых процессов потребовала обращения к методам и приемам исследования социологии, политологии и экономики. Поэтому основным методологическим фундаментом настоящего исследования выступил междисциплинарный подход.

Глава I посвящена эволюции российско-польских политических отношений в период диверсификации геополитического пространства (1992–2011). Общей закономерностью их развития был нелинейный и циклический характер. Периоды политического сближения пришлось на 1992–1993 и 2002–2004 гг. Охлаждение двусторонних отношений наблюдалось в 1994–2001 и 2005–2007 гг. Причинами этого были ди-

намика политического маятника и расхождения в трактовке взаимных интересов. С 2008 г. можно говорить о начале нового, третьего цикла улучшения взаимных отношений.

В 1992–1993 гг., как отмечает автор, удалось создать договорно-правовые рамки новых российско-польских отношений, достичь прогресса в решении проблем прошлого, заключить соглашение о строительстве польского участка газопровода Ямал – Европа. Из страны были выведены российские части.

Однако 1994–2001 гг. из-за несовпадения стратегических интересов России и Польши по поводу расширения НАТО стали первым периодом длительного охлаждения российско-польских политических отношений (с. 30). В целом в 1990-х годах российская политика в отношении Польши и польская политика в отношении России были весьма противоречивыми. Польский политический класс подходил к России как к неустойчивой стране с долговременной дестабилизацией и пытался убедить свое общество и Запад, что по этой причине РФ является угрозой для других стран. Это использовалось как один из факторов поддержания стабильности в стране и аргументов для Запада, чтобы принять Польшу в НАТО.

В 2002–2004 гг. двусторонние политические отношения развивались в более конструктивном русле. Политический диалог на уровне глав государств, правительств, обеих палат парламентов велся постоянно. Тесно сотрудничали между собой министерства и ведомства. Были созданы и начали функционировать новые институты поддержания взаимных отношений (с. 37–44, 53).

Рассматривая российско-польские политические отношения в 2005–2007 гг., автор справедливо подчеркивает их охлаждение – после того, как в 1999 г. Польша стала членом НАТО, а в 2004 г. – ЕС. Польша на постсоветском пространстве активно проводила политику противодействия российским геополитическим интересам (с. 58). Вынудить Россию пойти на уступки Польше при помощи США и ЕС не удалось.

После 2008 г. российские власти, стремясь к дальнейшему улучшению отношений с ЕС, попытались изменить ситуацию. Во время визита президента России Д. Медведева в Польшу 6–7 декабря 2010 г. российской и польской сторонами было заявлено о переходе взаимоотношений в ближайшей перспективе на качественно

новый уровень развития и прагматизма (с. 63–65). В 2009–2011 гг. РФ сделала ряд важных шагов в направлении решения катунской проблемы. Это вначале сыграло важную роль в смягчении напряженности. Однако гибель в апреле 2010 г. в смоленской катастрофе президента Польши Л. Качиньского, результаты российского и польского расследований причин этой катастрофы изменили в польском обществе атмосферу вокруг российско-польских отношений в худшую сторону (с. 72).

На протяжении всего новейшего периода российско-польских отношений их развитие осложняли исторические проблемы, особенно значимые для польской стороны. Это дополнительно создавало взаимное недопонимание и недоверие. Однако в последние годы в этом направлении достигнут важный прогресс. Автор выражает надежду, что со временем оценка событий прошлого станет более рациональной, и она в меньшей степени будет вторгаться в текущие отношения, став сферой интереса историков, а не политиков и общественного мнения. Так, 58% россиян полагают, что основой взаимоотношений с Польшей должна стать современность (с. 188).

После вступления Польши в НАТО в двусторонних отношениях вопросы военно-политической безопасности перестали доминировать. На смену им пришли проблемы энергетической и геополитической безопасности. Ситуация может осложниться в случае размещения на территории Польши элементов американской противоракетной обороны. Автор предполагает, что соперничество между Россией и Польшей, Россией и Западом за влияние в Восточной Европе будет продолжаться ближайшие 10–15 лет. Инструментом борьбы Польши и Запада является политика ЕС «Восточное партнерство», России – Единое экономическое пространство, а затем Евразийский союз. В связи с ослаблением Евросоюза шанс победить в этой борьбе имеет РФ. Что касается энергетики, то, по мнению автора, она может стать объектом противоречий между Россией и Польшей на более длительный период (с. 70).

В главе II рассматривается становление и развитие новых торгово-экономических отношений. В целом период постиндустриального развития меняет основы экономического сотрудничества. Закладываются основы финансово-инвестиционного сотрудничества, научно-производственной кооперации, совместного вложения в инновационные проекты и человеческий капитал. Процесс согласования различных

экономических интересов обеих стран сохраняет свой противоречивый характер. Однако в последние годы, заключает автор, растет интерес польских компаний к прямым инвестициям в Россию. Появились польские предприятия, которые имеют собственное производство в России. Польский бизнес хотел бы также участвовать в технической реконструкции российской экономики в качестве самостоятельных поставщиков или кооперантов западных компаний (с. 126). Автор справедливо выделяет роль Польши как инвестора в российскую экономику, что весьма реально в региональном контексте – в сфере сотрудничества с Калининградской областью и в секторальном – строительстве и производстве стройматериалов, а также в торговле. Нельзя игнорировать и значительные успехи Польши в области внедрения инноваций.

В главе III анализируется научное сотрудничество и культурные связи России и Польши, а также динамика роста взаимопонимания общественности обеих стран. Автор констатирует, что сотрудничество в сфере науки – одно из наиболее плодотворных и стабильных в двусторонних российско-польских отношениях, особенно в последнее двадцатилетие, когда в других сферах чередовались то взлет, то падение. Взаимодействие по линии РАН и ПАН было и остается основным направлением российско-польского сотрудничества. К примеру, Протокол о научном сотрудничестве на 2011–2013 гг. по этой линии предусматривал совместную разработку 84-х проектов в области естественных, технических, общественных и гуманитарных наук (с. 131–132). Научно-техническое сотрудничество в рамках отраслевой науки координирует и направляет совместная Комиссия по научно-техническому сотрудничеству.

Из пяти комиссий по общественным и гуманитарным наукам сохранились только две – Комиссия историков России и Польши и Российско-польская комиссия ученых-экономистов. Более чем за 40-летний период работы Комиссия историков, несмотря на неоднократно возникавшие препятствия экономического и политического характера, ни разу не прерывала деятельности и активизировала ее в последние годы. Из числа совместных документальных публикаций последних 20 лет автор считает нужным выделить комплекс документов о войне 1919–1920 гг., материалы Особой папки по истории советско-польских отношений 1923–1944 гг. и событий

1939–1940 гг. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Четыре тома чрезвычайно важных для нормализации двусторонних отношений документов и материалов «Катынь» стали результатом сотрудничества российских и польских архивистов и историков. Особое внимание читателей автор обращает на плод тщательной совместной сопоставительной работы ученых экспертов двух стран по узловым проблемам XX в. «Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» (с. 135–136). Не менее важно согласование освещения истории Польши и России в российских и польских школьных учебниках в рамках совместной российско-польской комиссии по учебникам. В целом такая форма сотрудничества, как совместные научные конференции, симпозиумы, семинары, а также участие российских и польских ученых в международных конференциях в обеих странах является весьма популярной.

Автор делает вывод, что российско-польское научное сотрудничество вносит существенный вклад в налаживание и укрепление конструктивных добрососедских, партнерских отношений, помогает решению важных модернизационных и инновационных научно-технических и социально-экономических задач (с. 143).

Что касается культурных контактов и связей России и Польши, то с 1945 г. до начала 1990-х годов, их интенсивность на межгосударственном уровне достигла небывалых до той поры масштабов. Автор констатирует, что интерес к польской литературе и кино, культурному и политическому опыту, к изучению польского языка (что давало возможность ознакомиться и с выходящей на Западе литературой, не публиковавшейся в СССР) прежде всего был следствием особого восприятия российской интеллигенцией Польши и всего польского как «окна в мир».

Период системной трансформации 1990-х годов, сокращение финансирования культурных мероприятий со стороны обоих государств, коммерциализация культурных отношений несколько ослабили интенсивность культурного обмена между Россией и Польшей, однако в соответствии с соглашением между правительствами двух стран о сотрудничестве в области культуры, науки и образования 1993 г. было вновь продолжено активное стимулирование развития двустороннего культурного сотрудничества. А с началом нового века эти отношения переживали

период расцвета, причем во всех областях культуры. Протокол о сотрудничестве между министерствами культуры России и Польши на 2009–2012 г. содержал около 20 одних только направлений сотрудничества. Получила распространение новая форма массовых контактов: Сезоны и Годы русской культуры в Польше, Сезоны и Годы польской культуры в России (с. 166). Как было показано автором монографии, эти культуры не только близки друг другу, но и все более популярны в обществах обеих стран. Культурные связи способствуют преодолению негативных стереотипов и фобий между россиянами и поляками.

Несомненный интерес представляет часть главы, посвященная рассмотрению вопросов самоидентификации российского и польского народов, а также динамике их представлений друг о друге. Этой проблеме в расширяющемся в последнее двадцатилетие поле исследований российско-польских отношений уделяется все большее внимание. Сложные процессы двадцатилетнего периода трансформаций в России и Польше внесли существенные изменения в представления общества обеих стран и о самих себе, и о друг друге. Автор делает вывод, что идентичность современной России неоднозначна и противоречива. Она представляет собой не «плавильный котел» (как, например, в США), а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого нынешней Россией полностью не отвергнут. Существующая неопределенность с национальной идентичностью России влияет и будет влиять негативно и на отношения РФ с Польшей (с. 171–172).

В современном обществе политика и история тесно связаны между собой. Как заключает автор монографии, различие исторических оценок у соседей – это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. Единственный способ преодолеть нарастание отчужденности между народами – это непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем вызывающим разногласия вопросам общей истории и двусторонних отношений. Россияне должны по-новому понять Польшу и поляков, а поляки – Россию и россиян.

Задаваясь вопросом, каков же баланс более-менее устоявшихся оценок обеими сторонами друг друга, автор приводит данные и вывод совместного исследования Левада-центра и польского Института общественных дел (ноябрь 2011 г.): многовековое соседство сформировало спокойное,

нейтральное или умеренно положительное восприятие (с. 174–175).

К сожалению, школьные учебники и киноиндустрия в обеих странах в раже популяризации отдельных фрагментов исторической памяти пытаются культивировать эпизоды противостояния русских и поляков. Историю России в российских учебниках сейчас чаще трактуют как историю страны-победительницы, в то время как в польских учебниках ряд периодов истории Польши преподносится как история страны-жертвы, где Россия выступает в роли палача и оккупанта. Что-то делается по инерции, отмечает автор, но существуют общественные круги, которые сознательно готовы исказить факты истории советско-польских отношений ради актуализации «образа врага».

После вступления Польши в Евросоюз и НАТО, победы В. Ющенко на президентских выборах на Украине (и, хочется добавить, последних событий в этой стране), и как следствие охлаждения польско-российских политических отношений восприятие официальной России в польском обществе ухудшилось, в адрес РФ посыпались претензии. Недоверие к России достигло пика за всю новейшую историю польско-российских отношений. Польша чувствовала себя уязвленной недооценкой со стороны России ее нового статуса региональной державы, которая достигла серьезных успехов в социально-экономической сфере и в развитии демократии (с. 180–182). Как подчеркивает автор монографии, в самое последнее время в России углубился процесс осмысления роли и места Польши в Европе. Польша воспринимается с одной стороны как член Евросоюза, находящийся в германской зоне экономического доминирования, как ближайший союзник США в континентальной Европе, с другой – как периферийная по отношению к Западной Европе страна, которая стремится сдвинуться в центр Европы, предложив восточным соседям роль своей периферийной зоны. Польша все еще является заложником большой игры западных стран и России.

Среди элит двух стран идет процесс осмысления заново сходств и различий между русскими и поляками, места Польши в российском сознании и места России в польском. Исторически сложившаяся политическая культура россиян и поляков, как и их национальный характер, сохраняет существенные отличия, они в определенной мере по-разному оценивают свое прошлое и видят будущее. Однако, заклю-

чает автор, это не должно быть препятствием для развития отношений на принципах добрососедства и партнерства. На это направлена, в частности, и деятельность параллельных и взаимодействующих друг с другом Центров диалога и согласия, созданных по постановлению президентов двух стран.

В заключении автор делает общий вывод, что российско-польские отношения в ближайшем будущем по-прежнему не будут простыми. Однако уже со всей очевидностью просматриваются перспективы их прагматичного конструктивного регулирования во благо интересов обоих народов.

Таким образом, автором монографии Н.И. Бухариным была проведена большая работа по сбору, систематизации, обобщению материалов на избранную им актуальную тему российско-польских отношений последнего двадцатилетия. В монографии широко используется рос-

сийская и польская историография, многочисленные материалы прессы, интернета. Автору удалось, как представляется, дать объективный взгляд на столь сложную и противоречивую проблему. Книга написана хорошим языком, читается с интересом.

Однако некоторое неудовлетворение вызывают неоднократные повторы.

В приложении отражен творческий путь и облик ученого – Н.И. Бухарина (1945–2012). Материалы, подготовленные С.П. Глинкиной и И.С. Яжборовской, дают представление о его вкладе в российскую науку (с. 190–196). Воспоминаниями делятся проф. В. Матерский (ПАН) и А.С. Ципко. В целом книга представляет несомненный интерес для специалистов и широкого круга читателей.

© 2015 г. *О.Н. Майорова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАРОДНАЯ ПРОЗА В СЛОВАКИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ» БРАТИСЛАВА, 8–9 ОКТЯБРЯ 2014 г.

8–9 октября 2014 г. в Братиславе прошла Международная конференция «Народная проза в Словакии в контексте истории славистики» («Ľudová próza na Slovensku v kontexte dejín slavistiky»). Ее организаторами выступили Институт славистики Яна Станислава САН, Центр духовности Восток–Запад Михала Лацка Теологического факультета Трнавского университета (как отделение в г. Кошице).

Целью конференции было представить ключевые фигуры славистики, деятельность которых не только повлияла на развитие славяноведения как науки, но и была связана с началом фиксации и издания фольклорных произведений, теоретическим осмыслением фольклора, в первую очередь, словацкой сказки. В центре внимания на конференции было творчество, исследовательская и издательская деятельность Павла Добшинского (1828–1885), евангелического священника, собирателя фольклора и народной духовной культуры, писателя-романтика (в 1880 г. вышла его книга «Простонародные словацкие обычаи, поверья и игры»), а с 1880 по 1883 гг. он издал восемь выпусков словацких сказок – «Словацкие простонародные повести»).

Ряд докладов был посвящен славянскому культурному пространству в аспекте взаимодействия и пересечения христианских и дохристианских традиций: народным религиозным представлениям и ритуалам в системе христианских обрядов, латинской и византийской агиографии и ее включению в фольклорный контекст, народным «практикам» и языческо-христианскому синкретизму, взаимодействию устной и письменной культуры. Отдельный блок составили доклады о ранних собраниях фольклорных текстов в Словакии, о принципах изучения и издания, классификации и каталогизации фольклорных текстов, о значении классического фольклорного наследия для современных исследований. Ряд выступлений был посвящен религиозным образам и символам в славянской культуре, конфессиональной полемике и формам религиозных практик.

На конференции прозвучало 23 доклада. Первое заседание открыл большой доклад классика словацкой фольклористики *В. Гашпариковой*, которую в Словакии называют «Коко Шанель словацкой сказки», на тему «Размышления о проблемах изучения народных сказок». Свои профессиональные мысли о фольклоре, изучением которого Гашпарикова занималась практически всю свою жизнь, докладчица умело вплетала в ткань автобиографического повествования, в рассказ о своей семье, о современниках и учителях и о том времени, когда происходило ее становление как ученого.

Д. Текелиова (Институт славистики Яна Станислава САН, Братислава) доклад «Собрание народной прозы Франтишека Шуянского – лингвистические и фольклорные аспекты» – посвятила исследованию собирательской деятельности Ф. Шуянского (1832–1907), католического священника, энтузиаста и организатора науки, собирателя словацких этнографических, фольклорных, лингвистических материалов (паремии, сказки, нарративы),

одного из основателей Матицы Словацкой, активного организатора славянской выставки в Праге, 70 % наследия которого осталось в архивах в виде рукописных материалов.

Я. Пацалову (Институт словацкой литературы САН в Братиславе), исследовавшую «Тисовские кодексы в собраниях сказок Павла Добшинского», интересовали вопросы текстологии фольклора, изучение первоисточников опубликованных и дополненных П. Добшинским текстов сказок; классификация и атрибуция сборников сказок середины XIX в., анализ вошедших в них произведений. Докладчица сравнила сказки Добшинского с текстами из так называемых Кодексов, рукописных собраний сказок, которые начали появляться в Словакии с начала 1840-х годов по инициативе С. Реусса, но в первую очередь, с «Тисовским кодексом». Анализировались принципы отбора сказок для публикации, предпочтение вариантов одной сказки, наличие языковых редакций и рабочих версий, редакторские пометы.

К. Женохова (Институт славистики Яна Станислава САН, Братислава) познакомила слушателей с подготовленным в Институте славистики САН новым научным изданием «Собрание народных нарративов С. Цамбела» (книга вышла в свет в конце 2014 г.). Нарративы представляют собой диалектные тексты, интересные не только для фольклористов, но и для диалектологов. Новая публикация дополнена текстами из рукописного собрания С. Цамбела, не публиковавшимися ранее, а также снабжена исследованием и комментариями.

М. Боцанова (университет свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве) в докладе «Значение собрания Й. Поливки для современных фольклористических исследований» поделилась результатами анализа текстов, собранных этим известным чешским филологом. Отмечая, что Поливка выступал за аутентичные записи текстов, без стилистических, лексических и других исправлений, докладчица задалась вопросом, почему же при публикации тексты редактировались и исправлялись. Боцанова отметила, что существуют естественные различия между устной и письменной традициями, имеющими свои сферы функционирования. Этим объясняются и различия восприятия, свойственные собирателю, представителю письменной культуры, и информантам, представителям устной культуры. В качестве примера различия в функционировании устного и письменного стилей докладчица привела употребление частицы *a* в начале фразы устной речи, которая играет не столько стилистическую, сколько просодическую функцию, обозначая начало фраземы.

Г. Глошкова (университет Коменского в Братиславе) представила доклад «Творчество Яна Калинчяка в контексте литературного фольклоризма». Под литературным фольклоризмом понимается широкая палитра и глубина взаимосвязей устной и письменной форм словесности. Материалом для доклада послужила корреспонденция Яна Калинчяка (1822–1871), которого называют «создателем словацкой романтической прозы и поэзии» и «теоретиком романтизма в словацкой литературе», к исследованию также привлекались сформулированные Каленчяком положения о функции литературного творчества.

П. Зубко (Институт славистики Яна Станислава САН, Братислава) в докладе «Теологический взгляд на сказки Добшинского» отметил, что в сказках сохраняются и передаются также христианские ценности, в частности, в них можно найти библейские заповеди (не прелюбодействуй, не укради, почитай отца и мать своих и т.п.), осуждается инцест; но убийство, например, явно не осуждается. В сказках докладчик нашел параллели с библейскими сюжетами, например, о Содоме и Гоморре, о змее около древа, об убийстве невинных младенцев, о рождении Иоанна Крестителя и т.п. Были отмечены также примеры агиографических соответствий, христианской демонологии и даже черной магии. Этот вид «сказочной» теологии докладчик назвал «онародненной» и «деформированной», с чем нельзя не согласиться.

Л. Габор (университет Матяя Бела в Банской Быстрице) в докладе «Балаж из “Простонародных словацких повестей” П. Добшинского: языческо-христианский синкретизм как возможная схема объяснения народной сказки» проанализировал христианские и языческие мотивы в одной сказке из собрания Добшинского и предложил трактовку имени героя – *Балаж* в связи с именем Власий (словац. *sv. Blažej*) и с теонимом Волос. Докладчик пытался реконструировать в разбираемой сказке древнейшие индоевропейские

мифологические сюжеты и концепты, включая мотив змеборчества ради установления космического порядка.

М.М. Валенцова (Институт славяноведения РАН, Москва) посвятила выступление «Обман: сказочная функция, фольклорный мотив и магический прием (на материале сказок П. Добшинского)» одному концепту традиционной народной культуры. Основное внимание было уделено функциям ритуального обмана в магии против смерти («продажа», «подбрасывание» новорожденного, объявление рождения не ребенка, а волчонка, называние ребенка «звериными» именами), обмана с целью оберега роженицы или невесты и др. Было показано, что эти магические функции обмана, известные в разных славянских культурах и в разных жанрах народного творчества, представлены и в словацких народных сказках из собрания П. Добшинского.

О.В. Белова (Институт славяноведения РАН, Москва) в докладе «Народно-христианские легенды этнокультурного пограничья» рассмотрела локальные варианты общеславянских этиологических сюжетов (о сотворении мира и земного рельефа, о происхождении смерти, пасхальных яиц, об уменьшении хлебного колоса), бытующих на пограничье восточно- и западнославянских ареалов; текстологический анализ этих легенд позволяет выделить в них специфические черты, обусловленные особенностями локальных традиций.

Ж. Янковская (Национальный университет «Острожская академия», г. Острог) в докладе «Рецепция архетипических образов в украинской прозе 30–60-х гг. XIX столетия» затронула проблемы фольклористичности литературы, использования фольклора в литературном творчестве, переосмысления фольклора в авторских произведениях, проблему народности и др. В качестве примера в докладе разбирался архетип «хлеб», контексты употребления этого слова и его значения, как литературные, так и народные (оказиональные, обрядовые).

Я. Постпишлова (Институт этнологии АН ЧР, Брно) посвятила свой доклад «Демонологические повести о домовой змее (*had-hospodářiček*) из региона моравско-словацкого пограничья» одному из популярных персонажей народной мифологии. Докладчица указала на место сюжетов о домовой змее в каталогах чешского (составитель Ян Луффер) и мирового фольклора (составитель Г.-Й. Утер), представила обзор обширной литературы об этом сюжете (Ч. Зибрт, А. Вацлавек, Й.В. Громанн, Д. Климова и др.). Особенно интересными были нарративы, записанные в Моравии во время полевых исследований 70-х годов XX в.; с некоторыми текстами Поспишлова ознакомила участников конференции.

М. Голема (университет Матей Бела в Банской Быстрице) исследовал элементы двоеверия в календарной обрядности. В докладе «Смертное воскресенье – христианские и дохристианские элементы в постовых весенних девичьих обрядах и играх у западных славян» он предложил возможный источник символики и семантики народного обряда «выноса Морены», который он усматривает в литургических текстах, в частности, в текстах и иконографии о Марии Египетской, память которой празднуется во время Великого поста. Докладчик обратил внимание также на то, что в Средневековье священник участвовал в народном обряде, а также на слово *mazanec* ‘пасхальный кулич’, которое, по его мнению, коннотативно связано с чином миропомазания.

Ш. Маринчак (Центр духовности Восток–Запад Михала Лацка в Кошицах, теологическая кафедра Трнавского университета) представил доклад «Народная вера и христианская литургия в славянской среде», проследив последовательно по историческим документам языческие восстания и другие проявления сопротивления христианизации в западнославянских землях, переставшие упоминаться только в начале XII в. В более поздних церковных материалах еще встречались запреты для священников участвовать в языческих обрядах (например, «вести в храме и на кладбище танцы»), из чего можно заключить, что дохристианские элементы еще долго сохранялись в народно-христианской культуре и частично включались в церковную практику.

Доклад *Т. Мрнявека* (Апостольский экзархат греко-католической церкви в Чешской Республике, Прага) «От храма к костелу, от язычника к христианину» также был посвя-

щен историческим и философским вопросам христианизации и евангелизации западно-славянских народов (в сравнении с другими регионами Европы и Малой Азии).

«Византийско-славянская апокрифическая литература и ее влияние на фольклор и иконографию Центральной и Восточной Европы» – тема доклада Э. Коцой (Институт культуры Ягеллонского университета в Кракове), которая познакомила с результатами своих исследований в области иконографии византийского обряда с территории Восточной Словакии (греко-католические и православные храмы) и Румынии. Докладчица отметила, что влияние византийской культуры («византийского низового христианства») в X–XVI вв. привело к проникновению в центральную и северную Европу псевдоканонических текстов, апокрифов, астрологических и литературных произведений, которые нередко включались в литургические книги и находили отражение в иконографии (сюжеты, связанные с рукописанием Адама, детством Богородицы, рождением Христа, сошествием во ад и др.).

Доклад Т. Пешека «Образ римского императора и почитание икон – связи и вдохновения» ставил целью проследить развитие идеи и практики поклонения иконам. Докладчик рассказал об изменении философских воззрений на почитание икон и креста – воззрений, связанных с вопросами подобия и идентичности, единосущия Бога и Богочеловека, символики Христа и др. Ранние христианские писатели эпохи Юстина (мученика) осуждали иконопись (т.е. изображение духовных сущностей «мертвыми» красками), позже Лактанций высказал мысль о воспитательной функции икон, еще позже появились сведения о почитании креста, которое способствовало утверждению почитания икон (VI–VII вв.). Возникшее в Византии в VIII в. иконоборчество вновь сменилось иконопочитанием, закрепленным II Никейским собором в 787 г.

Т. Франтишек Краль (Южночешский университет в Чешских Бudeёвицах) в докладе «Естественное познание Бога и призыв к изменению точки зрения» предложил философско-религиозное размышление об основных способах познания жизни – теологическом и естественнонаучном (логические и образные механизмы познания). Познание, по мнению докладчика, возможно двумя способами: путем сложения фрагментов, фактов вокруг точки зрения и наоборот – как раскручивание спирали познания вширь до постижения сути. Одним из центральных вопросов познания мира является вопрос познания Бога. Бог проявляется в реальном мире, а исследователь, читая знаки присутствия Бога, по-своему трактуя их, открывает Бога в мире.

О.Н. Афиногенова (Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Москва) посвятила доклад «Богомильское сказание об архангеле Михаиле» греческому апокрифу XVI в. – «Слову об архангеле Михаиле». Сюжет его – о противостоянии Бога и Сатаны, о соблазнении ангелов Сатаной и победе Бога – включает «человеческие» пороки в действиях божественных персонажей: Сатана крадет у Бога магическое одеяние, дающее силу; Бог благословляет Михаила на обман («на хитрость»), в результате архангел добывает одежды Сатаны и приносит их Богу. Докладчица проанализировала варианты апокрифа, показав, что ни один из них не мог быть прототипом греческого текста, в котором явно проявились богомильские черты. Видимо, существовала еще одна, пространная славянская редакция этого апокрифа, с которой и был сделан греческий перевод. Этот текст является одним из редких случаев перевода со славянского языка на греческий.

В. Бугель (Кирилломефодиянский теологический факультет университета Палацкого в Оломоуце) посвятил доклад «Между деконструкцией христианской литургии и возвратом к естественной религиозности – ритуалы русских беспоповских сект» особенностям одной конфессиональной традиции. Докладчик затронул вопрос генезиса богослужения у беспоповцев: появились ли народные элементы в литургии извне и впоследствии были канонизированы, или эти элементы были заимствованы из канонизированных форм и приспособлены к новым условиям. Докладчик также привел ряд интересных данных о разных старообрядческих сектах.

Теме старообрядчества был также посвящен совместный доклад Я. Новаковой и М. Ржоутила (Институт славистических и восточноевропейских исследований Карлова университета в Праге) «Сожгли свои тела, однако души в руки Божьи отдали»: к ранней

теологической полемике русских старообрядцев о смерти самосожжением». Приводились материалы о случаях добровольного самосожжения в России в среде староверов, считавших такую смерть евхаристией огнем. В докладе разбиралась полемика, направленная на поддержку или осуждение подобных практик.

С. Вашичкова (Институт славистики Яна Станислава САН, Братислава) в докладе «Апокрифы в Углянских рукописях» рассмотрела Углянский кириллический сборник XVII в. под названием «Ключ». Рукопись, помимо апокрифических повестей, содержит проповеди, поучения, отрывки слов отцов церкви и другие тексты, в частности, рассказ о судьбе Пилата. Ряд текстов, помещенных в рукописи, был отнесен в разряд «отреченных», другие тексты признавались церковью, хотя каноническими не считались.

На конференции также состоялась презентация доклада писательницы Наталии Карлински (Словацкая и Чешская Ассоциация, Мериленд, США) «Словацкая народная проза в США и современная литература», посвященная использованию сюжетов фольклора и «устной истории» в авторском творчестве (литература для детей и юношества) и в преподавательской деятельности.

Каждый доклад вызывал оживленную дискуссию как на секционных заседаниях так и в кулуарах. По материалам конференции готовится сборник статей.

© 2015 г. *О.В. Белова, М.М. Валенцова*

К ЮБИЛЕЮ РИТТЫ ПЕТРОВНЫ ГРИШИНОЙ

25 марта – юбилейная дата в жизни Ритты Петровны Гришиной, доктора исторических наук, ведущего российского историка-болгариста. Юбилейные дни – прекрасный повод рассказать о коллеге, чья научная и общественная деятельность неотделима от нашего Института.

Не просто бывает выделить главное в характере и личности человека. Говоря о Ритте Петровне, прежде всего, следует отметить ее колоссальное трудолюбие.

В 1948 г. после окончания средней школы Ритта Петровна поступила на исторический факультет МГУ. Учиться было интересно, ведь на истфаке в 1950-е годы преподавали историки, чьи имена по праву стали гордостью отечественной исторической науки. Сама атмосфера факультета, традиционно строгая и одновременно доброжелательная, требовательное внимание маститых профессоров к молодым «коллегам», выраженная готовность к сотрудничеству благоприятно действовали на молодежь, формировали уважительное отношение к учителям и их научным позициям, друг к другу.

Избрав специализацию по кафедре истории южных и западных славян, Ритта Петровна не случайно обратилась к этой малой балканской стране: к тому времени у нее уже определился стойкий интерес к истории политических и общественных движений на рубеже XIX–XX ст. На «отлично» была защищена и дипломная работа «Аграрная реформа правительства Стамболийского в Болгарии (1921 г.)», написанная под научным руководством И.Н. Частухина, энтузиаста крестьянской проблематики. Заметим, что интерес к истории крестьянской партии БЗНС сохранялся у Ритты Петровны и в дальнейшем, на всех этапах научной деятельности, естественно, подпитываясь новыми разработками болгарских и отечественных исследователей, выявлением и изучением не известных ранее документов.

В ноябре 1957 г.: Ритта Петровна была зачислена в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. ««Пришла в науку», – вспоминает Ритта Петровна, – с молодежеским восторгом и боевым устремлением разрешить, наконец, запутанный македонский вопрос». Пыл попытался было охладить научный руководитель Михаил Абрамович Бирман, авторитетный ученый, отлично понимавший, что «неудобная» македонская тема по конъюнктурным, главным образом, политическим, причинам была обречена на неудачу.

Сложно себе представить, но факт есть факт: молодая, еще неоперившаяся аспирантка настойчиво стремилась отстоять свою позицию. Почти полгода решался вопрос о теме будущего диссертационного исследования. Научный руководитель и его подопечная стояли каждый на своем до тех пор, пока в спор не вмешался директор Института И.А. Хренов. Иван Александрович своей властью задал новый ориентир – изучать рабочее движение в Болгарии в межвоенный период, сосредоточившись на слабо разработанных вопросах. Как раз к тому времени «подоспел» второй том академического издания «Истории Болгарии», в котором оказалось немало исследовательских лагун. Разочарование (не удалось отстоять свою тему!) сменилось, как вспоминает Ритта Петровна, «молодым задором», амбициозным стремлением написать «не хуже», чем авторы солидного тома. Но по мере погружения в материал возникали исследовательский интерес, желание разобраться в

происходивших процессах, «навести на резкость» многие недостаточно проясненные факты и события.

После нескольких лет работы, в 1963 г. успешно была защищена кандидатская диссертация «Рабочее движение в Болгарии в 1928–1931 гг.». Обретение нового научного статуса Ритта Петровна встретила, будучи уже в штате Института, куда была зачислена в 1961 г. Отмечая «деловые качества и научную квалификацию» Гришиной, об этом ходатайствовал в конце 1960 г. заведующий сектором новейшей истории Любомир Борисович Валев.

В секторе Валева хронологические рамки исследований Ритты Петровны заметно расширились: она изучала революционный процесс в Болгарии после Второй мировой войны, анализировала соотношение классовых и политических сил в стране, события 9 сентября 1944 г., именовавшиеся тогда «революцией». Результатами явились замечательные специалистами статьи в исторической периодике и научных сборниках. Не забывала Ритта Петровна и о любимом межвоенном периоде, обратившись к сравнительному анализу событий в Болгарии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в России в канун Октябрьской революции.

Постепенно внимание Ритты Петровны сосредоточивается на новом направлении исследований, ставшем на длительное время главным, – феномене болгарского фашизма. Стимулом к его изучению явились работы немецких историков, а также советских специалистов по истории Италии, Румынии, Германии. Всегда внимательно следившая за новыми тенденциями в европейской историографии Ритта Петровна не могла не отметить появление таких работ. Получив возможность ознакомиться с болгарскими архивами, она с головой окунулась в новую тему. Итогом стал ряд статей и монография «Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 гг.», которую, по ее собственному признанию, Ритта Петровна написала неожиданно легко и быстро. Книге, однако, была уготована непростая судьба. Попытки издать ее на родине не были успешными: «пробить» издание не удавалось в течение нескольких лет, и книга увидела свет только в 1976 г. При решающей поддержке крупнейшего болгарского историка академика Димитра Косева монография была издана на русском языке в Софии. В предисловии к книге Косев отметил научное значение появления «первого в исторической литературе многопланового монографического исследования [...] может быть самого сложного этапа развития фашизма в Болгарии», «внесенный ее автором вклад в научную разработку важной темы». В 1978 г. в Софии монография была защищена как докторская диссертация.

Если на родине основные дискуссии пришлось на период подготовки книги к изданию, то в Болгарии острую полемику вызвало ее появление уже на книжных прилавках и в библиотеках. И до этого в болгарском обществе неоднократно вставал вопрос о фашистском прошлом страны. В 1967–1968 гг. журнал «Исторически преглед» предоставил страницы участникам первой специально организованной дискуссии о фашизме. В ней приняли участие известные болгарские историки В. Хаджиниколов, Я. Йоцов, Н. Генчев, Ж. Натан, политические деятели-современники событий 1920-х гг. Д. Казасов, К. Георгиев и др. Острые споры не устранили противостояния оппонентов, хотя фашистский характер буржуазных правительств Болгарии в целом был поставлен под сомнение.

Вполне естественно, что книга Ритты Петровны не могла не привлечь внимания болгарских историков. Главным ее оппонентом стал Владимир Мигев, которого позднее в национальной историографии назовут «одним из немногих непредубежденных историков того времени».

Упомянутые научные споры, как в нашей стране, так и за рубежом, не только стимулировали дальнейшее изучение проблемы, но и выявили необходимость выработать культуру ведения дискуссии: желание слушать и слышать оппонента, внимательно анализировать его аргументацию, способность признавать убедительность доводов. С конца 1970-х годов Ритта Петровна неоднократно возвращается к проблематике болгарского фашизма, углубляет и уточняет свою позицию, которая становится в результате более взвешенной.

При этом точки зрения российских и болгарских ученых сблизились. Оценки политических режимов в межвоенный период и в годы Второй мировой войны как фашистских

болгарские историки признают устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой и реанимируемым время от времени явно с политическими целями. Пересмотрела свои оценки и Ритта Петровна, признав наличие в Болгарии в рассматриваемый период буржуазно-демократических режимов с сильными авторитарными «вкраплениями», вплоть до проявления фашистских тенденций.

Новый этап исследований начался, когда Ритта Петровна перешла в сектор истории межвоенного периода, руководимый Иваном Ивановичем Костюшко. С присущим ей энтузиазмом Ритта Петровна принялась осваивать проблематику, связанную с формированием политических систем, межпартийной борьбой и социальной дифференциацией общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Один за другим выходят сборники статей, в подготовке которых она принимала непосредственное участие. Не все выводы и оценки этих работ, написанных с позиций марксистско-ленинских методологических трактовок общего кризиса капитализма, выдержали испытание временем. Но введение в научный оборот новых документальных источников и попытки авторов на их основе переосмыслить устоявшиеся выводы, выйти за «красные флажки» конъюнктурных и политизированных оценок выделяли эти публикации из череды привычных, стали своего рода переходными к новой исследовательской парадигме.

В марте 1988 г. Ритта Петровна возглавила сектор истории межвоенного периода, (позднее – сектор истории межнациональных и международных отношений), которым руководила до середины 1998 г. В то время основной для коллектива стала многоаспектная тема «Общество стран Центральной и Юго-Восточной Европы на историческом переломе», предполагавшая тщательное изучение революционных потрясений, вызванных Первой мировой войной, образования национальных государств и национально-территориальных противоречий в регионе. Выявилась необходимость по-новому осмыслить исторический потенциал и деятельность реформистских партий, исследовав предлагавшиеся ими пути выхода из войны и собственные концепции послевоенного миропорядка. Результатом явилась вышедшая в 1994 г. коллективная монография «Европейское социалистическое движение 1914–1917. Разрубить или развязать узлы?», в которой Ритта Петровна выступила и как автор, и как ответственный редактор.

Будучи известным и авторитетным исследователем проблем региона, Ритта Петровна оставалась, прежде всего, историком-болгаристом. Поэтому невозможно было представить написание без ее участия «Краткой истории Болгарии (С древнейших времен до наших дней)» в серии страноведческих трудов Института (1987) или книги «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (2003), где ей принадлежат разделы по межвоенному периоду. Из-под пера Ритты Петровны вышел и один из первых в отечественной историографии биографических очерков о царе Болгарии Борисе III (1993).

Еще одним важным направлением научной работы Ритты Петровны стало обращение к проблеме национальных меньшинств после Первой мировой войны. Нельзя не назвать в связи с этим изучение политико-правового статуса мусульман в Болгарии и македонского вопроса, к «разрешению» которого так стремилась Ритта Петровна в аспирантские годы. В ходе советской перестройки ситуация в исторической науке изменилась, а после создания в сентябре 1991 г. суверенной и самостоятельной Македонии и признания ее независимости Россией возникла настоятельная необходимость представить читателю прошлое и настоящее молодого государства. В 1997 г. вместе с македонскими коллегами был опубликован сборник документов «Македония. Путь к самостоятельности», а в 1999 г. свет увидел первый в российской историографии комплексный труд «Македония. Проблемы истории и культуры». Ответственным редактором последнего была назначена Ритта Петровна. Глубокое знание ею документов и литературы, способность с неожиданного ракурса рассмотреть то или иное явление, скрупулезно анализировать факты и отстаивать собственную позицию во многом определили этот выбор и способствовали успешному решению исследовательской задачи. В издании Ритта Петровна выступила и как автор одной из статей, вводя в научный оборот некоторые, не известные прежде документы Коминтерна.

В начале 1990-х годов в России началась «архивная революция», которую Ритта Петровна встретила с энтузиазмом. Стремясь содействовать формированию качественно новой источниковой базы исследований, Ритта Петровна инициировала подготовку фундаментальной двухтомной публикации документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции» (2000, 2003). Выявленные в фондах Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) десятки документов, снабженные основательными научными комментариями, составили основу издания. Впервые перед заинтересованным читателем и специалистами предстала панорамная картина деятельности балканских коммунистических партий, их связей с Коминтерном и РКП(б), стремившимися с помощью «подпольной дипломатии» и спецслужб разжечь в 1920-е годы пожар «балканской революции». Удивительно, что столь масштабную публикаторскую работу вынесли на своих плечах всего двое – Ритта Петровна и Маргарита Николаевна Черных.

Теперь перед учеными открылась возможность по-новому организовать работу над публикацией: отбросить былые догмы и запретительные установки, не зависеть от указаний идеологических инстанций, руководствоваться сугубо научными критериями. Конечно, нельзя говорить, что «архивная революция» решила все вопросы, связанные с выявлением и отбором документов, устранила все преграды, но ситуация изменилась в корне, хотя и ненадолго. К счастью, и «микроколлектив» (Гришина–Черных), и некоторые другие сотрудники Института успели отчасти воспользоваться наступившими изменениями. Инслав по праву гордится осуществленными в те годы документальными публикациями, активно используемыми исследователями и получившими высокие оценки в научном сообществе.

Рассказ о творческом пути Ритты Петровны будет неполным, если не отметить ее роль в создании серии трудов «Человек на Балканах». Являясь генератором замысла, она стала не только автором статей по широкому кругу вопросов, но и бессменным редактором изданий. Начиная с 2002 г., выпущено восемь книг, посвященных проблемам модернизации и традиционализма, устойчивости мироощущения балканских народов и переломов в нем, балканской специфике участия государства и его институтов в модернизационных процессах XIX – начала XX вв., роли религии в достижении социальных и политических целей, проявлениям в политике особой балканской ментальности и пр. Участие в их написании не только историков, но и культурологов, этнологов, демографов, социологов, литературоведов обеспечило междисциплинарный характер трудов, вывело их на современный уровень исследований, привело к формированию дружного и увлеченного коллектива с высоким творческим потенциалом. В ходе работы над серией родилась и индивидуальная монография Ритты Петровны – «Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX – начало XX вв.» (2008).

Заметно участие Ритты Петровны в работе журнала «Славяноведение». Многие годы она является членом редколлегии. Стремясь содействовать сохранению лучших традиций академического издания, она не жалеет времени, чтобы внимательно знакомиться с материалами, поддерживает оригинальные и новаторские публикации, помогает молодым исследователям, хотя и далека от снисходительности, и, главное, никогда не бывает равнодушной. Все эти качества высоко ценят и коллеги, и сотрудники журнала.

Нельзя не сказать о большой научно-организационной деятельности Ритты Петровны в двусторонней Комиссии историков России и Болгарии. Более 15 лет она является заместителем председателя ее российской части. В истории Комиссии было немало трудных периодов. В начале 1990-х годов работа вообще была приостановлена почти на пять лет. Затем Комиссия, можно сказать, обрела «второе дыхание». В ее активе проведение таких научных мероприятий, как крупные форумы, посвященные 120, 130 и 135-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., тематические конференции и заседания «круглых столов». Масштабными конференциями в Софии и Москве Комиссия откликнулась на проведение Года России в Болгарии (2008) и Года Болгарии в России (2009). В 2012 г. российские болгаристы участвовали в научных мероприятиях в Софии, посвященных 100-летию Первой Балканской войны, а в 2013 г. – в международной конференции «135 лет спустя: Болгария – Россия – Евразия».

Высокую эффективность подтвердила такая новая форма научного сотрудничества, как совместные исследовательские проекты, рассчитанные на три года. До настоящего

времени реализованы десять таких проектов. Результатами напряженной работы явилось издание серии «Болгаро-российские научные дискуссии». Совместными усилиями сторон были также подготовлены сборники «О чем поведают архивы. Российско-болгарские отношения и связи» (Москва, 2011), «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.» (Москва, 2014). Объединяя ведущих российских и болгарских специалистов-гуманитариев, Комиссия активно содействует научной интеграции ученых обеих стран. И немалая заслуга в этом принадлежит заместителю председателя ее российской части – Ритте Петровне Гришиной.

Научные заслуги Ритты Петровны были отмечены многочисленными наградами: она является лауреатом премии АН СССР и БАН, ей присвоены бронзовая медаль ВДНХ СССР; болгарский орден Кирилла и Мефодия II степени, за научные достижения и укрепление советско-болгарских связей (1971 г.); орден Международного славянского фонда.

И еще одно хотелось бы отметить. Старшее поколение сотрудников Инслава отличала, да и сегодня отличает активная жизненная позиция. У Ритты Петровны особенно ярко она проявилась в период российской «перестройки». Руководимая ею институтская стенгазета стала важным элементом жизни нашего коллектива. Газету ждали, в ее создании активно участвовали, ею гордились как «лицом» Института, отличавшим его от других академических учреждений. Но у нее были и непримиримые противники. «Не все принимали новое, происходящее в обществе, да и в Институте, – вспоминает Ритта Петровна. – Однажды газету сорвали. В другой раз сняли и отдали “на проверку” представителю “органов”», но времена были уже другими, и «оргвыводов» не последовало.

Вся жизнь Ритты Петровны связана с нашим Институтом. И не только о науке идет речь. Особая атмосфера Инслава, ощущение одной семьи, в которой случается всякое, и хорошее, и не очень, но которая дарит ощущение защищенности, надежного плеча и, если случается, то и «жилетки», к которой можно припасть в трудную минуту, – стала для Ритты Петровны, как и для многих из нас, важной составляющей всего бытия.

Поздравляя уважаемую коллегу с юбилеем, желаем ей как можно дольше сохранять присущее ей жизнелюбие, увлеченность любимым делом, творческую молодость.

Крепкого Вам здоровья и неиссякаемых жизненных сил, дорогая Ритта Петровна!

© 2015 г. *Коллеги-болгаристы, сотрудники отдела Истории славянских народов периода мировых войн, редколлегия редакции журнала «Славяноведение», Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН.*

Славяноведение, № 3

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРИИ ВАЛЕНТИНОВНЫ МОЧАЛОВОЙ

С самого начала жизни – жизни представителя послевоенного поколения – Виктория Валентиновна, рожденная в семье боевого офицера, оказалась связанной со славянским миром – ее детство прошло в Югославии. А неизменная любовь и профессиональная привязанность к славистике, к польской литературе и культуре сформировались на филологическом факультете МГУ. Этой проблематикой В.В. Мочалова продолжила заниматься в аспирантуре Института славяноведения и балканистики РАН, где в 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию «Идейно-стилевое своеобразие польской прозы и драматургии второй половины XVI – первой половины XVII в.». Нарботки диссертации нашли продолжение в монографии «Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв.» (М., 1985). Книга, во многом основанная на идеях М.М. Бахтина, оказалась востребованной отнюдь не только в полонистике: развитие польской литературы предопределило становление светских литератур и традиций в Восточной Европе Нового

времени. Принципы исторической поэтики вообще свойственны подходу нашего юбиляра к проблемам литературного развития – недаром ей принадлежат комментарии к изданию «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского (М., 1989), которое способствовало возвращению работ классика отечественной филологии в широкую читательскую аудиторию.

Заслуги В.В. Мочаловой в развитии отечественной славистики в широком смысле (прежде всего, в области истории польской и чешской литератур) характеризует ее участие в подготовке коллективных трудов Института славяноведения «Писатели Народной Польши» (М., 1976), «Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур» (М., 1986), «Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур» (М., 1992), «Очерки истории культуры славян» (М., 1996), «История литератур западных и южных славян» (М., 1997. Т. 1–2). Среди них следует выделить сборник «Studia Polonica. К 60-летию Виктора Александровича Хорева» (М., 1992), посвященный выдающемуся слависту, с которым Викторией Валентиновну связывала давняя дружба и общая любовь к Польше. Главные герои славистических штудий юбиляра – Адам Мицкевич, Болеслав Прус, Юлиуш Словацкий, Ян Кохановский, Станислав Игнатий Виткевич, Александр Ват, Витольд Гомбрович, Юлиан Тувим, Бруно Ясенский и др., и эти исследования не сводятся лишь к литературным портретам: в соответствии с междисциплинарными традициями Института славяноведения фигуры писателей и поэтов понимаются как «культурные герои», определившие смысл исторического развития славянских народов. Особое место в этих исследованиях занимает академическое издание поэмы Юлиуша Словацкого «Бенёвский» (М., 2002), снабженное комментариями В.В. Мочаловой (совместно с Б.Ф. Стахеевым), ее переводами сочинения Ю. Словацкого и лекции о нем К.Ц. Норвида.

С 1990-х годов слависты смогли обратиться к запретной в советской науке теме – истории еврейской диаспоры в славянском мире. Эта история была частью жизни самой Викторией Валентиновны. В 1994 г. В.В. Мочалова возглавила Центр славяно-иудаики в Институте славяноведения и создала целое направление отечественной славистики – славистическую иудаику: под ее руководством проводятся ежегодные международные междисциплинарные конференции по иудаике, регулярно издаются их труды. С самого начала осуществления международного проекта «Культура славян и культура евреев – диалог, сходства, различия» (1995) Викторией Валентиновна является его руководителем и вдохновителем. В области иудаики актуальными оказались и полонистические занятия В.В. Мочаловой: традиционными для культурной истории Польши (и славянского мира) остаются сложные проблемы этноконфессиональных отношений, взаимопонимания связанных одной исторической судьбой народов – этим проблемам посвящены специальные работы юбиляра, в том числе статьи об отражении в литературе исторических событий и стереотипов национального восприятия, о положении иудеев и их отношениях с католиками и протестантами в Польше XVI–XVII вв., об иудео-христианском диалоге в Польско-Литовском государстве XVI в.

В 1973–1994 гг. Викторией Валентиновна заведовала отделом литературоведения и культуры журнала «Славяноведение» (до 1992 г. – «Советское славяноведение»), затем стала членом редколлегии журнала.

Заслуги В.В. Мочаловой отмечены медалью «Amicus Poloniae», и Премией РАН и ПАН за вклад в науку (2008). В 2013 г. она награждена орденом «Золотой Крест Заслуги» (Республика Польша) и удостоена звания лауреата премии Федерации еврейских общин России «Скрипач на крыше 5773–2013» в номинации «Просветительская деятельность».

Творческую натуру Викторией Валентиновны трудно ограничить рамками академической науки – хорошо известно ее участие вместе с И. Кабаковым, Дм. Приговым и др. в интеллектуальной жизни отечественного авангарда.

Коллеги по Институту, с которым связана вся научная жизнь Викторией Валентиновны, желают ей успехов, новых публикаций, радости научного творчества.

© 2015 г. О.В. Белова, В.Я. Петрухин

Редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Викторией Валентиновне здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). Romania: the Year 1916. British assessments and forecasts.....	3
<i>Borisenok E.Yu.</i> (Moscow). Ukrainisation of civil servants in the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s.....	17
<i>Bilek J.</i> (Prague). Writers and the political show-trials in the Czechoslovakia of the 1950s	29
<i>Shakirova E.Z.</i> (Moscow). In search of integrity: an attempt of a philosophical and poetical synthesis in the work of Attila József.....	39
<i>Končarević K.</i> (Belgrade). Discussions on the liturgical language in the Serbian Orthodox Church (a historical review and the present-day situation)	52

REPORTS

<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). Poros as Russia's naval base.....	65
<i>Troyev P.S.</i> (Yakutsk). Leaders of the Polish uprising of 1863–1864 in the Yakut exile.....	77
<i>Belousov S.S.</i> (Rostov-on-Don). Poles in the ethnosocial space of Kalmykia.....	83
<i>Grom O.A.</i> (Elista). Moldavian nationalism in the «public sphere» of Bessarabia (1906–1908).....	89

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Popov K.A.</i> I. Halász. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí	103
<i>Khavanova O.V.</i> Levélben értesítsen engem! Kortársak Széchényi Ferenc könyvtáralapításáról.....	106
<i>Dmitriev D.G.</i> R. Kowalczyk. Rozwój przemysłu ciężkiego w Królestwie Polskim w latach 1877–1914.....	108
<i>Kretinin S.V.</i> Chu Winson. The German Minority in Interwar Poland.....	110
<i>Majorova O.N.</i> Н.И. Бухарин. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века.....	112

SCHOLARLY LIFE

<i>Belova O.V., Valentsova M.M.</i> International conference «Popular prose in Slovakia in the context of history of Slavistics», Bratislava, 2014, October 8–9.	117

JUBILEES

To the jubilee of Ritta Petrovna Grishina.....	122
<i>Belova O.V., Petrukhin V.Ya.</i> To the jubilee of Viktoria Valentinovna Mochalova.....	126

Сдано в набор 16.02.2015 Подписано в печать 02.04.2015 Дата выхода в свет 23.05.2015
Формат 70 × 100^{1/16} Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,9 тыс. Уч.-изд.л. 11,9
Бум.л. 4,0 Тираж 175 экз. Зак. 119 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6